

№ 976

Августъ Стриндбергъ.

Августъ Стриндбергъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Издание В. М. Саблина.

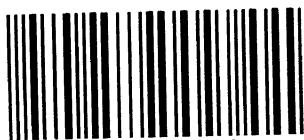
1000 0

Августъ Стриндбергъ.

ПОВѢСТИ. РАЗСКАЗЫ.
ДРАМЫ.

Москва.—1908.

2007085844

ТИПОГРАФИЯ В. М. СЯБЛИНА.

Москва, Петровка, домъ Обидиной.

Телефонъ 131-34.

Современная басня.

Чайки.

Дѣло было весной. Почтенная чайка, старая дѣва, госпожа Гельтъ, собрала на Нитонскомъ утесѣ противъ городского сада всю женскую половину населенія чаекъ города Женевы и его окрестностей. Предметомъ собранія должно было служить обсужденіе семейныхъ вопросовъ на предстоящее лѣто. За послѣдніе годы среди чаекъ происходили постоянно семейныя разногласія, и никто не могъ объяснить причины этого прискорбнаго явленія. Женщины (у чаекъ никогда не говорятъ «самки») не переставали жаловаться на мужчинъ за то, что они пренебрегаютъ своими обязанностями мужей и отцовъ и завели очень для себя удобный обычай покидать своихъ женъ, лишь только онѣ окончатъ высиживать яйца.

— Это ужасно! — возмущалась госпожа Гельтъ.

— Это противорѣчитъ здравому смыслу, — сказала одна почтенная женщина, мать тридцати шести дѣтей.

— И противно всѣмъ законамъ природы, — продолжала старая дѣва, которая была твердо убѣждена, что нести яйца и выводить птенцовъ было противно всѣмъ законамъ

ея собственной природы. — Скажите на милость, съ какой стати вамъ ежегодно класть четыре яйца, потомъ цѣлыхъ три недѣли ихъ высиживать, затѣмъ четыре недѣли воспитывать птенцовъ и, наконецъ, всю зиму таскать за собой дѣтей и учить ихъ ловить рыбу. Я васъ спрашиваю, къ чему все это, — развѣ на свѣтѣ такъ мало чаекъ? А вы посмотрите на этотъ такъ называемый сильный полъ. Во время медоваго мѣсяца они такъ нѣжно воркуютъ, нащипываютъ намъ всякій вздоръ, притворяются покорными и увѣряютъ, что не могутъ жить безъ насъ!

— Нѣтъ, имъ уже больше не удастся насъ провести!

— Что же вы хотите дѣлать? — рѣшилась спросить молодая дѣвушка.

— Мы должны снова добиться равноправія. А для этого намъ надо бастовать!

Послѣ этихъ словъ госпожи Гельтъ наступило сразу тяжелое молчаніе. Молодые дѣвушки вздыхали, а почтенныя матери семействъ только качали головами.

— Бастовать? Неужели навсегда? — прошептала молодая женщина, только что передъ тѣмъ вступившая въ рискованную любовную связь.

— Напрасный трудъ! — буркнула старая чайка, умудренная шестилѣтнимъ опытомъ.

Въ это время со стороны Нюона послышался шумъ. Почти все мужское поколѣніе чаекъ подлетѣло къ Нитонскимъ утесамъ.

— Опять эта старая вѣдьма тутъ смутьянить? — кричалъ старшій изъ мужской стаи.

— Поди сюда и послушай, — позвала молодая чайка.

Почтенный отецъ семейства сразу почувялъ, что затѣ-

вается что-то недоброе и, не имѣя ни малѣйшаго желанія попасть въ драку, держался на почтительномъ разстояніи, летая взадъ и впередъ надъ утесомъ.

— Ахъ, бѣдняжка! Какой онъ трусливый! — кричала разгнѣванная госпожа Гельтъ. — Смотри ты у меня, только попробуй къ намъ приблизиться!

— Вы мнѣ совершенно безъ надобности, сударыня. Но будьте любезны и пришлите мнѣ вонъ то прелестное дитя. У меня для нея припасена такая штука, отъ которой всѣ женщины приходятъ въ восторгъ.

— Вотъ безстыдный негодяй! — кричала госпожа Гельтъ. — Онъ принимаетъ насъ за настоящихъ дурь, но теперь уже ему не удастся насъ обмануть! Давайте бастовать, милочки! Давайте всѣ бастовать!

Тутъ всѣ женщины сразу начали кричать на непрощеннаго мужчину. А тотъ съ хохотомъ носился надъ ними, и, наконецъ, усѣлся на самой вершинѣ утеса.

— Милостивыя государины, — началъ онъ, — давайте обстоятельно обсудимъ этотъ вопросъ. Итакъ, вы, значитъ, хотите бастовать?

— Долой мужчинъ! Мы хотимъ снова быть съ ними равноправными!

— А что подразумѣваете вы подъ словомъ равноправіе? Какое же это равноправіе, когда женщины сидятъ и грѣются въ тепломъ гнѣздѣ, а мы, мужчины, въ это время заботимся о ихъ пропитаніи?

— Это непреложный законъ природы!

— Хороша природа, нечего сказать! Она у васъ мѣняется сообразно съ обстоятельствами. Природа, по вашему, заставляетъ страуса-самца сидѣть на яйцахъ, и та же самая при-

рода принуждаетъ селезня покидать свою утку сейчасъ же послѣ кладки яицъ.

— Я, милый мой, имѣю полное основаніе думать, что и ваша собственная природа столь же измѣнчива, — съязвила госпожа Гельтъ. — Прежде природа заставляла васъ оставаться при вашихъ женахъ и заботиться о нихъ, пока они воспитываютъ птенцовъ...

— Совершенно вѣрно, сударыня. Именно потому я и предлагаю разобрать этотъ вопросъ строго научно. Милостивыя государыни и милостивые государи! Въ политической экономіи существуетъ неизмѣнный желѣзный законъ, основанный на спросѣ и предложеніи. Въ дни моей молодости, я помню, у насъ было очень мало корма, потому что рыбныя богатства Женевскаго озера были истощены хищническимъ ловомъ промышленниковъ. Въ то время каждый заботился только о себѣ, добывая съ большимъ трудомъ дневное пропитаніе, а потому женщины были предоставлены самимъ себѣ и кормились сами чѣмъ могли. Но наступили другія времена, а съ ними и другіе нравы. Благодаря новому мудрому рыболовному закону, озеро снова наполнилось рыбой, и въ немъ стали водиться во множествѣ форели, лещи, сазаны, окуни и многія другія рыбы. Съ тѣхъ поръ только у насъ начинаютъ развиваться супружеская и отцовская любовь. Жить становится легче, и остается свободное время которое можно посвящать домашнему очагу. Къ сожалѣнію на свѣтѣ существуетъ другой золотой законъ, изданный союзнымъ совѣтомъ. Я говорю о законѣ свободной конкуренціи. Согласно этому закону право первенства подавляется правомъ сильнѣйшаго. Благодаря этому филантропическому закону мы теперь принуждены вести войну,

т.-е., выражаясь научно, конкурировать, съ сѣрыми чайками, которыя въ большомъ количествѣ привлечены сюда рыбными богатствами нашего озера. Этимъ обстоятельствомъ мы всецѣло обязаны нашему кантональному совѣту. Сѣрые прищельцы не замедлили пріобрѣсти здѣсь права гражданства, и я не буду говорить вамъ о томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ могли очутиться мы, бѣлыя чайки, если бы намъ не помогло выбраться изъ бѣды одно непредвидѣнное счастливое обстоятельство. Намъ грозила нищета, а нашъ милый родной городъ, несмотря на свое богатство, питаетъ органическое отвращеніе къ нищимъ. Къ счастью въ это время онъ былъ настроенъ болѣе миролюбиво въ этомъ отношеніи, чѣмъ обыкновенно. Поворотнымъ пунктомъ въ жизни города, какъ и въ нашей жизни, было открытіе желѣзной дороги на Монъ-Сени. Желѣзная дорога привлекала массу иностранцевъ, городъ оживился, торговля стала процвѣтать, по озеру по всѣмъ направленіямъ забѣгали пароходы, а какой-то сумасшедшій англичанинъ сталъ бросать намъ съ монбланскаго моста кусочки хлѣба. Съ этого дня всѣ люди считали своимъ долгомъ, бросать намъ куски хлѣба. Мы въ это блаженное время были въ модѣ. Намъ стало уже не зачѣмъ заниматься рыболовствомъ, и съ тѣхъ поръ мы больше не деремся съ сѣрыми чайками.

Вспомните, какіе чудные часы мы проводили, сидя подъ мостомъ или летая у кормы парохода! Мы грѣлись на солнышкѣ, покачиваясь на темносинихъ волнахъ, мы только разѣвали клювы и были сыты. Вспомните, какъ процвѣтали у насъ въ то время семейныя добродѣтели! А вы, милостивыя государыни, развѣ вы думали тогда упрекать

насть за наше отсутствіе? Напротивъ, вы тогда смотрѣли на это очень благосклонно. Къ этому времени и относится начало нашего освобожденія; съ тѣхъ поръ, именно, и появилась наша мужская самостоятельность. До этого мы были скромными тружениками, обремененными домашними заботами. Милостивыя государыни и милостивые государи! Счастливые дни прошли! Отъ того блаженнаго времени, когда кормъ самъ попадалъ къ намъ въ ротъ, осталось только свѣтлое воспоминаніе. До сихъ поръ, правда, еще ничего сквернаго не произошло, но мы не можемъ предотвратить надвигающейся бѣды. Открытіе Сень-Готардской дороги, къ сожалѣнію, уже совершившійся фактъ, а благодаря ему и Женева и Сени будутъ забыты. Ихъ пѣсенка уже спѣта! Ужъ и теперь замѣчается полный застой въ торговыхъ дѣлахъ, иностранцы пріѣзжаютъ сюда все рѣже и рѣже, и не видно больше сострадательныхъ англичанъ, бросавшихъ намъ куски хлѣба. Счастливые дни миновали, и желѣзный законъ снова вступаетъ въ свои права. „Пусть каждый заботится о себѣ“, — гласитъ этотъ неумолимый законъ. Но время не прошло безслѣдно. Эволюція совершилась. Привычка къ свободѣ вошла намъ въ плоть и кровь, и возвращеніе къ старой жизни теперь едва ли возможно. Однимъ словомъ, наша природа измѣнилась.

Госпожа Гельтъ, прослушавшая это длинное объясненіе съ терпѣніемъ, котораго никакъ нельзя было отъ нея ожидать, стояла попрежнему на своемъ и потому стала выпаливать свои возраженія.

— Вы совершенно правы, милостивый государь, говоря, что каждый долженъ самъ о себѣ заботиться. Отсюда, по

моему, одинъ выводъ: давайте бастовать на зло мужчинамъ! Пусть эти сторонники свободной конкуренціи развлекаются безъ насъ, какъ знаютъ. Намъ не нужны ихъ строго научные методы изслѣдованія!

— Такъ вотъ какъ? Вы въ самомъ дѣлѣ хотите возстать противъ своихъ естественныхъ хозяевъ, мужчинъ? Берегитесь, это вамъ даромъ не пройдетъ!

— Вотъ еще, какія глупости! Проживи я еще столѣтъ, я все равно не соглашусь признать такихъ дураковъ своими хозяевами!

— Позвольте, позвольте!... Выслушайте меня... Этотъ вопросъ надо обсудить основательно...

— При помощи строго научнаго метода, — докончила за него старая дѣва.

— Это необходимо. Итакъ, дорогія мои, попробуемте столковаться, и для начала выслушайте то предложеніе, которое я сейчасъ намѣренъ представить вашему высокому вниманію. Милостивыя государыни и милостивые государи! Мы здѣсь затѣяли серьезный споръ, который несомнѣнно останется неразрѣшеннымъ до тѣхъ поръ, пока мы не сговоримся и не обсудимъ спокойно всего этого сложнаго дѣла. Если бы вы согласились отложить забастовку до моего возвращенія, я бы взялъ на себя всестороннее изученіе женскаго вопроса въ разныхъ странахъ и съ этой цѣлью предпринялъ бы специальное путешествіе.

— Очень хорошо! Мы согласны, мы согласны! — закричали радостно всѣ чайки разомъ. Всѣ были рады покончить безконечный и скучный споръ. — Но горе тѣмъ измѣнницамъ, которыя осмѣлятся нарушить нашъ договоръ и вздумаютъ предаваться преступной любви!

— Не теряйте времени, принимайтесь за дѣло, — проговорила госпожа Гельтъ съ презрительной усмѣшкой.

— Отправляйтесь въ путь, мы всѣ будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать вашего возвращенія!

— Благополучнаго пути! Благополучнаго пути! — кричали хоромъ всѣ чайки.

Нашъ старый естествоиспытатель подпрыгнулъ къверху, забралъ побольше воздуха подъ крылья и полетѣлъ по направленію къ городу.

* * *

Было чудное ясное утро, когда нашъ путешественникъ опустился на островъ среди тосканскихъ мареммъ. Онъ страшно усталъ и былъ сильно не въ духѣ, потому что ему до сихъ поръ не удалось ничего узнать по интересующему его вопросу. Для начала онъ сталъ искать по берегу ракушекъ и уголилъ ими мучительный голодъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ былъ снова готовъ приступить къ своимъ социальнымъ изслѣдованіямъ. Но съ чего начать? Кругомъ не было ни одной живой души, и нашъ естествоиспытатель уже начиналъ предаваться отчаянію, какъ вдругъ послышался крикъ дикой утки, быстро летѣвшей вдоль берега моря.

— Эй, утка! Остановись! — закричалъ нашъ путешественникъ, обрадовавшійся попутчику.

— А?! Здравствуй, чайка, — отвѣчалъ селезень, опускаясь рядомъ на песокъ.

— Какъ поживаешь, любезный, и что ты тутъ подѣлываешь?

— Я, видишь ли, изучаю здѣсь женскій вопросъ.

— А скажи пожалуйста, ты уже далеко ушелъ въ этой области? — насмѣшливо спросилъ селезень.

— О, да! А ты, братъ, вѣроятно сбѣжалъ отъ своей жены?

— Нѣтъ, милый другъ, нельзя называть это бѣгствомъ, потому что меня просто-напросто вышвырнули вонъ.

— Какъ вышвырнули? Въ такомъ случаѣ я ничего не понимаю. Я слышалъ, что вы, селезни, удивительно легкомысленные мужья. Мнѣ говорили, что вы покидаете своихъ женъ, какъ только онѣ отложить яйца.

— Мало ли что тебѣ говорили... Вообще за спиной ужасно любятъ рассказывать всякія гадости про бѣдныхъ мужей.

— А развѣ это все неправда?

— Разумѣется, неправда! Боже мой, до чего я хорошо знаю этихъ женщинъ! Весной, когда у нихъ щекочетъ подъ крыльями, онѣ начинаютъ такъ нѣжно ворковать, что поневолѣ потеряешь голову. Но проходитъ пора любви, и мы становимся лишними. Нечего сказать, пріятно быть мужемъ! Все свѣтлое и чистое въ жизни намъ недоступно.

— За какимъ же чортомъ онѣ васъ прогоняютъ вмѣсто того, чтобы заставить васъ заботиться о себѣ, пока онѣ сидятъ на яйцахъ?

— Ахъ, ты, святая простота! Ты, стало быть, не знаешь, что наши жены предусмотрительно запасаются кормомъ на все время, пока онѣ сидятъ на яйцахъ. Поэтому лишній ротъ имъ только въ тягость. Да кромѣ того, наше присутствіе могло бы навлечь на нихъ только лишнюю опасность, потому что наши враги непременно обратили бы вниманіе, если бы мы стали хлопотать вокругъ гнѣзда.

— Какія же у васъ практичныя жены!

— Въ томъ-то и дѣло. Но посуди самъ, насколько уни-
зительно наше положеніе. Знаешь ли ты, что одна неглу-
пая женщина дала такое опредѣленіе понятію «мужчи-
на»: — мужчина, — сказала она, — это не болѣе, какъ оли-
цетвореніе неспособности женщины самостоятельно родить
ребенка.

— Какой цинизмъ! Какая возмутительная грубость! Та-
кимъ образомъ выходитъ, что мужчина это просто самецъ
при женщинѣ и больше ничего. И неужели у васъ суще-
ствуетъ такая семейная жизнь?

— Да, и не только у насъ, но и вездѣ то же самое.

— Не можетъ быть!

— Повѣрь мнѣ. Къ сожалѣнію это горькая истина.

— Въ такомъ случаѣ надо проучить этихъ негодницъ.

— Это невозможно, потому что женщинъ нельзя
бить.

— Почему?

— Потому что онѣ сильнѣй мужчинъ.

— Что-о? Онѣ сильнѣй?

— Да, сударь. Въ самомъ дѣлѣ, надо имѣть больше
силы для того, чтобы снести четыре яйца, чѣмъ для
того, чтобы не снести ни одного. Поэтому, какъ ты самъ
скоро увидишь, женщина вездѣ угнетаетъ мужчину.
Впрочемъ, ты можешь начать свои изслѣдованія, какъ го-
ворится; *ab ovo*.

— Да, я собственно и прилетѣлъ сюда, чтобы посмот-
рѣть на амёбу.

— Вотъ важная штука! Ты знаешь, я за утреннимъ
завтракомъ съѣдаю каждый день по нѣсколько милліоновъ
этихъ животныхъ.

— Я былъ бы тебѣ очень благодаренъ, если бы ты достала, мнѣ со дна пробу съ амѣбами, а то, признаюсь, я самъ не умѣю нырять.

— Этихъ животныхъ нельзя разсмотрѣть простымъ глазомъ, да, въ сущности, тамъ и нечего разсматривать. Это просто яйцо, которое дѣлится пополамъ и такимъ образомъ размножается. Это яйцо двигается и ползаетъ. Вотъ и все. Какъ видишь, тутъ ничего особенно поучительнаго нѣтъ. Зато, если ты хочешь познакомиться съ женщиной, которая лучше всѣхъ другихъ женщинъ относится къ мужчинамъ...

— Я бы очень хотѣлъ видѣть такую женщину.

— Въ такомъ случаѣ твое желаніе будетъ сейчасъ исполнено.

Съ этими словами утка полетѣла къ морю, нырнула и, вернувшись къ чайкѣ, положила на гравій какое-то маленькое животное.

— Вотъ передъ тобой каракатица. Это очень примитивное созданье. Не вздумай, пожалуйста, спрашивать эту почтенную особу о здоровьѣ ея супруга.

— Почему?

— По той простой причинѣ, что у нея такового не имѣется вовсе... Она размножается безъ посторонней помощи.

— Какъ? Совсѣмъ одна?

— Совсѣмъ одна. Найди-ка мнѣ во всемъ свѣтѣ мужчину, который былъ бы способенъ на такую штуку.

— Вотъ чудеса! Значитъ вся эта исторія о томъ, какъ женщина была создана изъ ребра мужчины, — сплошной вымыселъ. Кто сочинилъ эту басню? Мужчина?

— Да, но только такой, который сильнѣе всѣхъ мужчинъ: мужчина въ юбкѣ, иначе говоря, — попъ. Если ты желаешь прослѣдить съ самаго начала исторію развитія мужского пола, то слѣдуй за мной.

Сказавъ это, утка поднялась и полетѣла. Чайка послѣдовала за ней. Скоро онѣ прилетѣли въ маленькую гавань и усѣлись на бугшпритѣ корабля у самой воды.

— Подожди немного. Я сейчасъ покажу тебѣ нѣчто весьма интересное.

Утка нырнула и достала съ кила причудливое животное, похожее на цвѣтокъ тюльпана.

— Полюбуйся-ка на эту штучку, милая чайка. Это маленькое животное принадлежит къ благородному семейству ракообразныхъ. Посмотри, то, что ты видишь, есть слабый полъ.

— А гдѣ же сильный полъ?

— Если хочешь видѣть сильный полъ, то посмотри на спину этой почтенной особы. Видишь этотъ прыщикъ?

— Гдѣ? Вотъ этотъ мѣшечекъ, похожій на пуговку?

— Вотъ именно. Это и есть супругъ. Правда, у этого господина довольно жалкій видъ, но тѣмъ не менѣе этотъ кусочекъ мужчины прекрасно справляется со своими супружескими обязанностями. Итакъ, да здравствуетъ женщина!

Нашъ бѣдный естествоиспытатель почувствовалъ себя при этомъ ужасно неловко, особенно, когда онъ вспомнилъ свои рѣчи по женскому вопросу во время спора на Нитонскомъ утесѣ.

— Знаешь что, утка? Давай-ка лучше бросимъ этотъ вопросъ, — сказалъ онъ. — А то мнѣ уже начинаетъ казаться, что на свѣтѣ все перевернулось вверхъ ногами.

— Оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ. Развѣ ты не знаешь, что въ нашемъ глазѣ всѣ предметы отражаются вверхъ ногами?

— Удивительно, какой ты ученый! Однако возвратимся къ этому жалкому мужу. Надо полагать, что онъ созданъ собственной своей женой.

— По крайней мѣрѣ у этихъ животныхъ оно такъ и есть. Ну, а теперь намъ надо продолжать наши изслѣдованія.

— А на это потребуется еще много времени?

— Тамъ видно будетъ.

Утка полетѣла вдоль берега и направилась къ склону горы, освѣщенному солнцемъ.

Чайка послѣдовала за ней.

— Полюбуйся. Вотъ какъ разъ то, что намъ нужно.

И утка указала на большой сухой листъ, на которомъ сидѣли рядомъ двѣ улитки.

— Вотъ это я понимаю! — обрадовалась чайка. — Наконецъ-то мнѣ удалось увидѣть настоящаго свободнаго мужчину.

— Мужчину? Ничуть не бывало. Каждая изъ этихъ улитокъ одновременно и мужчина, и женщина. Онѣ только помогаютъ другъ другу производить потомство.

— Значить, у нихъ самое настоящее равноправіе половъ? Каждому на долю выпадаетъ и пріятная и тяжелая работа.

— Да, тутъ дѣйствительно полное равноправіе. Поэтому ты здѣсь не увидишь ухаживающихъ мужчинъ.

— Но позволь! Это же безнравственно, это противорѣчить всѣмъ законамъ природы!

— Природа, другъ мой, не можетъ быть безнравственной. Она никогда не противорѣчитъ самой себѣ, хотя въ ней все сложно и потому можетъ казаться противорѣчимъ.

— Какъ все это для меня ново!

— Даже самый большой любитель женскаго пола, насмотрѣвшись на все это, невольно приходитъ къ тому заключенію, что лучше всего не жениться. Дѣлать нечего, намъ, мужчинамъ, пора привыкнутьъ къ мысли, что первенство принадлежитъ женщинамъ, и что мы всѣ произошли отъ одной матери, когда еще не было мужчины. Въ этомъ отношеніи примѣръ пауковъ весьма поучителенъ. Посмотри, вонъ въ центрѣ паутины сидитъ большая гадина, — это самка. А вотъ въ углу, видишь, маленькое тщедушное созданіе. Это супругъ или, вѣрнѣе, проситель. Бѣдный представитель сильнаго пола, какой у него глупый и жалкій видъ! Гляди, гляди, онъ приближается къ самкѣ. Ухъ! какъ она на него смотритъ! Должно быть ей не особенно нравятся ласки этого малокровнаго и худосочнаго господина. Смотри, смотри, она на него бросается! Вотъ она замотала его въ свою паутину и сосетъ его кровь.

— Какое отвратительное зрѣлище! Вотъ мегера! Настоящая синяя борода женскаго пола. Все это похоже на дѣтскую сказку.

— Не вѣрь никакимъ сказкамъ, кромѣ самыхъ неприличныхъ, потому что правда всегда неприлична.

— Знаешь ли, утка, то что мы сейчасъ видѣли, напоминаетъ царство амазонокъ.

— Нѣтъ, подожди еще, амазонки у насъ припасены на послѣдокъ. Итакъ, летимъ дальше.

Утка поднялась и полетѣла въ сосѣдній лѣсъ. Здѣсь наши путешественники опустились на землю около большой муравьиной кучи.

— Закрой лицо свое, смертный, передъ ослѣпительнымъ блескомъ усовершенствованнаго общественнаго строя, — торжественно продекламовала утка.

— Усовершенствованный общественный строй? — съ изумленіемъ переспросила чайка.

— Ну да. Передъ тобой идеальное государство. Здѣсь женщина снова заняла то положеніе, которое предназначено ей самой природой.

— При чемъ тутъ природа? — закричало маленькое существо, ползавшее по верхушкѣ муравейника.

— Простите за беспокойство, сударь, — обратилась къ нему почтительно утка, — не будете ли вы такъ добры сообщить моему товарищу подробности устройства вашего идеальнаго государства. Онъ очень интересуется этимъ вопросомъ.

— Я къ вашимъ услугамъ. Въ такомъ случаѣ, милостивые государи, соблаговолите пересѣсть поближе къ муравейнику, чтобы лучше меня слышать, а то мнѣ строго запрещено переступить порогъ нашего дома.

— Развѣ вы, почтеннѣйшій, не пользуетесь свободой? — спросила чайка.

— Вы это узнаете изъ моего разсказа. Начнемъ съ того, что наше идеальное государство основано на принципѣ раздѣленія труда. Въ основу нашей конституціи положено отсутствіе пола.

— Вы хотите сказать — кастрація?

— Да, почти что такъ. Наше господствующее сословіе

состоить изъ бесполоыхъ самокъ, или, если хотите, изъ евнуховъ женскаго пола. Онѣ сторожатъ гаремъ.

— Стало быть, у васъ есть и султаны? Значить, для того, чтобы вступить въ ваше усовершенствованное государство, надо сдѣлаться могометаниномъ?

— Нѣтъ-съ, сударь. У насъ султанши въ то же самое время и султаны. Мы, мужчины, здѣсь исполняемъ только супружескія обязанности мужей.

— Чортъ возьми! А какъ же тогда самъ мудрый Соломонъ могъ дать свой классическій совѣтъ:—„Праздный человѣкъ! пойди и посмотри на муравьевъ, и пусть лицезрѣніе ихъ труда послужить тебѣ въ назиданіе».

— Почтенный мудрецъ не солгалъ. У насъ, въ самомъ дѣлѣ женщины не остаются праздными, такъ какъ на каждую изъ нихъ приходится по нѣсколько сотъ мужчинъ.

— Какъ это безнравственно! И неужели же у вашихъ мужчинъ нѣтъ другой работы, другихъ обязанностей? Неужели васъ содержатъ просто какъ стадо мужчинъ, откормленныхъ на заводъ.

— Къ сожалѣнію это именно такъ, какъ вы говорите. Ни мужчины, ни женщины у насъ никогда не работаютъ. Все дѣлаютъ одни евнухи.

— Это ужасно! А скажите, всегда это было такъ?

— Нѣтъ. Какъ во всемъ мірѣ, такъ и въ нашемъ государствѣ произошла эволюція.

— Нечего сказать, — хороша эволюція!

— Эволюція, дѣйствительно, не всегда хороша, это правда; особенно когда она происходитъ въ обратную сторону.

— Что вы говорите? Эволюція не можетъ идти въ обратную сторону!

— Нѣтъ, по мнѣнію современныхъ ученыхъ именно такая форма эволюціи преобладаетъ въ природѣ. Такъ, на-
примѣръ, говорятъ, что ракушка произошла отъ улитки,
которая эволюціонировала въ обратную сторону и постепенно
утратила голову. Можно привести много такихъ примѣровъ.
Многіе совершенно ошибочно полагаютъ, что всякая эво-
люція есть въ то же время движеніе впередъ. Остерегайтесь
этого грубаго заблужденія!

— Ну и чудеса!

— Чтобы вамъ дать краткое понятіе объ исторіи раз-
витія нашего общественнаго строя, я долженъ упомянуть,
что у насъ прежде было господство женщинъ, такъ же,
какъ это было и у васъ.

— У насъ?

— Да, сударь. Этимологія до сихъ поръ сохранила
слѣды этого господства женщинъ. Обратили ли вы внима-
ніе на то, что на всѣхъ языкахъ говорятъ въ женскомъ
родѣ: пчела, муха, чайка, утка. И это не простая случайность.
Въ то время женщины управляли, а мужчины подчинялись.
Мужчины только исполняли то, что имъ приказывали жен-
щины. Женщины оставались дома и воспитывали дѣтей, а
мужчины посылались на охоту за пищей и на войну за ра-
бами. Исполняя все это, мужчины были только покорными слу-
гами своихъ женъ. Въ тѣ времена былъ у насъ король, но суще-
ствовалъ онъ только для видимости, потому что на дѣлѣ
власть находилась въ рукахъ королевы, и всѣ исполняли толь-
ко ея волю. Тутъ мы достигаемъ кульминаціонной точки. Бла-
годаря непрерывнымъ войнамъ мужчины стали уменьшаться
въ числѣ, и численное превосходство осталось за женщи-
нами. Такъ какъ на всѣхъ не хватало мужчинъ, то образо-

вался особый класс незамужнихъ женщинъ. Сила этого класса состояла въ томъ, что онъ освободился отъ всего того, что мѣшаетъ женщинѣ въ ея общественной дѣятельности. Выродившіеся мужчины были быстро поработаны, и безполныя незамужнія женщины забрали въ свои руки всѣ должности въ государствѣ. Онѣ же стали служить въ войскѣ и вели войну. Съ первыхъ же дней своего владычества эти незамужнія женщины, ставшія путемъ наслѣдственной передачи благопріобрѣтенныхъ признаковъ безполыми самками, стремились къ уменьшенію числа нормальныхъ самокъ и съ этою цѣлью прибѣгали къ средствамъ, получившимъ свое названіе по имени извѣстнаго ученаго Мальгуса. Такимъ путемъ образовалось наше идеальное государство.

Разсказъ муравья почему-то заставилъ чайку вспомнить госпожу Гельтъ и затѣянную ей забастовку, взволновавшую всѣхъ чаекъ на берегу Женевского озера. Но воспоминанія нашего путешественника были прерваны шумомъ, происшедшимъ въ муравейникѣ. Изъ него вышла цѣлая толпа муравьевъ. Одни изъ нихъ были съ крыльями, другіе безъ нихъ. Тотъ муравей, который только что дѣлалъ историческій обзоръ возникновенія и развитія муравьиного государства, не успѣлъ во время убраться съ дороги и за это получилъ звонкую оплеуху отъ одного изъ жирныхъ евнуховъ.

Спрятавшись за старымъ гнилымъ пнемъ, чайка и утка могли свободно наблюдать печальное зрѣлище.

Сперва появилось штукъ двадцать крылатыхъ самокъ. Послѣ исполненія нѣкоторыхъ формальностей онѣ полетѣли отъ муравейника и поднялись высоко надъ макушкой

кудрявой ели. Затѣмъ были выпущены изъ тюрьмы нѣсколько сотъ крыматыхъ самцовъ, которые тоже полетѣли къ солнцу, чтобы исполнить свою унизительную обязанность.

— Это брачный полетъ, — пояснила утка.

Отъ посторонняго взора было скрыто облакомъ изъ самихъ же насѣкомыхъ то, что происходило надъ верхушкой ели. Одно только горячее солнце было свидѣтелемъ этой крылатой любви.

Черезъ часъ брачный полетъ кончился, самки спустились на землю и вернулись въ свой родной муравейникъ. Бесполья работницы тутъ же стали обрывать имъ крылья, которыя съ этого дня уже становились ненужными.

— Смотри, падшіе ангелы лишаются крыльевъ невинности, — шутливо продекламовала утка.

— А вотъ ангелы смерти! Смотри, смотри, что они тамъ дѣлаютъ! — закричала испуганная чайка, увидавшая, какъ работницы стали набрасываться на самцовъ, которые съ усталымъ и покорнымъ видомъ стояли въ травѣ вокругъ муравейника и не рѣшались подойти ближе.

— Это работницы совершаютъ кровавую расправу надъ самцами, которые имъ теперь уже безъ надобности, — спокойно пояснила утка.

— Удивительно жестокіе нравы! И послѣ этого еще смѣютъ говорить о томъ, что мужчина угнетаетъ женщину? По моему необходимо немедленно учредить общество въ защиту правъ мужчины. Бѣдные, бѣдные угнетенные мужчины! Я больше не хочу видѣть этого идеальнаго государства. Съ меня довольно!

— Ты напрасно возмущаешься. Такова ихъ природа, и тутъ ничего не подѣлаешь.

— Вотъ ужъ правда, что здѣсь произошла эволюція только задомъ напередъ. И, я надѣюсь, ты не станешь отрицать, что появленіе бесполохъ существъ есть прямой результатъ вырожденія.

— Въ томъ, что это вырожденіе, едва ли можно сомнѣваться. Но все-таки это тоже эволюція, которая...

— Ты хочешь сказать, что вырожденіе есть тоже результатъ эволюціи? Можетъ быть. Не спорю. Но къ счастью можно еще найти у высшихъ животныхъ сильный полъ, которому живется нѣсколько легче, чѣмъ муравьямъ.

— Позволь тебѣ сдѣлать нескромный вопросъ, про какихъ животныхъ ты сейчасъ говоришь?

— Ну, возьми для примѣра хотя бы куръ.

— И ты думаешь, что пѣтуху сладко живется, что онъ король въ своемъ курятникѣ? Посмотри, какъ онъ покорно ходитъ за своими дамами, какъ онъ любезно уступаетъ имъ самые лакомые куски, какъ онъ предупредительно разрываетъ для нихъ землю. Ему, бѣднягѣ, приходится исполнять одновременно обязанности ночного сторожа, часового и пастуха. Однимъ словомъ, онъ фактотумъ и комиссіонеръ, состоящій на побѣгушкахъ у своего же собственнаго бабьяго царства.

— Согласись, что мормонизмъ есть крайне безнравственное учрежденіе.

— А скажи пожалуйста, ты очень увѣренъ въ томъ, что лучше имѣть дѣло съ бесполоыми самками, чѣмъ съ нормальными женщинами. По-моему, куда лучше быть пѣтухомъ въ курятникѣ, чѣмъ самцомъ въ муравейникѣ.

— Знаешь ли, милая утка, послѣ всего того, что я видѣлъ, мнѣ одинаково не нравится ни то, ни другое. Ока-

зывается, что природа вездѣ ужасно измѣнчива. Поэтому, пожалуй, благоразумнѣе принимать ее такою, какъ она есть, и не стараться достигнуть идеала. До свиданія. Я очень тебѣ благодарень.

— Желаю тебѣ благополучнаго пути. Не забудь того, что я тебѣ показалъ. До свиданія!

Товарищи разстались, и чайка полетѣла на сѣверъ. Уже темнѣло, и потому она не рѣшилась летѣть надъ моремъ, а предпочла придерживаться берега. Къ полуночи взошла луна, и чайка увидала подъ собой двѣ свѣтящіяся узкія полосы, которыя, какъ двѣ серебряныя проволоки, тянулись съ юга на сѣверъ. Чайка летѣла надъ полотномъ желѣзной дороги, надъ рельсами, блестящими отъ росы, и вдыхала ароматъ цвѣтущихъ апельсиновыхъ деревьевъ и магнолій. Впереди показалось огромное круглое пространство, освѣщенное желтыми пятнами фонарей. Это былъ городъ. Чайкѣ захотѣлось узнать, какъ относятся двурукія существа къ своему слабому полу. Поэтому она полетѣла надъ городомъ, стараясь держаться въ тѣни, чтобы быть незамѣченной. Вскорѣ она увидала огромное зданіе, залитое электрическимъ свѣтомъ. Изъ него выходила пестрая и нарядная толпа. Женщины vanno шли впереди, а мужчины несли за ними ихъ накидки и шали.

— Эге! Здѣсь мужчина, оказывается, исполняетъ обязанности лакея, — подумала чайка.

Она полетѣла дальше и спряталась въ желобѣ на крышѣ. Отсюда ей было хорошо видно, какъ люди ходили по улицамъ. Женщины выступали гордо, какъ королевы, а мужчины ухаживали за ними, почтительно снимали передъ ними шляпы, предупредительно брали ихъ подъ руку

и вообще оказывали своимъ дамамъ всевозможныя услуги. Какъ ни старалась чайка, ей такъ и не удалось увидетьъ, чтобы хоть одна какая-нибудь женщина такъ же относилась къ своему кавалеру.

— Повидимому, тутъ еще не имѣютъ понятія о равноправіи, — рѣшила чайка.

Въ одномъ изъ оконъ противоположнаго дома забыли опустить штору. Чайка заглянула туда и увидала молодую женщину, сидѣвшую на кушеткѣ и смотрѣвшую съ холодной и презрительной усмѣшкой на молодого человѣка, который, умоляя о чемъ-то, стоялъ передъ ней на колѣняхъ.

— Вѣроятно онъ умоляетъ ее дать ему то самое, что она намѣрена ему продать.

Послѣ этого чайка взлетѣла высоко къ небу, чтобы отыскать дорогу на родину. Но въ это время ея вниманіе привлекло огромное мраморное зданіе, освѣщенное луною. Увѣнчанное остроконечными башнями, оно поражало красотой своихъ безчисленныхъ орнаментовъ: статуй, цвѣтовъ, листьевъ и хоругвей. Чайка снова опустилась къ землѣ, чтобы вблизи разсмотрѣть статуи. Здѣсь мужчины, женщины, дѣвушки и старцы стояли вперемѣшку. Надъ цѣлымъ лѣсомъ маленькихъ минаретовъ, увѣнчанныхъ статуями, возвышался огромный куполъ, а на самой вершинѣ его стояла большая бронзовая статуя женщины съ груднымъ младенцемъ на рукахъ.

— Это, должно быть, храмъ, посвященный культу женщины, — подумала чайка. — Утѣшительно, по крайней мѣрѣ, хоть то, что это не просто женщина, а мать. Этотъ культъ мнѣ нравится.

Чайка уже собралась было летѣть дальше, какъ вдругъ

изъ церкви слышалось пѣніе. Сквозь громовые аккорды органа можно было слышать слова, которыя пѣли человѣческіе голоса. Слова эти произвели сильное впечатлѣніе на пернатого отца семейства:

Ave Maria, gratia plena,
Dominus tecum,
Benedicta tu in mulieribus
Et benedictus ventris...

— Несмотря на весь свой идеалистическій реализмъ, мнѣ кажется послѣ всего того, что я видѣлъ, что эта пѣсня выражаетъ совершенно вѣрную мысль. Ave mater! Материнство священо!

Охваченная внезапнымъ приступомъ тоски по родинѣ, чайка поспѣшила домой.

Послѣ легкаго завтрака на озерѣ Аннеси, она пролетѣла мимо Монъ-Сени и раннимъ утромъ добралась до родной Женевской гавани.

Во всей гавани не было видно ни одной бѣлой чайки, словно онѣ всѣ въ воду канули. Чайка облетѣла всю бухту, обшарила камыши у Коппе, осмотрѣла утесы у Тонона, заглянула на болото у Ніона. Но всѣ поиски оказались напрасными. Горькое чувство обиды охватило сердце нашего путешественника. Наконецъ, въ грузовой гавани онъ увидалъ госпожу Гельтъ, сидѣвшую въ полномъ одиночествѣ на бревнахъ. У нея былъ пристыженный и убитый видъ. Она отвернулась и, казалось, нарочно старалась не замѣчать путешественника.

— Съ добрымъ утромъ, многоуважаемая госпожа Гельтъ! — кричалъ онъ ей еще издали. — Какъ забастовка?

— Плохо. Всѣ отступились.

— Всѣ?! Ахъ, чортъ возьми!

— И какія негодныя! Хоть бы одна предупредила меня объ этомъ.

— По дѣломъ вамъ, старая корга! Вотъ видите, сколько вы ни проповѣдывали противъ природы, а здоровая природа все-таки взяла свое.

— А нездоровая природа?

— Та тоже беретъ свое, но только уже послѣ здоровой, такъ сказать, во вторую очередь. Мнѣ васъ сердечно жаль, старая Гельтъ. Но, все-таки, по дѣломъ вамъ! Потому что горбатый не имѣетъ права проповѣдывать искривленіе всѣхъ позвоночныхъ столбовъ.

Священный быкъ, или торжество лжи.

Въ странѣ фараоновъ, гдѣ хлѣбъ былъ такъ дорогъ, но зато было такъ много религій, что все, кромѣ плательщиковъ налоговъ, считалось священнымъ, и гдѣ священный навозный жукъ скатывалъ шарики изъ навоза подѣ священнымъ покровительствомъ священной религій, въ то время какъ священный Ниль откладывалъ свой священный илъ у подножія колышавшихся пальмъ, стоялъ молодой феллахъ и радовался, глядя на тѣ приемы, съ помощью которыхъ быкъ Александръ намѣревался позаботиться о продолженіи своего рода, нисколько не интересуясь тѣми тридцатью столѣтіями, которыя съ высоты пирамидъ наблюдали за его весенней работой.

Но вотъ, на сѣверномъ краю горизонта поднимается желтоватое песчаное облачко, вереница верблюжьихъ головъ поднимается надъ мерцающей гладью пустыни, верблюды становятся все больше и больше, приближаются, и, наконецъ, феллахъ въ страхѣ падаетъ ницъ передъ тремя жрецами Озириса и ихъ духовной свитой.

Жрецы слѣзаютъ съ верблюдовъ, не удостоивая своимъ вниманіемъ феллаха, который въ почтительной позѣ

неподвижно лежитъ на брюхѣ, и подходятъ къ быку. Духовныя особы съ любопытствомъ слѣдятъ за ходомъ его работы, разсматриваютъ разгоряченное животное съ головы до ногъ, тычатъ ему пальцами въ бока и заглядываютъ ему въ ротъ. Послѣ такого тщательнаго осмотра жрецовъ вдругъ охватываетъ какой-то трепеть, они падаютъ ницъ и затыгиваютъ псаломъ.

Исполнивъ свой долгъ передъ грядущими поколѣніями, быкъ начинаетъ обнюхивать своихъ неожиданныхъ поклонниковъ. Потомъ, онъ поворачивается къ нимъ задомъ и медленно проводитъ хвостомъ по ихъ лицамъ.

Наконецъ, поднявшись на ноги, жрецы обратились къ феллаху:

— Счастливѣйшій изъ смертныхъ! — сказали они, — въ твоихъ нечистыхъ рукахъ солнце родило и возростило быка Аписа, тысяча шестнадцатое воплощеніе Озириса.

— Его зовутъ Александромъ, — возразилъ изумленный феллахъ.

— Молчи, глупецъ! На лбу у твоего быка отпечатокъ мѣсяца, у него священные знаки на бокахъ и навозный жукъ подъ языкомъ. Онъ — сынъ солнца!

— Вотъ ужъ неправда! Онъ сынъ быка изъ нашего общественнаго стада.

— Прочь, жаба! — закричали жрецы. — Съ этой минуты, въ силу священнаго закона Мемфиса, этотъ быкъ уже не принадлежитъ тебѣ.

Тщетно старался бѣдный феллахъ доказать жрецамъ всю незаконность такого отчужденія частной собственности. Жрецы съ своей стороны сдѣлали все, что могли, чтобы вразумить неразумнаго феллаха, но имъ такъ и не удалось

убѣдить владѣльца въ божественности происхожденія его собственнаго быка. Феллахъ упорно стоялъ на своемъ, и жрецы, приказавъ ему хранить строжайшую тайну, безъ дальнѣйшихъ церемоній увели съ собой злополучнаго быка.

Освѣщенный утренними лучами солнца храмъ Аписа представлялъ великолѣпное зрѣлище, производившее впечатлѣнiе чего-то божественнаго и таинственнаго на непосвященныхъ и вызывавшее только улыбку у посвященныхъ, знавшихъ, что за этими таинственными символами ровно ничего не скрывается.

Толпа деревенскихъ женщинъ собралась подъ портикомъ храма и терпѣливо ожидала той минуты, когда откроютъ ворота и примутъ отъ нихъ сосуды съ молокомъ, которые онѣ принесли въ жертву мнимому новорожденному богу.

Наконецъ, гдѣ-то внутри храма послышался глухой звукъ рога, и въ большихъ воротахъ открылась маленькая форточка. Невидимыя руки приняли сосуды съ молокомъ, и форточка снова захлопнулась.

Въ это время въ самомъ святой святыхъ храма стоялъ въ стойлѣ быкъ Александръ и мирно жевалъ сѣно, искоса поглядывая на жрецовъ, усердно намазывавшихъ масломъ медовый пирогъ, который благосклонно изволили кушать высшiя духовныя особы въ честь бога Аписа.

— А молоко-то съ каждымъ днемъ становится все хуже, — проговорилъ кто-то изъ жрецовъ.

— Да. Невѣрiе распространяется въ народѣ, — отвѣчалъ другой.

— Ну, посторонись же ты, осель! — кричалъ третій жрецъ, чистившій скребницей быка. Эти выразительныя слова сопровождались не менѣе выразительнымъ пинкомъ въ грудь злополучнаго животнаго.

— Да, падаетъ религія, — грустно замѣтилъ первый жрецъ.

— Къ чорту всѣ религіи, разъ онѣ не приносятъ больше дохода!

— Это все такъ, но народу всегда надо имѣть какую-нибудь религію, если не теперешнюю, то какую-нибудь новую.

— Да поворотись ты, чучело! — кричалъ снова жрецъ, чистившій быка. — Завтра ты, чортъ тебя возьми совѣмъ, будешь изображать боженьку!

Послѣ этихъ словъ все духовенство засмѣялось такъ весело и такъ громко, какъ умѣютъ смѣяться только духовныя особы.

На слѣдующій день бога Аписа покрыли гирляндами и вѣнками, обвили пестрыми шелковыми лентами и повели въ процессіи за толпой дѣтей и музыкантовъ вокругъ храма для того, чтобы народъ могъ его видѣть и поклониться своему богу.

Сначала все шло какъ нельзя лучше, и первые полчаса ничто не нарушало всеобщаго ликованія. Но по роковой случайности прежній хозяинъ злополучнаго быка Александра, не имѣя чѣмъ заплатить подати, въ это самое утро привелъ въ городъ продавать свою единственную корову. Корова еще стояла на площади, когда изъ сосѣдней улицы появилась процессія, и мимо покинутой супруги провели ея мужа, отъ ложа и стола котораго она была от-

лучена уже столько мѣсяцевъ. Быкъ, чувствовавшій въ себѣ необычайную силу послѣ продолжительнаго невольнаго вдовства, почуявъ близость своей дражайшей половины, забылъ про обязанности, которыя налагало на него его божеское званіе, и поступилъ совсѣмъ по-земному. Онъ опрокинулъ своихъ тѣлохранителей и бросился къ своей супругѣ.

Дѣло принимало скверный оборотъ, и надо было во что бы то ни стало спасать положеніе. Въ довершеніе несчастія феллахъ, увидѣвъ своего быка, пришелъ въ неопредѣлимый восторгъ, забылъ про всякую осторожность и сталъ кричать на всю площадь:

— Ахъ, мой милый Александръ, какъ же я объ тебѣ соскучился!

Тутъ священники сразу нашли выходъ изъ затруднительнаго положенія.

— Онъ святотатствуетъ! Смерть осквернителю святыни! — кричали жрецы.

Озвѣрѣвшая толпа набросилась на феллаха и избивала его до полусмерти. Потомъ онъ попалъ въ руки полиціи, и его поволокли на судъ. Здѣсь отъ него потребовали, чтобы онъ разсказалъ всю правду, но феллахъ упорно стоялъ на своемъ и доказывалъ, что быкъ принадлежитъ ему и что онъ подъ именемъ Александра ходилъ въ ихъ общественномъ стадѣ.

Какъ извѣстно, на судѣ недостаточно доказать справедливость событія, могущаго служить оправданіемъ обвиняемому, а потому феллаху надо было защитить себя отъ обвиненія.

— Скажи, правда ли, что ты оскорбилъ священнаго быка тѣмъ, что при народѣ назвалъ его Александромъ?

Конечно, я назвалъ его Александромъ...
Довольно! Ты его назвалъ Александромъ.
Конечно... потому что это правда...

— Нельзя говорить правду!

— Стало быть, надо лгать?

— Лгать? Такъ никто не выражается. Надо говорить такъ: «уважать чужое мнѣніе.»

— А что это значить — «чужое»?

— Ну, это ты понимаешь самъ... Это значить — мнѣніе своего ближняго и... ну, и вообще, мнѣніе всѣхъ людей...

— Въ такомъ случаѣ, господинъ судья, соблаговолите отнестись съ уваженіемъ къ моему мнѣнію о моемъ собственномъ бычкѣ и оставьте меня въ покоѣ!

— Да понимаешь ли ты, дурень, что надо уважать чужое мнѣніе, а не твое?

— Я понимаю, что «чужое мнѣніе» — это мнѣніе всѣхъ людей, кромѣ феллаха.

— Ты, кажется, начинаешь дерзить? А теперь иди. Я отдаю тебя въ полное распоряженіе жрецовъ. Пусть они дѣлаютъ съ тобой, что хотятъ.

Феллаха повели въ храмъ Озириса. Здѣсь оказалось, что старшій жрецъ гораздо податливѣй, чѣмъ можно было ожидать.

Совершенно не отрицая того, что священнаго быка дѣйствительно зовутъ Александромъ, старшій жрецъ старался объяснить феллаху, что объ этомъ нельзя заявлять во всеуслышанье, потому что... ну просто потому, что всякое человѣческое общество зиждется на всеобщемъ согласіи, а потому надо уважать чужое мнѣніе.

— Ахъ ты, боже мой! Да почему же, въ такомъ слу-

чаѣ, никто не хочетъ уважать мнѣнія феллаха? Для толпы его мнѣнія тоже чужое, слѣдовательно, оно тоже достойно уваженія.

У старшаго жреца было, въ сущности, доброе сердце. Онъ былъ честный малый, и ему уже давно надоѣло обманывать народъ. Онъ былъ тронутъ простосердечными доводами феллаха и рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы провести нѣкоторыя реформы. Посовѣтовавшись со своими сослуживцами, старшій жрецъ приказалъ позвать въ храмъ народъ, собравшійся подъ портикомъ.

Снявъ облаченіе, старшій жрецъ сталъ у алтаря въ обыкновенной туникѣ и обратился къ толпѣ съ рѣчью.

— Дѣти мои! — началъ онъ.

Въ изумленной толпѣ произошло движеніе. Его не узнавали.

— Дѣти мои! — сказалъ старшій жрецъ. — Не одежда дѣлаетъ человѣка. Посмотрите на меня! Развѣ вы меня не узнаете? Я старшій жрецъ Озириса.

Въ толпѣ начался ропоть.

— Итакъ, дѣти мои, — продолжалъ старшій жрецъ, — пришло время посвятить васъ въ тайны священныя мистерій. Не бойтесь! Я такой же простой смертный, какъ и вы всѣ, и, чтобы васъ успокоить, я снялъ длинныя священныя одежды. Вы ошибались, принимая за самого бога простого быка, который есть только олицетвореніе всеоплодотворяющаго божественнаго солнца.

Затѣмъ, обратившись къ священникамъ, старшій жрецъ приказалъ:

— Отдерните первый занавѣсъ!

Толпа, никогда не видавшая внутренности храма, пала

ницъ передъ изображеніями Сфинкса и Озириса, видѣвшимися за полуотдернутымъ занавѣсомъ. Никто не дерзалъ поднять глазъ.

— Встаньте!—гремѣлъ голосъ старшаго жреца.—Встаньте и смотрите. Отдерните второй занавѣсъ! — приказалъ онъ священникамъ.

Второй занавѣсъ поднялся, и глазамъ изумленной толпы открылось самое обыкновенное стойло въ задней части храма. Въ этомъ стойлѣ въ непринужденной позѣ лежалъ быкъ и спокойно жевалъ свою жвачку.

— Вотъ, теперь вы видите быка Александра, — сказалъ жрецъ.—Вы воображали, что это богъ, а на самомъ дѣлѣ это просто жалкая скотина. Правду я говорю, феллахъ?

Но тутъ толпа зашумѣла. Среди всеобщаго страшнаго крика можно было слышать визгливый женскій голосъ:

— Осквернитель храма! Смерть обманщику! Смерть лжецу!

Не прошло и минуты, какъ старшій жрецъ уже былъ задушенъ женщинами, трупъ его выволокли изъ храма и бросили въ колодезь.

Та же участь постигла и феллаха, захотѣвшаго разоблачить священную ложь.

Тогда остальные жрецы сочли за лучшее поскорѣе опустить всѣ занавѣсы и искать спасенія въ святая святыхъ, гдѣ они продолжали заниматься скотоводствомъ и посвятили свою жизнь культу душеспасительной лжи.

Благородные.

За садомъ, у самага забора, стоялъ большой кустъ шиповника, весь покрытый цвѣтами. Безчисленныя вѣтви его были гибки, какъ сабельныя клинки изъ самой лучшей стали.

Изъ своего скромнаго уголка шиповникъ могъ видѣть всѣ посадки садовника.

На грядкахъ росли розы, но видъ у нихъ былъ совсѣмъ неважный. Маленькіе тощіе кустики, ростомъ не выше лейки. У многихъ изъ нихъ морозомъ побило завязь, и они сами почернѣли и поблѣкли. Другіе, и такихъ было большинство, были бесплодны, ихъ природа была слишкомъ нѣжна, и они не могли имѣть дѣтей. На такихъ кустахъ никогда не появлялось завязи и бутоны никогда не распускались.

Шиповникъ видѣлъ ихъ всѣхъ еще прошлымъ лѣтомъ. Тогда они всѣ стояли на грядкахъ съ великолѣпными красными, желтыми и бѣлыми цвѣтами. Зато теперь у нихъ былъ совсѣмъ слабый и жалкій видъ.

Садовникъ былъ очень огорченъ, увидавъ своихъ благородныхъ питомцевъ въ такомъ упадкѣ.

— Чортъ знаетъ, какое худосочіе! Надо непременно доставить имъ притокъ здоровой и свѣжей крови.

Садовникъ нарвалъ плодовъ шиповника съ большого дикаго куста и посадилъ ихъ на особой грядкѣ.

Старый шиповникъ не безъ гордости размышлялъ о томъ, что теперь и у него будутъ благородные дѣти, и заранѣе радовался блестящей участи, ожидавшей его потомство, передъ которымъ заботливая рука будетъ устранять всѣ неблагопріятныя условія борьбы за существованіе.

Съ наступленіемъ весны молодые шиповники начали расти. Видъ у нихъ былъ крѣпкій и здоровый, благодаря роскошному питанію, которое они получали въ саду. Родная мать съ гордостью любовалась ими, а дикіе братья, растущіе на гранитѣ и пескѣ, смотрѣли на нихъ съ завистью.

Въ два лѣта они выросли такъ, какъ не вырастаютъ и въ четыре года ихъ дикіе сородичи. Упругіе стебли ихъ подымались кверху, какъ испанскій камышъ.

На третью весну садовникъ пришелъ къ своимъ посадкамъ. Онъ выкопалъ лопаткой всѣ молодые кустики, отобралъ всѣхъ слабыхъ въ одну кучу, и здѣсь они лежали, истекая кровью, вяли и умирали подъ лучами палящаго солнца. Крѣпкіе и здоровые кустики рабочіе запаковали въ солому и увезли на вокзалъ. Садовникъ оставилъ себѣ только два кустика и тутъ же посадилъ ихъ въ особую грядку.

Мать съ замираніемъ сердца смотрѣла на эту кровавую расправу. Но жестокий садовникъ этимъ не ограничился. Онъ взялъ ножъ и срѣзалъ одно изъ молодыхъ растений

у самой земли, такъ что отъ него ничего не осталось на поверхности, потомъ онъ срѣзалъ у другого кустика всѣ вѣтки и оставилъ только одинъ маленькій черешокъ. Затѣмъ садовникъ сдѣлалъ прививку. На первомъ кустикѣ онъ привилъ глазокъ подъ самой землей, на другомъ онъ сдѣлалъ прививку на верхушкѣ черешка.

Проходятъ дни, и раны начинаютъ затягиваться. Сокъ подымается по стеблю, благодаря работѣ сильныхъ корней, почки набухаютъ и распускаются, и паразитическія вѣтки радуются жизни за счетъ тѣхъ несчастныхъ, которые «поятъ ихъ собственной своею кровью». Садовникъ съ ножомъ въ рукахъ постоянно наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы здоровая натура шиповника не взяла верхъ, и заботливо обрѣзаетъ дикія вѣтви, какъ только онѣ начинаютъ расти.

— Что, дѣтки мои бѣдныя,—спрашиваетъ ихъ огорченная мать,—довольны ли вы, что попали въ такую благородную компанію? Не надоѣло ли вамъ таскать на своихъ спинахъ этихъ тунейдцевъ, которые сами даже не въ состояніи дѣлать дѣтей безъ посторонней помощи.

А дѣти стонутъ въ отвѣтъ:

— Да, ужъ нечего сказать, пріятно проводить время въ этомъ благородномъ обществѣ. Взять хотя бы меня: я изображаю палку, на которую насажена метла. А посмотрите на моего брата, онъ, бѣдняга, принужденъ держать свой свѣтильникъ подъ спудомъ.

Въ это время изъ-подъ земли слышится слабый голосъ, полный тоски и страданія:

— Послушай, благородный дворянинъ! Я работаю тутъ подъ землей въ темнотѣ и даже на вижу солнца, а ты тамъ сидишь себѣ спокойно наверху, питаешься моимъ со-

комъ и присвоиваешь себѣ то, что принадлежитъ мнѣ. Ахъ, если бы я могъ выбраться на волю! Я бы тебѣ показалъ тогда, кто изъ насъ сильнѣй.

Садовникъ не растаетъ съ своимъ ножомъ и, какъ только замѣтитъ появленіе «ненастоящаго» ростка, онъ его немедленно срѣзаетъ. Зато «настоящіе» благоденствуютъ и расправляютъ на солнцѣ свои цвѣтушія вѣтви.

Женщины одна за другой проходятъ по дорожкамъ сада и восхищаются красивыми розами.

Вотъ уже іюль мѣсяць.

Садовникъ что-то не показывается. Не слышно больше, какъ скрипитъ песокъ подъ его толстыми деревянными подошвами. На слѣдующій день тоже нѣтъ садовника и его безошаднаго ножа. Ставни дома плотно затворены, и по саду распространяется какой-то аптечный запахъ каждый разъ, когда входная дверь открывается, чтобы пропустить доктора.

Садовникъ боленъ и лежитъ въ постели.

— Теперь, пока нѣтъ ножа, на нашей улицѣ праздникъ! — радостно шумятъ порабощенные кусты шиповника. — Теперь настало время намъ бороться за равноправіе.

— Часъ мщенія насталъ! — шепчутъ въ ужасѣ благородные.

— Скажите лучше: часъ расплаты, — отвѣчаютъ кусты шиповника.

Дикіе стебли начинаютъ быстро расти кверху. Они работаютъ день и ночь. Они ползутъ отовсюду, выходятъ на свѣтъ и поднимаются къ небу. Они растутъ до тѣхъ поръ, пока не заслоняютъ солнечнаго свѣта отъ «настоя-

шихъ». Они сами поѣдаютъ все то, что добываютъ своимъ трудомъ. Благородные дворяне, посаженные на сухоѣденіе, понемногу начинаютъ чахнуть.

— Долой кровопійцы! Долой ихъ вмѣстѣ съ господствомъ ненавистнаго ножа!

И кровопійцы гибнутъ отъ недостатка въ пищѣ, такъ какъ они сами не въ состояніи себя прокормить. Листья ихъ увядаютъ, задушенные дружнымъ натискомъ здоровыхъ и работоспособныхъ противниковъ. Ихъ нераспустившіеся цвѣты засыхаютъ, ихъ поблекшія вѣтви покрываются гусеницами, которыя пожираютъ ихъ заживо, подобно тому, какъ черви пожирали тѣло дѣтоубійцы и тирана Ирода.

Теперь кусты шиповника пользуются всѣми радостями жизни. Они покрываются простыми, но здоровыми цвѣтами, обладающими всѣмъ тѣмъ, чего не доставало побѣжденному противнику. Они празднуютъ медовый мѣсяцъ любви при свѣтѣ солнца и сіяніи мѣсяца, они принимаютъ пестрыхъ бабочекъ и золотистыхъ жуковъ. Молодая завязь уже начинала распухать подъ цвѣтками шиповника...

Но вотъ въ одинъ прекрасный день съ утра открылись ставни въ домѣ садовника, аптечный запахъ исчезъ и песокъ снова заскрипѣлъ подъ толстыми деревянными подошвами. Явился и самъ садовникъ съ неизмѣннымъ ножомъ въ рукахъ.

— Ахъ, негодные, — сердито закричалъ садовникъ, — они-таки отомстили за себя и умертвили мои розы!

— Нѣтъ, они только воспользовались своимъ правомъ жить, они только себѣ позволили ѣсть свой собственный хлѣбъ. Они и не думали убивать благородныхъ тунеядцевъ.

Они только поневолѣ были причиною ихъ смерти. И все это они сдѣлали безъ помощи ножа!

Такъ говорилъ кустъ шиповника. Но садовникъ ударилъ ножомъ по его стеблю, и бѣдный шиповникъ снова очутился въ своемъ подземельѣ. Здѣсь ему приходится покорно ждать слѣдующей болѣзни садовника или терпѣливо надѣяться на отмѣну господства ножа.

Естественный подборь.

Стѣнные часы въ лабораторіи начинаютъ бить, и химикъ снимаетъ грязную блузу, моетъ руки и уходитъ обѣдать.

Въ залѣ темнѣетъ, и только свѣтъ уличныхъ фонарей слабо освѣщаетъ стѣны лабораторіи, гдѣ на полкахъ стоятъ во множествѣ всевозможныя соединенія — полезныя, вредныя и безразличныя.

Наступаетъ часъ привидѣній.

Вотъ Золото, этотъ всемогущій король-эгоистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный повѣса. Золото никогда не смѣшиваетъ своей царской крови съ кровью народа. Оно стало властелиномъ вовсе не изъ-за своей силы, а только благодаря своей красотѣ. Оно благосклонно позволяетъ себя любить; но само протягиваетъ руку только сильнѣйшему, Хлору.

А вотъ и Хлоръ, доставляющій столько горя и хлопотъ всѣмъ женатымъ. Онъ постоянно сгоняетъ мужей съ ихъ супружескаго ложа. Этотъ желто-зеленый Хлоръ страшно жаденъ, и всѣ знаютъ, что онъ всегда готовъ измѣнить

своей законной супругѣ, Водороду, и завести себѣ другую подругу жизни.

Вотъ Желѣзо. Онъ старый демократъ и вѣрный любовникъ Кислорода, этой бѣдной потаскушки, которую нужда заставляетъ принимать самыя грубыя ласки.

Вотъ Углекислота. Она ужасно напоминаетъ почтовую клячу, которая вѣчно въ разгонѣ и не знаетъ отдыха. Углекислота постоянно заводитъ мимолетныя связи, направо и налево, расходится и сходится снова. Кромѣ того, у нея есть удивительная способность исчезать, какъ дымъ.

Всѣ пробки летятъ въ потолокъ. Начинается любовная война. Борьба изъ за самки и естественный подборъ вступаютъ въ свои права. Все здѣсь происходитъ согласно законамъ природы, то-есть, безъ всякихъ пробокъ.

Углекислота и Натръ уже много лѣтъ жили въ счастливомъ супружествѣ и такъ нѣжно любили другъ друга, что напоминали пару голубковъ. Ничто не нарушало ихъ супружескаго счастья.

Однако она, Натръ, начитавшись вѣроятно новѣйшихъ теорій, которыя, къ сожалѣнію, получили въ наше время слишкомъ широкое распространеніе, пришла къ тому заключенію, что тихая семейная жизнь не только невыносимо скучна, но и давно уже вышла изъ моды.

Правда, она продолжала попрежнему относиться съ большой нѣжностью къ своему мужу, но открыто заявила, что гаремная жизнь ей надоѣла и что она намѣрена выѣзжать въ свѣтъ.

Онъ, бѣдная Угольная Кислота, больше всего на свѣтѣ боялся разбудить спящаго звѣря и ревностно оберегалъ свое семейное счастье. Онъ никакъ не могъ постигнуть, почему

его жена считала, что ихъ совмѣстное жилище есть гаремъ, въ которомъ томится только она. Почему она не допускала мысли, что и онъ можетъ тоже томиться? Въ сущности, они оба были одинаково заперты въ этомъ гаремѣ.

Наконецъ, онъ согласился на настойчивыя просьбы жены, и было рѣшено въ этотъ вечеръ выйти изъ дома и пойти купаться.

— Сознайся, моя дорогая, что наше сегодняшнее предпріятіе нѣсколько напоминаетъ самоубійство,— замѣтилъ мужъ, котораго терзала ревность.— Я совершенно не понимаю, зачѣмъ намъ съ тобой подвергать себя опасностямъ коварнаго свѣта. И къ чему ты придумала это купаніе? Вспомни только, что всѣ красавицы, какъ древности, такъ и нашего времени были соблазнены именно во время купанія: Сусанна, Діана, Леда и многія другія.

Но жена не уступала.

— Ты ревнуешь? Ну, сознайся, что ты ревнуешь?— допрашивала она мужа.

— Да, цыпочка моя. Я безумно ревную. Я готовъ ревновать тебя даже къ самому чорту!

Всѣ предостереженія и убѣжденія Угольной Кислоты были напрасны.

Они отправились въ путь.

На ихъ горе химикъ оставилъ открытой колбу съ растворомъ Винной Кислоты. Супруги доверчиво остановились у края сосуда и стали любоваться прозрачностью и чистотой коварной жидкости.

— Посмотри,— обрадовалась жена,— это какъ разъ то, что намъ нужно.

И они безъ дальнихъ разсужденій бросаются внизъ головой въ прозрачную ванну, гдѣ имъ готовилась неожиданная опасность.

Не успѣло нѣжное тѣло Натра коснуться воды, какъ легкомысленная жена уже почувствовала себя въ страстныхъ объятіяхъ Винной Кислоты.

Вѣтреная жена, Натръ, и не думала сопротивляться и предоставила дѣло его естественному теченію. Зато обиженный супругъ ея, Угольная Кислота, завопилъ что есть мочи:

— Предатель! Оставь въ покоѣ мою жену, а не то я съ тобой раздѣлаюсь. Ахъ, моя любимая, моя красавица, Натръ, возвратись ко мнѣ, моя ненаглядная! Да отпусти же ты ее, сатана! Я люблю ее! Понимаешь ты это,— я люблю ее!

— О, я охотно этому вѣрю, милостивый государь,— отвѣчала пылкая Винная Кислота.— Я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы любите ее, но я-то люблю ее сильнѣй, чѣмъ вы, и въ этомъ вся штука.

Бѣдная Угольная Кислота, изгнанная ни за что, ни про что изъ собственнаго рая, пошла плача домой. Вокругъ нея, какъ жемчужины, летѣли брызги воды, закипѣвшей отъ жара пламенныхъ объятій двухъ страстныхъ любовниковъ.

— Красота всегда достается сильнѣйшему,— утѣшаетъ потерпѣвшаго счастливый побѣдитель.

Несчастный оставленный мужъ безпомощно бродилъ вокругъ злополучной колбы и съ злорадствомъ выжидаль минуты, когда появится мститель и, какъ сильнѣйшій, предъявить свои права на красоту.

Ему не пришлось долго ждать.

Вскорѣ послышался безшабашный смѣхъ и веселый плескъ воды. Вслѣдъ за тѣмъ появился разудалый молодецъ, красавецъ Хлористый Водородъ, къ которому безумно ревнуютъ несчастные мужья и котораго обожаютъ легкомысленныя жены.

Хлористый Водородъ уже давно обратилъ вниманіе на восхитительную красоту Натра, но до сихъ поръ не представлялось случая для любовнаго объясненія. На этотъ разъ, остановившись надъ колбой, онъ увидѣлъ купающихся влюбленныхъ. Лицо его покрывлось внезапною блѣдностью, и все тѣло его начало трясти отъ сильнаго озноба.

— Прочь отсюда! — закричалъ онъ внѣ себя. — Пошелъ прочь, ты, чортова кукла! Какъ ты смѣешь воровать у меня мою любовь, чистоту которой я берегъ ко дню своей свадьбы.

— Тѣмъ печальнѣе для тебя, что я у тебя же подъ носомъ воспользовался правомъ первой ночи.

— О, если бы ты знала, красавица Натръ, какою не-земною любовью я тебя люблю!

— Я признаю только земную любовь, — отвѣчала она.

— Въ такомъ случаѣ, ты меня еще не знаешь! Эй, ты, скотина, убирайся отсюда, а не то я пинками сгоню тебя съ постели.

Съ этими словами Хлористый Водородъ бросается въ битву и съ сжатыми кулаками налетаетъ на своего противника, но Винная Кислота покорно уступаетъ свое мѣсто и безмолвно опускается на дно.

Хлористый Водородъ остается побѣдителемъ. Но уже послѣ перваго страстнаго объятія онъ чувствуетъ себя сразу какимъ-то разслабленнымъ и утомленнымъ, какъ

будто у него отняли всю его прежнюю молодецкую силу. Хлористый Водородъ становится такимъ покорнымъ и тихимъ, что его никто не узнаетъ.

— Вотъ что значить сила настоящей любви,—наставительно говоритъ Натръ, которая тоже утратила свою былую страстность.

Хлористый Водородъ чувствуетъ себя совершенно уничтоженнымъ, Правда, онъ еще существуетъ, но онъ уже не похожъ на самого себя. Всѣ его отличительныя черты такъ слились съ характерными свойствами его супруги, что онъ уже самъ не въ состояннн понять, гдѣ кончается онъ и гдѣ начинается она.

— Два тѣла, но одинъ духъ,—декламируетъ Натръ.

Хлористый Водородъ при всемъ желаннн не можетъ отыскать своего собственнаго Я, а Натръ никакъ не можетъ понять, чего не хватаетъ ея мужу. Что же касается Винной Кислоты, то она ревнуетъ и злорадно посмѣивается надъ жалкимъ положеннмъ своего счастливаго соперника.

— Ну-съ, молодой человѣкъ,—скрипитъ Винная Кислота,—ваша супруга здорово подрѣзала вамъ крылышки! А вы, сударыня, вѣроятно сумѣли оцѣнить ту заботливость, съ которой вашъ супругъ сглаживаетъ для васъ всѣ неровности собственнаго характера. Бракъ—это вообще великолѣпное учрежденн! Это лучшая школа для мужчинъ и для женщинъ.

На другой день химикъ показываетъ своимъ слушателямъ колбу съ хлористымъ натромъ и объясняетъ имъ сущность химической реакцнн.

— Милостивые государи! Здѣсь вы видите два ядовитыхъ тѣла, хлоръ и натрнн, обладающнн самыми противополож-

ными свойствами. Они, подобно влюбленнымъ, постоянно ищутъ другъ друга, они соединяются, расходятся и, наконецъ, окончательно сливаются вмѣстѣ, образуя одно тѣло. При этомъ они утрачиваютъ свои ядовитыя свойства и, отложивъ ради общаго блага свои эгоистическія стремленія, они образуютъ новое существо, которое всѣ любятъ и знаютъ за его чрезвычайно полезныя свойства. Такимъ образомъ мы получаемъ хлористый натръ, или поваренную соль, при чемъ соляная кислота теряетъ частицу водорода, а натръ отдаетъ весь связанный съ нимъ кислородъ. Тѣ, кто утверждаетъ, будто химическое сродство не имѣетъ ничего общаго съ супружеской любовью, тѣ, говорю я, напрасно оскорбляютъ природу. Вотъ, милостивые государи, какимъ образомъ протекаетъ эта весьма интересная химическая реакція.

Стыдливость и холодъ.

— Ахъ, мамаша, какой стыдъ! — волновалась молодая бѣлая куропаточка, возвратясь изъ долины на свою скалу, — тамъ внизу сидятъ какія-то птицы съ совсѣмъ голыми ногами.

— Какая неподходящая компанія для благовоспитанной молодой дѣвушки! — возмутилась мать и провела клювомъ по своимъ бѣлымъ панталонамъ, которые закрывали ей ноги до самыхъ пятокъ. — А ты не знаешь, кто такія эти безстыжія созданія? — спросила она у дочери.

— Не знаю, — отвѣчала куропаточка.

Старая куропатка рѣшила спуститься въ долину, чтобы разузнать, въ чемъ дѣло. Она поползла между кустами вереска и челибухи и выбралась на березовую порубку. Тутъ расположилась цѣлая стая сѣрыхъ куропатокъ, залетѣвшихъ сюда со скошенныхъ полей сосѣдняго государства. Всѣ онѣ были безъ панталонъ, и ноги у нихъ были голы до самыхъ колѣнъ.

— Откуда вы явились, развратныя созданія? — спросила разгнѣванная мамаша бѣлой куропаточки.

— Мы здѣсь пролетомъ съ юга. А у насъ тамъ слишкомъ жарко, чтобы носить панталоны, — отвѣчала одна изъ сѣрыхъ куропатокъ.

— Въ такомъ случаѣ, отправляйтесь-ка подобру-поздорову къ себѣ на югъ. Нечего тутъ смущать народъ! Намъ, въ нашей приличной странѣ, нѣтъ никакого дѣла до вашихъ южныхъ обычаевъ.

— Нечего сказать, хорошо приличіе въ бѣлыхъ панталонахъ! — съязвила сѣрая куропатка.

— Какъ видите, сударыня, мы еще, славу Богу, не утратили стыдливости.

— Пустяки! — отвѣчала сѣрая куропатка. — Вы надѣли свои панталоны вовсе не изъ стыдливости, а изъ-за холода.

Тутъ всѣ сѣрыя куропатки закричали хоромъ:

— Разумѣется, не изъ стыдливости, а изъ-за холода!

Право собственности.

Красивый кустъ орѣшника стоялъ на опушкѣ. На немъ были уже совсѣмъ спѣлые орѣхи, когда въ ясный августовскій день на него взобралась бѣлка.

«Это мой орѣховый кустъ», — сказала себѣ бѣлка и перепрыгнула на другую вѣтку, чтобы попробовать зубы о соблазнительные орѣхи.

— Эй, ты, ворюшка, пошелъ вонъ отсюда! — послышался пискливый голосокъ откуда-то изъ самаго куста.

— Кто это тамъ? — спросила бѣлка и стала оглядываться по сторонамъ.

Наконецъ, у самыхъ корней куста она увидела мышъ.

— Нечего тебѣ тутъ дѣлать! Отправляйся-ка откуда пришла и не смѣй ѣсть моихъ орѣховъ! — пищала мышъ.

— Мои орѣхи, мои орѣхи! — передразнила бѣлка и безъ дальнихъ разговоровъ принялась за лакомое блюдо.

— Не смѣй, говорятъ тебѣ, воръ ты этакій!

— А позвольте васъ спросить, на какомъ основаніи вы считаете эти орѣхи своими?

На основаніи *jus primі venientis* или, если вамъ это больше нравится, по праву первенства.

— Пусть такъ, милостивая государыня, но я присваиваю себѣ этотъ кустъ на основаніи *jus primі occupantis*, то-есть на основаніи захватнаго права. Сила крѣпче всякаго права. Я сильнѣ васъ, поэтому на моей сторонѣ всѣ преимущества. Поняли?

— О чемъ у васъ тутъ споръ? — затрещала сойка, прилетѣвшая на шумъ.

— Эй, ты, оставь мои орѣхи, а то я тебѣ задамъ!

— Извините, сударыня, — отвѣчала бѣлка, — но я первая открыла этотъ кустъ.

— Что ты открыла мой кустъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Но по какому праву ты осмѣлилась имъ завладѣть?

— Я имъ владѣю по праву...

— Ты имъ владѣешь просто безъ всякаго права. А теперь я прилетѣла и отберу его у тебя.

Но въ ту минуту, когда сойка собиралась броситься на бѣлку, въ спорящихъ полетѣлъ градъ камней, и имъ оставалось одно — спасти свою шкуру, что они и поспѣшили сдѣлать.

— Ишь, какія лакомья! — кричали мальчишки, пришедшіе въ рощу за орѣхами. — Ну, теперь мы имъ ничего не оставимъ.

И мальчишки принялись рвать орѣхи.

— За этимъ кустомъ, кажется, довольно весело проводятъ время, — пробурчалъ себѣ подъ носъ арендаторъ, появляясь около злополучнаго орѣшника.

— А ну-ка, господа воры, позвольте мнѣ отодрать васъ

за уши, дабы вы не заблуждались въ своихъ воззрѣнiяхъ на частную собственность.

— Вотъ великолѣпный кустарникъ! Это какъ разъ то, что намъ нужно для фашинныхъ укрѣпленiй, — загудѣлъ внушительный бастъ капрала, пришедшаго въ рошу съ патрулемъ. Солдаты обнажили сабли и собрались рубить кустъ.

— Стойте! — закричалъ арендаторъ.

— Вы кто такой? Владѣлецъ? — спросилъ капраль. — Если вы не владѣлецъ, то прошу не вмѣшиваться!

— Но я арендаторъ...

— Ну такъ что же, что вы арендаторъ? Вы сами не имѣете права срубить этотъ кустъ, а я имѣю право. Прошу мнѣ не мѣшать.

— Значить, законы, ограждающiе неприкосновенность частной собственности, отмѣнены? — любопытствовалъ арендаторъ.

— Да, милѣйшiй, въ данномъ случаѣ этотъ такъ. Передъ силой оружія умолкаетъ законъ. Потрудитесь проводить меня къ владѣльцу: мнѣ надо ему предъявить предписаніе о производствѣ реквизиціи. Оно у меня вотъ здѣсь.

Они уходятъ.

Арендаторъ и капраль не успѣли еще скрыться изъ виду, какъ появляется желѣзнодорожный землемѣръ съ рабочими.

Онъ устанавливаетъ нивеллирь, дѣлаетъ вычисления, измѣряетъ мѣстность, наноситъ ее на планъ и, наконецъ, отдаетъ распоряженіе своимъ рабочимъ.

— Срубите-ка для начала вонъ тотъ орѣховый кустъ. Сказано — сдѣлано.

— По какому праву вы позволяете себѣ производить въ моей рощѣ самовольную порубку лѣса? — спрашиваетъ владѣлецъ, пришедшій на мѣсто происшествія.

— На основаніи законовъ объ отчужденіи частновладѣльческихъ земель для государственныхъ нуждъ.

— Въ такомъ случаѣ — пожалуйста.

И владѣлецъ уходитъ, вполне удовлетворенный объясненіемъ землемѣра.

— Это называется—законное нарушеніе правъ частной собственности,— съ достоинствомъ говоритъ капралъ.

— Съ предоставленіемъ преимущества тому, кто приходитъ послѣднимъ,— ворчитъ арендаторъ.

— Давайте, пока что, займемся скорѣй отчужденіемъ орѣховъ,— шепчутся между собой дѣти.

— И я тоже сейчасъ займусь реквизиціей,— говоритъ бѣлка.

— Попробуйте теперь убѣдить меня въ томъ, что у насъ существуютъ хоть какіе-нибудь законы, ограждающіе неприкосновенность частной собственности,— пишитъ мышь.

Разсказъ

о томъ, какъ почтенный пасторъ, вѣрившій въ Бога, утратилъ свою вѣру, благодаря хитрости пчель, и умеръ на понѣ своей семьи убѣжденнымъ атеистомъ.

Жиль-быль священникъ, искренно вѣрившій въ Бога. Такой рѣдкій случай не слѣдуетъ, однако, считать слишкомъ необыкновеннымъ въ нѣдрахъ христіанской церкви. Надо сказать, что дѣло обстояло не всегда такъ. Въ своей ранней юности молодой священникъ имѣлъ правильное понятіе обо всемъ окружающемъ, благодаря вліянію своей благочестивой матери, совершенно отрицавшей существованіе Бога. Къ несчастію, юноша попалъ въ житейскій водоворотъ, его окружало дурное общество, и здѣсь у него украли его дѣтскія убѣжденія. Такимъ образомъ, достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ почувствовалъ себя настоящимъ теистомъ и надѣлъ священническую рясу, чѣмъ глубоко огорчилъ свою благочестивую мать.

Въ сущности, молодой священникъ вовсе не былъ ограниченнымъ человѣкомъ. Онъ никогда не питалъ особаго интереса ни къ духовнымъ, ни къ свѣтскимъ книгамъ и не извлекалъ изъ нихъ новыхъ доказательствъ бытія Божія. Самымъ неопровержимымъ доказательствомъ онъ считалъ

цѣлесообразность всѣхъ явленій природы, выражающуюся особенно ярко въ проявленіяхъ инстинкта у животныхъ.

Молодой пасторъ пристрастился къ пчеловодству. Какъ извѣстно, всѣ пчеловоды, благодаря тлетворному вліянію пчелъ, неизмѣнно превращаются въ самыхъ убѣжденныхъ теистовъ. Это обстоятельство уже давно обратило на себя вниманіе господъ атеистовъ, и они употребляли всѣ средства, чтобы съ помощью запретительныхъ пошлинъ подорвать пчеловодство.

— Оглянитесь кругомъ, дѣти мои,— такъ обыкновенно заканчивалъ пасторъ свою обстоятельную воскресную проповѣдь, въ которой съ несомнѣнностью доказывалъ необходимость существованія Бога.— Напримѣръ, посмотрите на пчелъ (кстати, это были единственные животные, жизнь которыхъ онъ изучалъ). Какъ вы полагаете, кто научилъ ихъ дѣлать эти удивительные соты? Вы, можетъ быть, думаете, что это сдѣлалъ я? Или моя служанка? Или мой старый садовникъ Яковъ? Нѣтъ и тысяча разъ нѣтъ! Можете ли вы себѣ представить пчелъ, когда мы съ ними снова встрѣтимся на небѣ? Я лично глубоко убѣжденъ въ томъ, что мы съ ними тамъ встрѣтимся. Итакъ, можете ли вы вообразить себѣ этихъ самыхъ пчелъ, не собирающими меда? Нѣтъ и тысяча разъ нѣтъ! Вы не можете себѣ этого представить по той простой причинѣ, что законы природы, созданные Богомъ, вѣчны и неизмѣнны. Оборвите пчеламъ ихъ крылья, отломите имъ ноги, вырвите имъ языкъ, и онѣ, все-таки, несмотря ни на что, будутъ вырабатывать медъ. При всѣхъ обстоятельствахъ и подъ всѣми широтами пчелы слѣдуютъ своему инстинкту и собираютъ медъ. Это несокрушимый законъ природы, вложенный въ этихъ живот-

ныхъ божественной волей единого неизмѣннаго и всемогущаго Бога. Аминь.

Въ одинъ прекрасный день нашъ молодой пасторъ получилъ мѣсто духовника на кораблѣ, отправляющемся въ Вестъ-Индію, на островъ Мартинику.

Дальнее путешествіе подъ тропики не пугало нашего храбраго пастора, но мысль о томъ, что придется разстаться съ пчелами, ложила въ тяжеломъ камнемъ ему на сердце. Какъ могъ онъ доказывать невѣрующимъ неграмъ несомнѣнность бытія Божія, не имѣя постоянно подъ рукою самаго неопровержимаго доказательства? Послѣ долгаго и всесторонняго обсужденія этого важнаго вопроса, пасторъ принялъ вдругъ самое простое рѣшеніе и увезъ съ собой своихъ милыхъ пчелокъ.

Наконецъ, послѣ длиннаго и утомительнаго путешествія, онъ добирается цѣль и невредимъ до Мартиники и здѣсь отдаетъ свой крылатый скотъ подъ присмотръ знакомаго негра, весьма надежнаго атеиста.

Этотъ негръ былъ страшно любопытенъ и относился крайне добросовѣстно ко всякому дѣлу, которое ему поручали.

Поэтому онъ началъ съ того, что захотѣлъ пересчитать всѣхъ отданныхъ на его попеченіе пчелъ. Съ этой цѣлью онъ сталъ брать ихъ руками изъ улья. Это повело къ тому, что непросвѣщенный негръ повѣрилъ въ существованіе діавола; мало того, онъ убѣдился въ существованіи цѣлой тысячи діаволовъ сразу. Пасторъ прибѣжалъ на крики своего чернаго брата и сталъ утѣшать его тѣмъ сообщеніемъ, что жало дано пчеламъ самимъ Богомъ. Это еще болѣе утвердило негра въ его вѣрѣ въ новаго злого бога, называемаго дьяволомъ.

Многіе чернокожіе обитатели колоніи дѣлали попытку попробовать на вкусъ и покушать «сахарную муху». Послѣ подобныхъ опытовъ они всѣ неизмѣнно становились убѣжденными почитателями дьявола.

Нашъ бѣдный пасторъ тщетно старался ихъ направить на путь истины.

Настала зима. Меду въ этомъ году оказалось на рѣдкость мало, и никто не могъ объяснить, почему это могло случиться. Въ глубинѣ души у пастора было какое-то неясное враждебное чувство къ этимъ маленькимъ соавторамъ его чернокожей паствы, такъ мало изготовлявшимъ меду и такъ много способствовавшимъ распространенію въ народѣ этого проклятаго ученія о дьяволѣ.

Вотъ проходитъ зима безъ дождей и безъ снѣга. Добрый пасторъ лежитъ въ гамакѣ, пристроенномъ между двухъ стройныхъ пальмъ, а молодая новообращенная негритянка заботливо обмахиваетъ его вѣеромъ. Пасторъ тѣмъ временемъ занимается благочестивыми размышленіями на тему о бытіи Божьемъ.

— Я еще понимаю, — разсуждаетъ онъ, — что можетъ существовать особый богъ у пьяницъ; но откуда могъ взяться этотъ новый богъ у пчелъ и у негровъ, объ этомъ нужно серьезно подумать.

И онъ думаетъ. Глаза его при этомъ съ состраданіемъ и нѣжностью смотрятъ на молодую негритянку, которая, наперекоръ всѣмъ разсказамъ о грѣхопадении прародителей, не стѣсняясь стояла передъ нимъ совершенно нагая.

Такъ незамѣтно проходитъ зима, а за нею весна и лѣто. За это время пчелы успѣли совратить значительное количество негритянскихъ душъ.

Когда наступила осень, пасторъ захотѣлъ узнать, какъ собирали его пчелы медъ въ это истекшее лѣто. Захвативъ съ собою пчелинца, негра Цезаря, онъ въ одинъ прекрасный день отправился на пчельникъ за медомъ.

Каково же было изумленіе пастора, когда онъ не нашелъ въ своихъ ульяхъ ни одной капли меда.

Въ первую минуту онъ заподозрилъ Цезаря.

— Это ты, осель, поѣлъ весь мой медъ? — закричалъ на него пасторъ.

— Нѣтъ, масса, негры никогда не ѣдятъ пчелинаго помета.

— Ты хочешь сказать, меда?

— Да, масса, вотъ это самое, что пчелы дѣлаютъ. Христіане ѣдятъ пчелиный навозъ, а негры навоза ѣсть не стануть.

— Да это вовсе не навозъ, это ихъ зимній кормъ.

— У насъ не бываетъ зимы.

— Это правда, и твое замѣчаніе справедливо, но пчелы все же должны собирать медъ, потому что ихъ къ этому побуждаетъ инстинктъ, то-есть, воля Божья. Понимаешь теперь?

— Какъ же такъ? Богъ захотѣлъ, чтобы мухи ѣли зимой то, что онѣ соберутъ за лѣто? Я этого не могу понять, масса.

— Да пойми же ты, дурья голова, что онѣ должны непременно собирать медъ, или тамъ, какъ ты его называешь по-своему. Разъ существуетъ на небѣ Богъ, воля его должна быть исполнена на землѣ.

— Хорошо, святой отецъ. Но что же тогда будетъ съ волей этихъ мухъ?

— Не говори, пожалуйста, глупостей! У животных не можетъ быть собственной воли.

— Я не могу понять, почему, дорогой братъ. И зачѣмъ твоимъ пчеламъ собирать запасы на зиму, когда онѣ круглый годъ могутъ ѣсть сахарный тростникъ. Твои маленькіе звѣрки вовсе не такъ глупы, какъ ты думаешь.

Въ головѣ у священника все помутилось. Неужели же негръ правъ, и пчелы въ самомъ дѣлѣ поняли, что имъ не надо больше собирать зимнихъ запасовъ, разъ всегда можно достать сахарный тростникъ.

Страшныя сомнѣнія завладѣли душою священника. Если допустить, что пчелы способны мыслить, то придется признать, что онѣ въ состояніи дѣлать выводы изъ своихъ размышленій и, слѣдовательно, могутъ произвольно измѣнять вѣчные законы природы. Что же тогда останется отъ инстинкта и Божественнаго промысла?

Доведенный до отчаянія мучительными сомнѣніями и выведенный изъ терпѣнія неисправимой лѣностью своихъ пчелъ, пасторъ въ одинъ прекрасный день принялся съ яростью разбивать свои ульи. Пчелы, разумѣется, пришли въ бѣшенство отъ такого варварскаго обращенія съ ними и накинулись на пастора, который послѣ непродолжительнаго единоборства упалъ побѣжденнымъ на землю. Его безъ чувствъ перенесли въ постель.

Во время длинныхъ ночей, проведенныхъ на одрѣ болѣзни, пасторъ успѣлъ раскаяться въ своихъ заблужденіяхъ. За нимъ ухаживала его старушка-мать, благочестивое міросозерцаніе которой по прежнему было свободно отъ вліянія суевѣрнаго теизма. Пасторъ открылъ ей свои сомнѣнія, и къ нему возвратилась его дѣтская вѣра. Послѣ

этого онъ открыто объявилъ себя сторонникомъ истинной атеистической религи, къ великой радости всей своей чернокожей паствы, которой пришлось такъ много претерпѣть подѣ тяжестью неопровержимыхъ доказательствъ бытія Божія.

Любовь къ отечеству.

Вишневья деревья стоятъ въ цвѣту, и щука играетъ въ камышахъ маленькаго залива.

Молодой человѣкъ сидитъ въ сѣняхъ простой деревенской избы, которую онъ снялъ вмѣсто дачи на лѣто. Освободивъ себя отъ накрахмаленнаго воротника и манжетъ, онъ занялся снаряженіемъ удочекъ и радостно вдыхаетъ свѣжесть яснаго майскаго утра, смѣшанную съ ароматомъ трубки.

Его молодая жена тутъ же разбираетъ содержимое чемодана, а дѣтишки весело играютъ въ саду, гдѣ только что распустились тюльпаны и нарциссы.

— Въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошо въ деревнѣ!—воскликаетъ мужъ.—Ты не можешь себѣ представить, какъ я ненавижу городъ.

И онъ показываетъ рукой на пелену черного дыма, застилающую горизонтъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ расположенъ городъ.

— Погоди, дай только притти осени, и ты запоешь хвалебныя пѣсни городской жизни, — отвѣчаетъ жена.

— Ты хочешь этимъ сказать, что все дѣло въ температурѣ? Весьма вѣроятно, что это именно такъ.

Въ это время прибѣгаютъ дѣти и кричатъ во все горло:

— Ласточки! Ласточки прилетѣли! Вотъ онѣ!

Воздухъ оглашается веселымъ чириканіемъ перелетныхъ пташекъ, возвратившихся въ свои старыя гнѣзда.

— Ласточки приносятъ съ собой счастье въ домъ. Правда, мама? — спрашиваетъ дѣвочка.

— Правда, дѣтка, — отвѣчаетъ мать. — Поэтому не надо разорять ихъ гнѣздъ. Помните это, дѣти, и посмотрите, какъ ласточки любятъ свою родину. Онѣ всегда возвращаются....

— Къ своей первой любви, — доканчиваетъ мужъ. — А осенью онѣ улетаютъ отсюда совсѣмъ такъ же, какъ и я.

Ласточки сидятъ на телеграфномъ столбѣ и оживленно разговариваютъ.

— Все здѣсь осталось по-старому, только мужчина немного постарѣлъ.

— Должно быть, зима очень сурова въ этой чужой странѣ?

— Поразспроси-ка воробьевъ. Они тебѣ расскажутъ, какова здѣсь зима.

— Разумѣется, нашъ милый югъ куда лучше. Тамъ было бы совсѣмъ хорошо, еслибъ бѣдные феллахи не разставляли сѣтей и не ѣли насъ вмѣсто жаркого.

— Въ Египтѣ удивительно скверная религія: она разрѣшаетъ употреблять въ пищу ласточекъ. Здѣшняя религія мнѣ гораздо больше нравится.

— Да, здѣсь недурно прожить въ прохладѣ въ лѣтнюю пору, но на родинѣ у насъ, все-таки, много лучше.

— Нельзя сказать, чтобы было очень легко и пріятно совершать это свадебное путешествіе на сѣверъ и обратно.

— Что подѣлаешь? Такая мода заведена нашими предками много вѣковъ тому назадъ, такъ что сѣверъ уже давно служитъ намъ какъ бы родильнымъ пріютомъ.

— Я слыхала, что сѣверные народы, наоборотъ, совершаютъ свои свадебныя путешествія къ намъ на югъ.

— Значитъ, мы дѣлаемъ другъ другу визиты.

* * *

Второй сборъ финиковъ оконченъ. Осенніе ливни снова превратили выжженные степи въ зеленѣющіе луга. Вода въ Нилѣ поднимается, и комары начинаютъ откладывать яйца въ камышахъ.

Бѣдный феллахъ лежитъ передъ своей хижиной на солнцѣ и грѣетъ свою сторбленную спину.

Его жена приготовляетъ на ручной мельницѣ неизмѣнную дурру.

Исхудалыя, голодныя дѣтишки забавляются тѣмъ, что намазываютъ другъ другу лица чернымъ рѣчнымъ иломъ.

— Тяжело...— стонетъ феллахъ.—Что это за жизнь? Ни тебѣ птицы, ни рыбы, одна только дурра изо дня въ день!

— Ты вотъ лежишь себѣ да полеживаешь, а ласточки уже возвратились,— флегматично отвѣчаетъ жена.

— Ласточки? Ты правду говоришь?

— Въ самомъ дѣлѣ. Я видала сегодня утромъ, какъ онѣ летѣли надъ рѣкой.

— Ну, теперь и у насъ будетъ жаркое! Скорѣй, скорѣй! Гдѣ мои сѣти! Благословенъ Аллахъ! Вотъ милыя пташки, какъ онѣ любятъ свою родину!

А ласточки въ это время сидятъ на камышахъ и щебечутъ:

— Нечего сказать, хороша родина, гдѣ насъ ѣдятъ вмѣсто жаркого.

— Ну такъ что же? Зато солнышко грѣетъ; здѣсь много вкусныхъ мухъ, и кругомъ такая красота!

— Особенно, если вспомнить, что теперь зима. Вообще, здѣсь все хорошо, кромѣ сѣтей. Во всякомъ случаѣ, здѣсь наша родина.

— То-есть, наша вторая родина. *Ubi bene, ibi patria.* Гдѣ мы сыты, тамъ и наша родина!

Clariss majorum exemplis.

Въ залѣ покинутаго рыцарскаго замка въ Стокгольмѣ царило необычайное оживленіе. Двѣ поденщицы ходили по залѣ съ тряпками въ рукахъ и старательно стирали пыль, старую дворянскую пыль, осѣвшую здѣсь еще въ 1865 году, когда ее отрясли съ своихъ ногъ дворяне, стучавшіе каблукками въ знакъ одобренія; славную графскую пыль, поднимавшуюся отъ голубой обивки скамеекъ, когда первые люди королевства въ страхѣ безпокойно ерзали на своихъ мѣстахъ; благородную баронскую пыль отъ блестящихъ расшитыхъ мундировъ. Была тутъ и не дворянская, а простая канцелярская пыль отъ потертыхъ черныхъ сюртуковъ. О той пыли, которая лежала густымъ слоемъ въ галлерей, нечего и говорить, потому что туда еще не заглядывали тряпки поденщицъ.

Ландмаршальское кресло изъ слоновой кости стояло пустымъ, рядомъ, на столѣ лежалъ, молотокъ и нѣсколько томовъ гербовника. Можно было подумать, что здѣсь недавно производился аукціонъ. Позади кресла стояла статуя

Густава Адольфа (второго) и смотрѣла пустыми мраморными глазами куда-то вдаль черезъ опустѣвшую залу на живопись потолка.

Солнце ярко свѣтило черезъ окна фасада и играло на поблекшихъ гербовыхъ щитахъ, висѣвшихъ на сѣверной стѣнѣ залы, придавая имъ давно утраченный блескъ.

— Какіе здѣсь чудные обои,— сказала молодая поденщица, которая, вообще, еще мало видѣла на своемъ вѣку.

— Что ты, голубушка? Это ихъ щиты,— отвѣчала старшая, помнившая еще старые порядки.

— А что это такое — щиты?

— Развѣ ты не знаешь? Щиты, гербовые щиты, гербы... ну, однимъ словомъ...

— Что же, они ими, должно быть, сражались, въ родѣ какъ мечами?

— Нѣтъ, что ты? За нихъ они прятались во время сраженія.

— Зачѣмъ же они теперь висятъ здѣсь?

— Нужно же имъ гдѣ-нибудь висѣть. А потомъ, все это было такъ давно, что теперь уже никто не знаетъ, почему ихъ сюда повѣсили.

Въ это время въ дверяхъ появился молодой человекъ въ шелковомъ картузикѣ съ ящикомъ съ красками въ рукахъ и остановился на порогѣ. Онъ окинулъ стѣны презрительнымъ взглядомъ, втянулъ голову въ плечи и посмотрѣлъ на потолокъ, потомъ пожалъ плечами такъ, какъ умѣютъ пожимать плечами только молодые художники, когда смотрятъ на посредственную живопись. Послѣ этого онъ прямо подошелъ къ обѣимъ женщинамъ и спросилъ

ихъ, гдѣ находится номеръ 806, дворянскій родъ номеръ 806.

На этотъ вопросъ госпожа Лундинъ смогла сразу ему отвѣтить. Не далѣе, какъ сегодня утромъ, она поставила къ стѣнѣ высокую лѣстницу какъ разъ подъ номеромъ 806. Дѣло въ томъ, что еще въ тотъ годъ, когда готовили замокъ къ засѣданіямъ послѣдняго парламента, кровельщикъ началъ чинить крышу. Сквозь разобранную крышу дождевая вода протекла на чердакъ, оттуда просочилась сквозь штукатурку и сильно попортила одинъ гербовый щитъ, какъ разъ тотъ самый, на которомъ стоялъ номеръ 806. То обстоятельство, что именно этотъ, а не другой номеръ стоялъ на попорченномъ щитѣ, очевидно зависѣло отъ простой случайности, но обѣ женщины вѣрили, что есть нѣкто, распоряжающійся и случайностями. На потолкѣ осталось отвратительное грязное пятно, напоминавшее болотную тину. Изъ этой тины внизъ по стѣнѣ ползла рыжая змѣя. Она бы могла напасть на номеръ 805 или на номеръ 807, словомъ, на любой изъ полсотни ближайшихъ номеровъ, но она проползла мимо нихъ, будто бѣлый ангелъ защитилъ ихъ отъ опасности, и, какъ мѣткая стрѣла, достигла своей цѣли. Въ испорченномъ гербѣ не было ничего замѣчательнаго. Щитъ былъ раздѣленъ на три серебряныхъ поля, и въ каждомъ полѣ было по золотой собачьей головѣ. Надъ щитомъ не было ни шлема, ни короны, а три павлиньихъ пера съ яркими глазками, которыя были нарисованы такъ живо и такъ вѣрно, что, глядя на нихъ, казалось, будто они смотрятъ дикимъ и воинственнымъ взоромъ. Но змѣя заползла на перья, покрыла своимъ грязнымъ иломъ великолѣпные глазки, и они уже не имѣли

прежняго вида. Потомъ рыжая змѣя обвилась вокругъ всего щита и вылила на всѣ три серебряныхъ поля свой зеленый ядъ, который она собрала тамъ на крышѣ между листьями желѣза. Съ собачьими головами рыжая змѣя ничего не могла подѣлать, потому что онѣ были сдѣланы изъ золота.

Между тѣмъ, молодой человѣкъ, забравъ подъ мышку свой ящикъ съ красками, уже преспокойно возсѣдалъ на верхушкѣ лѣстницы и ломалъ себѣ голову надъ изобрѣтеніемъ предлога, чтобы какъ можно дольше не начинать предстоявшей ему скучной работы.

Онъ вынулъ изъ кармана короткую трубку и уже собирался закурить, но вспомнилъ, въ какомъ мѣстѣ онъ находится, а потому, желая быть корректнымъ, счелъ нужнымъ спросить у обѣихъ женщинъ:

— Здѣсь можно курить?

— Что вы? Какъ вамъ не стыдно спрашивать такія вещи? — съ негодованіемъ отвѣтила старшая поденщица.

— Если нельзя курить, то, значитъ, можно жевать?

На этотъ вопросъ женщина даже не нашла нужнымъ отвѣчать, но вполнѣ опредѣленно заявила, что плевать на полъ она не позволитъ.

Молодой человѣкъ уже не слушалъ ея разсужденій и, засунувъ за щеку плитку табаку, засвисталъ веселый походный маршъ.

Такой неслыханной дерзости не могла снести старая блоха, просидѣвшая сто лѣтъ на одной и той же скамьѣ на хорахъ въ залѣ засѣданій. Много насмотрѣлась и наслушалась она, сидя на этомъ мѣстѣ. Слышала она много умныхъ рѣчей, доводилось ей часто слушать и пустую

болтовню, а еще чаще и настоящія глупости, но еще ни разу не пришлось ей слышать, чтобы кто-нибудь осмѣлился свистать въ этой залѣ. Дѣтство свое старая блоха провела на живой изгороди изъ терновника. Отсюда она перебралась въ зеркальную придворную карету, проѣхавшую слишкомъ близко отъ изгороди. Наконецъ, усѣвшись на государственнаго канцлера (въ этотъ день онъ былъ при всѣхъ своихъ регалияхъ), блоха попала въ замокъ. Здѣсь, оставшись вѣрной своимъ демократическимъ наклонностямъ, она выбрала своимъ мѣстопробываніемъ хоры, гдѣ всегда можно было нюхать пріятный запахъ сырого платья и сапогъ. Послѣднія пять лѣтъ блоха сплошь проспала вмѣстѣ со своей девяностодевятилѣтней дочерью. Обѣихъ разбудилъ необычайный шумъ въ залѣ. Не очухавшись еще отъ долгаго сна, старая блоха растолкала свою дочь и попросила ее встать и посмотреть, въ чемъ дѣло.

Совершивъ полетъ на барьеръ, молодая блоха возвратилась съ извѣстіемъ, что какой-то маляръ (что было бы, если бы онъ могъ это слышать!) собрался мазать одну изъ таблицъ. Слово «таблица» она произнесла довольно пренебрежительно, потому что блохи вообще ни во что не цѣнятъ всѣ недеревянные предметы. Старая блоха была ужасно любопытна отъ природы, и потому она рѣшила немедленно предпринять вмѣстѣ съ дочерью путешествіе, чтобы самой разузнать, въ чемъ дѣло. Обѣ блохи на время разстались съ гостепріимной скамьей и отправились въ путь по полу, вдоль хоръ, черезъ маленькія кучки сушеныхъ табачныхъ корней. Наконецъ, онѣ благополучно добрались до стѣнки. Затѣмъ имъ пришлось прыгать съ таблицы на таблицу, при чемъ старая блоха пришла къ тому заклю-

ченію, что на этомъ дурацкомъ желѣзѣ можно совсѣмъ отморозить ноги. Зато молодая блоха была въ восхищеніи отъ тѣхъ роскошныхъ и удивительныхъ вещей, которыя попадались имъ на дорогѣ. Имъ пришлось путешествовать черезъ дубовыя рощи; онѣ натыкались на кобольдовъ, грифовъ, змѣй и драконовъ; онѣ перелѣзали черезъ башни и стѣны, проходили черезъ цѣлые города и пробирались между остатками людей и животныхъ, между скипетрами и коронами, звѣздами и солнцами.

Наконецъ, онѣ добрались до карниза.

— Ну, теперь держись крѣпче! — сказала старая блоха своей дочери. — Намъ придется теперь пробираться надъ пропастью. Вонъ на той большой картинѣ въ серединѣ потолка намъ будетъ лучше всего. Тамъ должно быть много холста и масляной краски.

Путешествіе было не изъ безопасныхъ и не изъ легкихъ. То оказывалась трещина въ штукатуркѣ, то на самой дорогѣ была протянута паутина, то мосты изъ пыли обваливались подъ тяжестью смѣлыхъ путешественницъ. Жизнь висѣла на волоскѣ, голова кружилась, и каждую минуту можно было сорваться въ пропасть.

Но вотъ блохи почувствовали вкусный запахъ масляной краски. Онѣ почти добрались до мѣста.

— Теперь слѣдуй за мной, — сказала старшая.

Надо было еще пройти по облакамъ, чтобы добраться до мантии богини, нарисованной на полотнѣ. Здѣсь щедрый художникъ мазнулъ по глубокой складкѣ мантии добрымъ полуфунтомъ кармина. Въ этомъ мѣстѣ путешественницы и рѣшили остановиться.

Старая блоха протерла глаза и заглянула внизъ.

— Что-то я ничего не разберу. Посмотри-ка ты, какой тамъ нумеръ на этой таблицѣ, — сказала она дочери.

— Нумеръ 806, — сообщила та.

Старая блоха прижалась лбомъ къ своей шестой ножкѣ и глубоко задумалась.

— Три собачьихъ головы!.. Три павлиньихъ пера!.. О, Солонъ, Солонъ! — шептала старая блоха.

Молодая блоха была страшно заинтересована такимъ страннымъ поведеніемъ матери и стала такъ усиленно просить ее рассказать ей исторію таблицы № 806, что старая блоха согласилась исполнить ея просьбу и рассказала ей все, что сама слышала отъ мыши, проживавшей на хорахъ.

Вотъ рассказъ блохи про № 806:

Однажды во время войны съ Норвегіей его величество король Магнусъ лежалъ ночью въ лагерѣ у Тиведена и спокойно ворочался на своей постели. Онъ не могъ заснуть, такъ какъ у него болѣли почки отъ чрезмѣрнаго употребленія аликанта. Было еще совсѣмъ темно, но король не хотѣлъ зажигать свѣта. Онъ пощупалъ свои водяные часы, было четыре часа, — еще цѣлыхъ два часа до разсвѣта! Онъ всталъ, прочиталъ нѣсколько молитвъ, выпилъ кружку пива и снова улегся. Такъ пролежалъ король до утра и спокойно метался по своей постели, волнуемый тревожными мыслями.

Рано утромъ пришелъ докторъ, осмотрѣлъ больного и нашелъ положеніе его настолько серьезнымъ, что предписалъ немедленно какое-нибудь развлеченіе, на примѣръ, облаву или охоту. Такъ какъ по сосѣдству не было никакихъ крестьянъ, а солдатъ короля нельзя было отрывать отъ дѣла, то мысль объ облавѣ пришлось оставить и

остановиться на охотѣ. Кстати, неподалеку отъ Тиведена видѣли лосиные слѣды. Только одно обстоятельство портило все дѣло. Во всемъ лагерѣ не было ни одной охотничьей собаки. Это было ужасно! Король въ ожиданіи охоты было приободрился, но узнавъ, что нѣтъ собакъ, страшно разгнѣвался и упалъ въ обморокъ. Весь лагерь былъ убитъ этимъ обстоятельствомъ. Назначили большую награду тому, кто сумѣетъ раздобыть хоть одну собаку.

Хоть одну собаку! Одну только собаку! — это было всеобщее желаніе, но всѣ старанія не привели ни къ чему.

Состояніе здоровья короля замѣтно ухудшалось. Гробовая тишина царила въ лагерѣ. Всѣ съ ужасомъ ожидали самаго печальнаго исхода.

Около полудня докторъ вышелъ отъ короля и озабоченно покачалъ головой.

Вдругъ изъ самой чаши лѣса послышался громкій собачій лай. Сначала это былъ густой отрывистый лай цѣпного пса, который лаетъ только потому, что это его обязанность; потомъ раздался голось гончей, звонкій какъ охотничій рогъ, обозначающій, что собака напала на свѣжіи слѣды, затѣмъ лай перешелъ въ отрывистое взвизгиваніе, будто гончая уже виситъ на хвостѣ убѣгающаго зайца. Громкое ура огласило ряды палатокъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, что на опушкѣ лѣса вотъ-вотъ покажется желанная собака. Но каково же было всеобщее изумленіе, когда изъ-за стволовъ пушистыхъ молодыхъ сосенъ появилась тщедушная фигурка генераль-фельдцейхмейстерскаго цырюльника. Онъ бѣжалъ вприпрыжку по опушкѣ и лаялъ.

Появленіе цырюльника было встрѣчено дружнымъ смѣхомъ, но потомъ всѣ лица сдѣлались серьезными. Король,

услыхавъ собачій лай, вскочилъ съ постели, вышелъ изъ своей палатки и былъ свидѣтелемъ происшедшаго. Однако, цырюльникъ Монсъ не терялъ понапрасну драгоценнаго времени и, снявъ картузъ, обратился съ слѣдующими словами къ королю.

— Ваше величество и милостивые государи! Услыхавъ о тяжелой болѣзни, которую причиняютъ вашему величеству ваши королевскія почки и зная, какое цѣлебное лѣчение прописано врачомъ, а также будучи поставленъ въ извѣстность, что въ наличности не имѣется необходимыхъ средствъ для его примѣненія, я взялъ на себя смѣлость предложить вашему величеству свои скромныя услуги.

— Что же ты можешь дѣлать? — спросилъ разгнѣванный король.

— Я могу лаять, ваше величество.

— Это хорошо. А можешь ты гонять лосей?

— Нѣтъ, я не гоняю крупнаго звѣря. Но зато я могу гонять зайцевъ, рябчиковъ и другую мелкую дичь.

— Вотъ отлично! До сихъ поръ мнѣ еще ни разу не приходилось стрѣлять зайцевъ изъ-подъ цырюльника. Но это ново, и навѣрно это меня развлечетъ. Трубачъ, трубы къ охотѣ! А ты, шталмейстеръ, сѣдлай коней!

Къ обѣду король застрѣлилъ трехъ зайцевъ и былъ очень доволенъ.

Онъ позвалъ къ себѣ Монса, чтобы его наградить.

— Что ты хочешь получить въ награду, деньги или дворянство. То и другое вмѣстѣ ты получить не можешь. Выбирай!

— Дворянство, ваше величество!

— На колѣни, собака!

Монсъ упалъ на колѣни, получилъ три удара королевскимъ боевымъ мечомъ и всталъ на ноги дворяниномъ.

— Ты будешь носить на своемъ щитѣ три собачьихъ головы въ воспоминаніе о твоихъ выдающихся заслугахъ. Въмѣсто шлема на твоемъ гербѣ будетъ три павлиньихъ пера въ знакъ того, что у тебя оказалось больше честолюбія, чѣмъ алчности. Ты свободенъ, Монсъ Хундъ, иди, размножайся и наполняй землю!

Итакъ, Монсъ сдѣлался настоящимъ дворяниномъ. Какъ дворянину, ему надо было покупать латы, щитъ, мечъ и ѣздить въ каретѣ. Но у бѣднаго Монса совсѣмъ не было золота. На свой новый дворянскій кредитъ онъ попробовалъ было открыть фабрику сапожной ваксы, но не могъ сладить съ конкуренціей и прогорѣлъ. Онъ перепробовалъ всѣ средства, чтобы поправить свои дѣла, но кончилъ тѣмъ, что вернулся на прежнее мѣсто и снова сталъ служить цирюльникомъ у генераль-фельдцейхмейстера.

Къ этому времени Монсъ былъ уже женатъ и имѣлъ дѣтей, маленькихъ благородныхъ дѣтей, которымъ надо было дать воспитаніе, подобающее ихъ дворянскому званію. А это было вовсе не такъ легко.

Сынъ Монса дослужился до чина сержанта, вышелъ въ отставку, женился, и дѣти его были продолжателями рода Хундовъ.

Потомъ за цѣлое столѣтіе никто изъ Хундовъ не прославился. Всѣ они вели себя тихо и смиренно. Только одинъ изъ Хундовъ дослужился до чина штандартъ-юнкера и вышелъ въ отставку лейтенантомъ.

Знаменитая исторія возникновенія рода со временемъ

была забыта, и Хунды изъ поколѣнія въ поколѣніе жили скромно и бѣдно, какъ обыкновенно живутъ оскудѣвшія дворянскія семьи. Было что-то такое, что мѣшало Хундамъ разбогатѣть. Дворянство было всегда при нихъ, а деньги отсутствовали, и они ни разу не осмѣлились заняться торговлей. Дворянскій гербъ долженъ былъ оставаться незапятнаннымъ, а его обладатели должны были пытаться счастье на государственной службѣ. Родъ Хундовъ не могъ разориться по той простой причинѣ, что у членовъ его никогда не было богатства, но онъ не могъ и разбогатѣть, потому что для этого у Хундовъ не доставало денегъ.

Знаменитый талантъ родоначальника, доставившій ему въ свое время дворянство, передался черезъ шесть поколѣній извѣстному Даниилу Хунду, котораго король Іоаннъ III натравилъ на Эриха XIV. Даниилъ оставилъ описаніе этого замѣчательнаго событія, и потому его считаютъ первымъ историческимъ писателемъ Швеціи.

Какъ извѣстно, у Іоанна III было благородное сердце, и поэтому Даниилъ не остался безъ награды. Слѣдомъ за наградой пришло и золото, и вскорѣ въ Стокгольмѣ, на Нормансторгѣ, выросъ великолѣпный родовой замокъ Хундовъ. Тутъ пошло веселье и легкое житіе. Жилось такъ легко и такъ весело, что послѣ смерти Даниила его наслѣдникамъ пришлось все отдать кредиторамъ. По этому поводу старыя кумушки говорили: «Какъ нажито, такъ и прожито».

Затѣмъ слѣдуетъ значительный пробѣлъ въ исторіи рода, но я знаю навѣрно, что родъ Хундовъ влачилъ очень жалкое существованіе вплоть до царствованія Карла XI. Къ этому времени въ нѣдрахъ рода распустился новый

махровый цвѣтокъ. Это былъ юноша, у котораго была маленькая голова, но зато огромное честолюбіе, совѣсть крошечная совѣсть и непомерный запасъ наглости. Родители помѣстили его въ какую-то контору. Въ точности никто не знаетъ, что случилось, но говорили, что въ одинъ прекрасный день молодой человекъ вздумалъ не совѣсть похвальнымъ способомъ позаботиться о благосостояніи своего семейства (вѣрнѣе, о своемъ собственномъ), и послѣ этого ему пришлось предпринять спѣшное путешествіе въ Новую Швецію.

Въ наше время Новая Швеція, въ Америкѣ, представляетъ изъ себя образцовое государство, съ честными и добродѣтельными гражданами, на которыхъ европейцы смотрятъ съ завистью и почтительнымъ удивленіемъ. Въ тѣ далекія времена дѣло обстояло совѣсть иначе. Новая Швеція, какъ, впрочемъ, и вся Америка, служила выгребной ямой для Европы. Туда собирался всякій сбродъ.

Нашъ другъ имѣлъ неосторожность спустить въ одномъ изъ портовыхъ городовъ всѣ свои деньги, и для того, чтобы имѣть возможность продолжать путешествіе, ему пришлось исполнять на кораблѣ разныя тяжелыя работы. Это обстоятельство навело его на счастливую мысль. По пріѣздѣ въ Америку онъ заказалъ себѣ визитныя карточки, на которыхъ онъ значился лейтенантомъ флота его величества. Слова «его величества» произвели глубокое впечатлѣніе на американцевъ, и мнимый лейтенантъ могъ бы далеко уйти по службѣ, если бы онъ умѣлъ держать языкъ за зубами. Къ сожалѣнію, этого таланта у него какъ разъ и не было. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ околачивался въ золотой странѣ, но потомъ его забрала

такая тоска по родинѣ, что, благодаря ей и проiscaмъ американской полиціи, онъ очутился палубнымъ матросомъ на кораблѣ, возвращавшемся въ Европу.

По возвращеніи въ Стокгольмъ онъ первое время чувствовалъ себя какъ-то неловко. Многіе его сверстники и товарищи, благодаря трудолюбію и честности, добились прочнаго положенія, нѣкоторые изъ нихъ даже сдѣлались извѣстными государственными людьми. Это вызывало въ немъ чувство глубокаго озлобленія. Правда, онъ не питалъ никакакой злобы противъ тѣхъ лицъ, которыя пользовались вліяніемъ и занимали видныя служебныя должности, потому что этотъ сортъ людей всегда можетъ оказаться полезнымъ. Но зато онъ ненавидѣлъ всѣхъ тѣхъ, кто сумѣлъ устроиться лучше его самого. Одновременно съ этой ненавистью въ немъ неожиданно проявились литературныя наклонности. Его произведенія относились къ тому сорту литературы, которая не занимаетъ много мѣста въ газетѣ и оплачивается построчно. Въ скоромъ времени нашъ другъ ушелъ совсѣмъ съ головой въ газетную литературу которая такъ процвѣтала при Карлѣ XI.

Вскорѣ, однако, всѣ его темы, или, проще говоря, всѣ его друзья были использованы. Тогда статьи его стали появляться рѣже, а объѣды его перестали быть ежедневными. Мрачная бѣдность держала его въ своихъ объятіяхъ, и скоро онъ очутился подъ замкомъ въ долговой башнѣ. Голь, какъ говорятъ, хитра на выдумки, а потому этотъ господинъ (мы уже не можемъ, какъ прежде, называть его — «нашъ другъ», послѣ того, какъ онъ такъ низко палъ) сдѣлалъ величайшее изобрѣтеніе своего вѣка. Онъ сталъ писать въ газеты письма изъ путешествій. Такимъ

образомъ, въ печати появлялись сочиненныя въ тюрьмѣ великолѣпныя описанія Туниса и Константинополя. Читатели зачитывались увлекательными сообщеніями «шведскаго дворянина» съ театра военныхъ дѣйствій. Въ каждой строчкѣ этихъ произведеній сквозила личная храбрость и неустрашимость автора, подвергавшаго безпощадной критикѣ дѣйствія и распоряженія генераловъ (не всѣхъ, впрочемъ, а только нѣкоторыхъ). Особенно ярко выступала въ этихъ статьяхъ любовь «шведскаго дворянина» къ морскому дѣлу. Такъ, въ своемъ критическомъ разборѣ предложенныхъ проектовъ обновленія флота онъ поразилъ своихъ читателей рѣдкимъ знаніемъ вопроса. Онъ писалъ объ якоряхъ, реяхъ, вантахъ и могъ назвать по имени каждый канатъ на мачтѣ. Ему было доподлинно извѣстно, сколько надо взять жбановъ дегтю, чтобы просмолить гростенгпардунъ. Разумѣется, такія спеціальныя техническія указанія были очень цѣнны и имѣли огромное значеніе въ дѣлѣ морской обороны государства. Благодаря своей изобрѣтательности, нашъ герой скоро оказался на свободѣ. Съ свободой къ нему вернулась его прежняя смѣлость, а за ней появилась и заносчивость.

Между тѣмъ, въ жизни столицы произошли крупныя перемѣны. Появилась новая крупная фабрика и при ней образовалось новое крупное акціонерное общество, однимъ изъ пайщиковъ котораго былъ самъ король. Понятно, что оба эти патріотическія предпріятія могли процвѣтать только при условіи полной и надлежащей освѣдомленности публики, жертвовавшей на нихъ свои капиталы. Публика должна была своевременно узнавать о дѣйствительномъ положеніи дѣла, о планахъ и намѣреніяхъ его директоровъ

и о блестящихъ видахъ на будущіе барыши. Для этой благой цѣли специальная газета была самымъ подходящимъ средствомъ.

Редакторомъ этой газеты могъ быть только человѣкъ совершенно безпартійный въ коммерческомъ дѣлѣ и твердо убѣжденный въ томъ, что только французская кардуанская фабрика должна пользоваться привилегіями въ Швеціи и что итальянское общество стежлянныхъ заводовъ имѣетъ огромное значеніе для шведской промышленности. Кромѣ того, человѣкъ, поставленный во главѣ газеты, долженъ былъ обладать крѣпкимъ лбомъ, съ помощью котораго онъ могъ бы отбивать всѣ нападенія завистниковъ, иначе говоря, конкурентовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, редакторъ долженъ былъ быть человѣкомъ разностороннимъ и умѣть справляться со всѣми темами, интересующими читателей, какъ-то: поэзія, литература, театръ, искусство,—для того чтобы газета не имѣла вида дѣловаго изданія съ циркулярами акціонернаго общества.

Трудно было найти болѣе подходящаго человѣка, чѣмъ нашъ другъ. Теперь мы опять можемъ его такъ называть, разъ онъ вышелъ изъ затруднительнаго положенія и готовъ вступить на новый путь, который, несомнѣнно, долженъ привести его къ славѣ и почету.

Итакъ, нашъ другъ былъ найденъ и занялъ мѣсто редактора. Теорія наслѣдственности, которая въ то время не была еще общепризнанной, получила въ его лицѣ вѣское подтвержденіе. Агаеонъ Хундъ, потомокъ благороднаго рода дворянъ Хундовъ, прозванныхъ безстыжими, съ достоинствомъ несъ свое имя и родовое прозвище, полученное предками за длинный рядъ блестящихъ подвиговъ, и

вплелъ новыя лавры въ славный вѣнокъ своего дворянскаго рода.

Лучшаго выбора не могли сдѣлать обладатели патриотическихъ акцій. Имъ нечего было опасаться принципиальныхъ разногласій съ редакторомъ своей газеты, потому что его личные взгляды по всѣмъ вопросамъ политическимъ, социальнымъ, церковнымъ и экономическимъ формулировались короткой фразой, въ которой отражался весь его обаятельный нравственный образъ: «Хорошо имѣть вино за обѣдомъ!». Инструкція, преподанная для руководства акціонерной компаніей нашему другу, была столь же лаконична, но не менѣе характерна. Она состояла всего изъ двухъ словъ: «Пиль!» и «Тубо!» Редакторъ долженъ былъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самъ рѣшить, какой изъ двухъ лозунговъ необходимо пустить въ ходъ и, разумѣется, исключительно отъ его редакторскаго такта зависѣла своевременность примѣненія инструкціи.

Газета выходила подъ заголовкомъ «Фараонъ», что должно было указывать на ея строго монархическое направленіе и ея горячую любовь ко всему тому, что испытано столѣтнимъ опытомъ. Но простодушные читатели, не слышавшіе о существованіи египетскихъ фараоновъ, познакомившись съ содержаніемъ газеты, почему-то рѣшили, что имя «Фараонъ» дано ей въ честь азартной игры «фараончикъ», въ которую принято играть подтасованными картами.

Насмѣшливой судьбѣ угодно было помѣстить редакцію на Нормальсторгѣ, въ прежнемъ родовомъ замкѣ Хундовъ. Замокъ этотъ съ давнихъ поръ переходилъ съ молотка изъ рукъ въ руки и сдавался подъ различныя торговля

заведенія. Здѣсь, въ домѣ своихъ предковъ, въ нижнемъ этажѣ, гдѣ нѣкогда происходили роскошные пиры, устраиваемые представителями стараго и славнаго рода, теперь засѣдалъ полновластнымъ хозяиномъ нашъ другъ Агаѳонъ и чинилъ судъ и расправу надъ жизнью и имуществомъ своихъ согражданъ. Иногда ему случалось подняться во второй этажъ и заглянуть въ прежнюю семейную залу, занятую теперь мебельнымъ магазиномъ, и тогда какое-то непонятное жуткое чувство сжимало ему грудь. А люди, глядя на каменный гербъ Хундовъ, все еще украшавшій ворота замка, воображали, что это просто вывѣска «Фараона».

Послѣ невольнаго путешествія въ Америку, республиканскія идеи пустили глубокіе корни въ душу нашего друга Агаѳона. Поэтому въ той области, гдѣ ему была предоставлена полная свобода печати, а именно во всемъ, что касалось театра, поэзіи и живописи, онъ не придерживался монархическихъ принциповъ и усердно проводилъ новыя идеи. Однако, чтобы не навлечь на себя бѣды и не повредить дѣлу, онъ заимствовалъ только нѣкоторыя идеи у одной западной, такъ называемой, «республики», то-есть у аристократической Венеціи. Изъ всей ея республиканской конституціи онъ старался провести въ жизнь только одинъ чрезвычайно интересный и общеизвѣстный институтъ, называемый «львиною пастью». Обычай этотъ, перенесенный въ Швецію XVII столѣтія, очень быстро превратился въ признанный правительствомъ способъ анонимнаго доноса, такъ какъ каждый могъ безнаказанно, за умѣренную плату въ пять талеровъ серебромъ, помѣщать въ газетѣ какой угодно недоказанный пасквиль на своихъ враговъ. Это нововведеніе приносило огромный барыщъ своему изобре-

тателю. Вскорѣ нашъ другъ Агаѳонъ считался самымъ могущественнымъ челоуѣкомъ въ столицѣ послѣ короля.

Горе тому, кто не желалъ ему кланяться! Горе тому, кто жаловался на его нападки! Онъ писалъ хвалебные гимны абсолютизму, ратовалъ за церковное вмѣшательство въ частную жизнь по закону 1686 года, онъ возбуждалъ судебныя преслѣдованія противъ еретиковъ и высказывался за уничтоженіе всѣхъ дворянскихъ привилегій, такъ какъ это превратило бы сразу всѣхъ дворянъ въ такихъ же бѣдняковъ, какъ и онъ самъ. Крестьянъ онъ ненавидѣлъ за то, что они прочно сидѣли на своихъ мѣстахъ и могли, то-есть должны были, платить оброкъ. Однажды онъ даже предложилъ вовсе прогнать крестьянъ, а земли обрабатывать безъ нихъ, при помощи вѣтряныхъ и водяныхъ двигателей. По его мнѣнію, имѣнія вообще существовали только ради оброка, а вовсе не ради крестьянъ. Исходя отсюда, онъ доказывалъ, что крестьяне не имѣютъ права пользоваться землями, такъ какъ они не являются владѣльцами ренты, то-есть оброка. Здѣсь онъ твердо стоялъ за привилегіи крупнаго землевладѣнія.

Подобнаго защитника своихъ интересовъ никогда еще не имѣли крупные землевладѣльцы. Правда, они стыдились такого знакомства, но все же никогда не забывали отвѣтить привѣтливымъ кивкомъ головы на его почтительный поклонъ, когда онъ съ шляпой въ рукахъ стоялъ на краю панели, и его обрызгивала грязь изъ-подъ колесъ ихъ великолѣпныхъ каретъ. Оказавъ нашему другу такое вниманіе, эти господа никогда не забывали сплунуть въ противоположное окно кареты, какъ дѣлаютъ суевѣрные люди, когда кошка перебѣжитъ имъ дорогу.

Вечеромъ Агаеонъ появлялся въ театральномъ погребкѣ, и каждый актеръ считалъ долгомъ встать и уступить ему свое мѣсто, такъ какъ судьба этихъ бѣдняковъ была въ его рукахъ. Въ XVII столѣтїи питали такое довѣріе ко всему, что печаталось въ газетахъ, что актеровъ увольняли немедленно, если въ газетѣ появлялись о нихъ неодобрительные отзывы. Въ то время случалось нерѣдко, что почтенный отецъ семейства, лишившись такимъ образомъ куска хлѣба, со слезами умолялъ редактора пожалѣть его малыхъ дѣтей. Милость редактора выражалась въ томъ, что онъ больше не бранилъ этого актера въ своей газетѣ.

Насытившись, Агаеонъ вставалъ изъ-за стола бѣдняковъ. Но какъ только шпага его скрывалась за дверь, на голову нашего друга начинали сыпаться проклятія. Иногда даже судорожныя руки извлекали блестящіе клинки изъ ноженъ, но потомъ клинки, какъ бы пристыженные, сами снова опускались въ ножны. Не будь въ то время закона, строго воспрещающаго дуэль, нашему другу не долго пришлось бы заниматься доходнымъ ремесломъ редактора газеты.

Онъ пополнѣлъ отъ счастливой и покойной жизни, и щеки его лоснились отъ самодовольства.

Говоря о немъ, люди расходились во мнѣніяхъ. Одни утверждали, что онъ продалъ свою душу, другіе доказывали, что ее у него купили.

* * *

Тутъ блоха замолчала и задумчиво поникла головой. Тѣмъ временемъ художникъ успѣлъ отстегнуть ремни отъ

ящика съ красками и, окончивъ изысканія въ области геральдики, наконецъ, собрался приступить къ работѣ. Онъ глубокомысленно посмотрѣлъ на пятно ржавчины, покрывавшее поле герба, и, не долго думая, плюнулъ на него (подумайте только, плюнулъ! каково!), потомъ вынулъ носовой платокъ и сталъ усердно тереть. Но всѣ труды были напрасны.

— Послушай, милая, дай-ка сюда тряпку и мыла! — крикнулъ онъ одной изъ поденщицъ.

Послѣ довольно продолжительныхъ дипломатическихъ переговоровъ, онъ, наконецъ, получилъ то, что ему было надо. Но всѣ старанія стереть ржавчину не увѣнчались успѣхомъ.

— Надо эту штуку позолотить, иначе ничего не выйдетъ, — пробурчалъ художникъ, захлопнулъ свой ящикъ съ красками и спустился на полъ.

* * *

— Такъ расскажи же, что было потомъ съ нашимъ другомъ? — спросила молодая блоха, которой очень хотѣла слышать окончаніе разсказа.

— Фабрика обанкрутилась, акціонерное общество прекратило свое существованіе, а нашъ прежній другъ сталъ нищимъ.

— Но щить его продолжаетъ висѣть въ храмѣ воспоминаній?

— Да. Потому что дворянство передается по наследству такъ же, какъ преступность.

— А наказаніе?

— Оно придетъ потомъ, своевременно.

— Въ чемъ же оно будетъ состоять? *Claris majorum exemplis*? Такъ, что ли?

— Нѣтъ, наказаніе это будетъ состоять въ кое-чемъ другомъ.

Только начало.

Мужа звали Бьорномъ, а его жену Торгердой. У нихъ было два сына, Торе и Онъ. Торе служилъ тѣлохранителемъ при королѣ, а Онъ лежалъ дома на кухнѣ и жегъ угли.

Ону было уже четырнадцать зимъ, но онъ не хотѣлъ ничѣмъ заниматься и цѣлый день сидѣлъ дома, держась одной рукой за голову, а другой лѣниво помѣшивая уголья.

Все это очень не нравилось роднымъ.

Вошелъ Бьорнъ.

— Ну, парень, теперь тебѣ пора начать работать. Воздухъ сталъ теплѣе, и морозъ вышелъ изъ земли. Вставай скорѣй, помоги намъ свозить торфъ съ поля.

— Когда я дорасту до мѣтки, тогда я пойду съ вами, а сейчасъ я еще не могу.

— Ничемушній ты у меня, сынъ, и мало мнѣ отъ тебя радости. Твой старшій братъ молодчина, а ты, вотъ, никуда не годишься.

Бьорнъ подошелъ ближе, но потомъ повернулся и вышелъ.

Онъ вырѣзалъ мѣтку на стѣнѣ въ семи футахъ отъ пола, и родственники убѣдили его, что онъ только тогда будетъ мужчиной, когда дорастетъ до этой мѣтки.

У Она былъ ужасный видъ. Всѣ родственники переросли его на много, и поэтому доставшіеся на долю Она панталоны были до того изношены, что колѣни торчали наружу. Куртка его тоже была продрана на локтяхъ. Отъ дыма волосы его порыжѣли, а лицо почернѣло отъ сажи. И всѣ надъ нимъ смѣялись. Мать хотѣла подарить ему къ Рождеству новое платье, но Бьорнъ сказалъ, что онъ этого не стоитъ.

По хижинѣ бѣгали поросята и все пачкали въ домѣ. Только одинъ поросенокъ былъ лучше другихъ и не загаживалъ соломы, на которой спалъ Онъ. Поэтому Онъ считалъ этого поросенка своимъ другомъ и далъ ему имя Гротте.

Каждый разъ, когда отецъ бранилъ Она, тотъ сочинялъ для Гротте новую пѣсню. Никто, кромѣ поросенка, не понималъ этихъ пѣсенъ, а потому всѣ считали Она помѣшаннымъ. Одинъ только Гротте всегда подбѣгалъ къ нему, садился на заднія лапки и слушалъ, настороживъ уши, съ такимъ видомъ, будто хотѣлъ сказать: — Какъ хорошо!

Завтракъ былъ готовъ.

— Сними-ка котелокъ, — попросилъ Она одинъ изъ родственниковъ.

— Не хочу, — отвѣчалъ Онъ.

Тогда родственникъ зачерпнулъ ложкой въ котлѣ и плеснулъ въ лицо Ону. Онъ вытеръ лицо и молчалъ.

— Чего ты смотришь, Онъ? Дай ему сдачи! — кричали другіе родственники.

— Я не могу, — сказалъ Онъ и легъ на свою солому.

Пришла весна, и ледъ сталъ таять на горахъ. Гротте сдѣлался безпокойнымъ, потому что въ домѣ была молодая свинка. Гротте уже не хотѣлъ слушать пѣсенъ Она и разъ даже пропадалъ цѣлую ночь. Гротте возвратился только утромъ и боязливо заглянулъ въ дверь кухни. Онъ хотѣлъ позвать его къ себѣ, но Гротте заползъ подъ ящикъ съ мукой.

Тогда Онъ запѣлъ:

Путникъ, бойся весны!
Посмотри:
Тонокъ ледъ подъ ногой,
Снѣгъ коварный глубокъ,
Страшенъ грозный обвалъ,
Мчится бурный потокъ,
Мутный плещется валь...

Гротте вылѣзъ изъ-подъ мучного ящика, и Онъ вытеръ ему слезы своимъ рукавомъ.

На слѣдующее утро свинку нашли мертвой.

Когда земля покрылась зеленью, Онъ спустился въ долину.

Дочь сосѣда лежала у ручья и мыла холсты. Онъ сѣлъ на камень, зажалъ руки между колѣнъ и смотрѣлъ.

— Развѣ у тебя зябнуть колѣни? — спросила Дрифа. Онъ покраснѣлъ до корня волосъ.

— Милый Онъ, помоги мнѣ втащить на гору ушатъ. Онъ вскочилъ и поставилъ ушатъ себѣ на голову.

Дрифа засмѣялась.

— Почему ты смѣешься надо мной?

— Бѣдный Онъ, говорятъ, что ты сумасшедшій.

Онъ схватился за голову и думалъ.

Тогда Дрифа засмѣялась такъ, что грудь запрыгала у нея подъ рубашкой.

Въ это время къ нимъ подошелъ Торе и посадилъ Дрифу къ себѣ на колѣни. Онъ вдругъ поблѣднѣлъ и поднялъ камень. Но тутъ побѣждалъ Гротте и такъ сильно дернулъ Она сзади за куртку, что оторвалъ цѣлую фалду. Онъ уронилъ камень и обернулся. Торе и Дрифа снова стали смѣяться. Тогда Онъ заткнулъ пальцами уши и побѣждалъ домой.

Въ началѣ весны хотѣли праздновать свадьбу Торе. По этому случаю все въ домѣ было, вверхъ дномъ.

Однажды утромъ прибѣжалъ перепуганный Гротте и спрятался за спину Она. За Гротте по пятамъ гнались всѣ родственники. Онъ схватилъ кочергу и сталъ ею размахивать во всѣ стороны. Послѣ этого родственники весь день не беспокоили Гротте.

На слѣдующее утро Гротте исчезъ.

Онъ вскочилъ съ постели. На плитѣ стоялъ самый большой горшокъ, въ немъ варилась голова Гротте и укоризненно смотрѣла на Она.

Тогда Онъ запѣлъ:

Горшокъ печной, что такъ грустно поешь?

Другъ мой Гротте навѣки уснулъ.

Дымъ густой къ небесамъ поднимается,

Гротте, бѣдняга, безъ жизни валяется.

Гротте, Гротте, убили тебя!

За свою свинку прости ты меня.

Гротте, Гротте, такъ не смотри!

Лежи себѣ смирно и спи...

Онъ легъ въ уголь и зарылся съ головой въ солону.

Вошелъ Бьорнъ и началъ его трясти.

— Сынъ! Проснись и поди помоги своему брату.

Онъ молчалъ.

— Слушай, ты уже мужчина, а валяешься, какъ падалъ въ навозъ.

Онъ молчалъ.

Бьорнъ схватилъ вертелъ и ударилъ имъ сына по шеѣ.

Онъ обернулся.

Бьорнъ ударилъ еще разъ.

Онъ приподнялся на локтѣ и посмотрѣлъ отцу въ глаза.

Бьорнъ пересталъ бить.

— Вставай!

Онъ сидѣлъ и не двигался.

Бьорнъ ударилъ еще разъ и сломалъ вертелъ пополамъ.

— Ну, отецъ, теперь довольно! — сказалъ Онъ и посадилъ отца на лавку съ такою силой, что лавка треснула.

— Однако, ты сильный! — удивился Бьорнъ.

— Нѣтъ еще, — отвѣчалъ Онъ.

— Почему же ты не работаешь?

— Потому что я еще не доросъ до своей мѣтки.

— До этой мѣтки ты никогда не дорастешь.

— Не дорасту?

Онъ схватился за голову и задумался.

Бьорнъ ушелъ.

Онъ просидѣлъ такъ до вечера и все смотрѣлъ на

мѣтку на стѣнѣ. Потомъ онъ исчезъ и пропадалъ три дня.

На третій день была назначена свадьба Торе. Онъ вернулся домой и принесъ за спиною стулъ.

Сначала онъ зашелъ на дворъ къ сосѣду и подкрался къ окну женской комнаты. Оттуда онъ прибѣжалъ въ сильномъ волненіи къ матери.

— На, мама, это твое!—сказалъ Онъ и поставилъ свой стулъ на полъ.

— Что я съ нимъ буду дѣлать?

— Сядь и отдохни.

— У твоего стула, сынокъ, слишкомъ высокія ножки. Я на него не взберусь.

Онъ задумался.

Въ это время вошелъ Бьорнъ.

— Гдѣ ты пропадалъ?

— Молчи, отецъ!—отвѣчалъ Онъ.

— Кто тебѣ далъ дерева на этотъ стулъ?

— Молчи, отецъ, когда я разговариваю съ матерью!

— Какъ же тебѣ не стыдно, парень! Ты укралъ мои доски.

— Ты лжешь, Бьорнъ!

Бьорнъ ударилъ Она по щекѣ.

— Тутъ что-то треснуло—сказалъ Онъ и схватился за голову.

Бьорнъ еще больше разозлился и такъ ударилъ стуломъ объ полъ, что онъ разлетѣлся въ щепки.

— А можешь ты его теперъ починить?—спросилъ Онъ.

Когда Бьорнъ ушелъ, мать спросила Она:

— Гдѣ ты былъ, сынокъ?

— Я сидѣлъ на берегу моря.

— Что же ты тамъ дѣлалъ?

— Я ждалъ.

— Что же ты тамъ ждалъ?

— Вѣтеръ иногда прибываетъ къ берегу разныя доски.

— Такъ, значитъ, ты не кралъ у отца досокъ?

— У отца?

— Ну, да, у Бьорна?

— Я? Кралъ?..

Онъ бросился ничкомъ на полъ. Мать положила его голову къ себѣ на колѣни, и тогда Онъ началъ стонать и всхлипывать такъ, что все тѣло его вздрагивало.

Мать дала Ону плащъ, чтобы онъ могъ прикрыться имъ, когда соберутся приглашенные на свадьбу.

Онъ лежалъ въ кухнѣ, потому что Бьорнъ запретилъ ему показываться гостямъ.

Къ ночи всѣ присутствовавшіе на свадьбѣ были пьяны. Онъ тоже выпилъ кружку пива, которую принесли ему родственники. Отъ этого ему стало весело, и онъ началъ смѣяться. Онъ собралъ въ узелокъ обломки стула, намазалъ себѣ лицо сажей, надѣлъ плащъ и вышелъ въ залу. Выйдя на середину залы, Онъ бросилъ свой узелъ на полъ и захохоталъ такъ громко, что всѣ гости стали испуганно переглядываться, а собаки на дворѣ подняли вой.

— Это шутъ! Это шутъ! Спасибо тебѣ, Бьорнъ, ты доставляешь намъ великолѣпное развлеченіе! — кричали гости.

— Ты можешь сочинять пѣсни? — спросилъ у Она Иваръ Бьессе.

— Прежде я могъ, а теперь больше ужъ не могу.
Тутъ у меня что-то треснуло.

— Что это у тебя въ узлѣ?

— Это свадебный стулъ, но и онъ тоже треснулъ.

Онъ снова еще громче захохоталъ.

— Сними же плащъ, разъ ты пришелъ въ гости, — сказалъ Гузе.

Онъ молчалъ.

Кто-то подбѣжалъ къ нему сзади и стащилъ съ него плащъ.

Гости засмѣялись.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ Гизле.

— Меня зовутъ сумасшедшимъ.

— Ты и въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій. Но какъ тебя называютъ?

— Отецъ назвалъ меня однажды воромъ, но теперь у меня нѣтъ больше отца.

— А какое имя тебѣ дали при крещеніи?

— Объ этомъ спроси у Бьорна.

— Откуда ты досталъ этого шута? — спросилъ Гизле у Бьорна.

— Я не знаю этого парня, — отвѣчалъ Бьорнъ.

Онъ посмотрѣлъ на мать.

— Это мой младшій сынъ, — сказала мать.

— Какъ же такъ, Бьорнъ? Ты не знаешь ребенка своей собственной жены? — приставалъ Гизле.

Бьорнъ смотрѣлъ въ полъ.

Онъ поглядѣлъ на отца, потомъ развязалъ свой узелъ и вынулъ изъ него самую большую ножку отъ стула.

— Эге! а мы-то всѣ думали, что ты, какъ настоящій

мужчина, самъ дѣлаешь своихъ дѣтей! — не унимался Гизле.

Онъ плюнулъ на ножку стула и швырнулъ ее въ голову Гизле съ такой силой, что тотъ безъ чувствъ повалился подъ столъ.

Всѣ гости бросились на Она, но Бьорнъ всталъ между ними. Тогда въ залѣ стало совсѣмъ тихо.

Въ это время родственники внесли на блюдѣ поросенка и поставили его передъ невѣстой. Онъ узналъ Гротте, подошелъ и поцѣловалъ его между глазъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Ты узналъ его? — спросила Дрифа.

— Еще бы! Какъ мнѣ не узнать своего друга. Мы съ нимъ были настоящіе друзья, пока онъ не сталъ ночевать у свиньи. Тогда я убилъ свинью, а потомъ умеръ и Гротте.

— Ты думаешь, что онъ умеръ съ горя?

— Нѣтъ, едва ли. Онъ умеръ ради тебя, и, вѣроятно, былъ радъ этому.

— Я тебя огорчила, Онъ?

— Ничего. Бываетъ и хуже.

— Зачѣмъ же ты убилъ свинью?

— Теперь ужъ я хорошенько не помню, но тогда она мнѣ мѣшала спать.

— Ты будешь умнымъ человѣкомъ, когда вырастешь.

— Ты такъ думаешь? Ты такъ думаешь? — спросилъ Онъ и схватился за голову.

— Не сердись на меня, милый Онъ! — попросила Дрифа.

Онъ вскочилъ, схватилъ Гротте на руки и побѣждалъ

съ нимъ въ горы. Тамъ онъ выкопалъ могилу, насыпалъ холмикъ и пролежалъ на этомъ мѣстѣ до утра. Потомъ онъ пошелъ и улегся на порогѣ комнаты, въ которой спала Дрифа.

Когда солнце поднялось выше, Онъ пошелъ къ ручью и вымылся весь съ головы до ногъ, надѣлъ новое платье и взялъ въ руки лукъ, который былъ у него припрятанъ на чердакѣ.

Въ этотъ день Торе собрался ѣхать къ королю. Когда Торе пришелъ на берегъ, Онъ уже сидѣлъ тамъ на камнѣ.

— Развѣ король живетъ тамъ за моремъ?— спросилъ Онъ и показалъ рукою на море.

— Да, онъ тамъ живетъ.

— А это далеко отсюда?

— Ты можешь видѣть дымъ отъ его очага,— сказалъ Торе и показалъ на утреннее облачко, которое ползло надъ краемъ моря.

— Я хочу ѣхать туда съ тобой,— сказалъ Онъ.

— Охотно вѣрю, но ты не смѣешь этого дѣлать.

Онъ взошелъ на корабль и усѣлся на палубѣ.

Тогда одинъ изъ людей Торе пошелъ и опрокинулъ Она.

— Ты вовсе не такъ силенъ, какъ ты думаешь.

— Никто не знаетъ, что именно ему надо думать,— сказалъ Онъ и бросилъ этого человѣка въ море.

Тогда люди Торе опрокинули Она на землю и привязали его на берегу къ соснѣ.

Когда подняли якорь, онъ вскочилъ на палубу вмѣстѣ съ сосной.

— Позволь мнѣ быть твоимъ оруженосцемъ,— попросилъ Онъ у Торе.

- Ты будешь тѣлохранителемъ самого короля.
- Но я еще не доросъ до мѣтки.
- До этой мѣтки ты никогда не дорастешь.
- И ты тоже такъ думаешь?
- Конечно. Уже два года, какъ ты пересталъ расти.
- Я, значитъ, никогда не вырасту?
- Тому, кто выше всѣхъ, не зачѣмъ расти.
- Выше всѣхъ?
- Да, ты у насъ самый высокій.

Онъ схватился за голову.

— Да. И самый сильный.

— Почему ты не сказалъ мнѣ этого раньше?

— Я этого не зналъ.

— И я тоже не зналъ.

Корабль на веслахъ выбрался изъ фіорда и вышелъ въ открытое море.

— Ты простился съ матерью? — спросилъ Торе.

— Нѣтъ, я объ этомъ забылъ. А что, король очень длиненъ?

— Король очень высокъ.

На берегу, на вершинѣ утеса, развѣвался бѣлый платокъ. Торе стоялъ на кормѣ и махалъ своимъ щитомъ. Онъ насунился и, лежа на носу корабля, смотрѣлъ на свѣтлое облачко.

— Развѣ ты не хочешь проститься съ матерью? — спросилъ Торе.

— Мама! — закричалъ Онъ и подбѣжалъ къ брату.

Солнце садилось. Позади узкой сизой полоской лежала земля.

Вдругъ что-то загудѣло въ воздухѣ.

— Что это? — спросилъ Онъ и вскочилъ на ноги.

— Это идетъ вѣтеръ.

— Намъ еще далеко плыть?

— Это только начало, — сказалъ Торе и приказалъ ставить паруса.

Самумъ.

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Б И С К Р А, аравійская дѣвушка.

Ю С С Е Ф Ъ, ея любовникъ.

Г И М А Р Ъ, лейтенантъ, зуавъ.

Алжиръ. Наше время.

ОБСТАНОВКА:

Аравійскій склепъ съ саркофагомъ посрединѣ. Нѣсколько ковриковъ для молитвы. Въ правомъ углу жертвенникъ. На заднемъ планѣ дверь съ аркой и занавѣсками. Въ задней стѣнѣ оконныя отверстія. На полу нѣсколько небольшихъ кучекъ песку. Въ одной кучѣ вырванный съ корнемъ алоэ, пальмовыя листья и трава.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Входитъ Бискра съ надвинутымъ на лицо капюшономъ и съ гитарой за спиной, падаетъ на коверъ и молится, скрестивъ на груди руки. За сценой вѣтеръ.

Бискра. Ла иллаха иллъ Аллахъ!

Юссефъ торопливо входитъ. Самумъ надвигается!.. Гдѣ французъ?

Бискра. Сейчасъ придетъ!

Юссефъ. Отчего же ты его сразу не заколола?

Бискра. Нѣтъ, пусть самъ умертвить себя. Если бы я заколола его, старѣйшины умертвили бы весь нашъ родъ, потому что они считаютъ меня за проводника Али, если только они не догадываются, что я дѣвушка Бискра.

Юссефъ. Онъ самъ умертвить себя? Какимъ же образомъ?

Бискра. Развѣ ты не знаешь, что Самумъ сушитъ мозги бѣлыхъ какъ финики, и имъ представляются такіе ужасы, что жизнь становится имъ невыносимой, и они предпочитаютъ погрузиться въ великую тайну.

Юссефъ. Да, я слышалъ что-то въ этомъ родѣ, и въ послѣдній разъ шестеро французовъ, не дойдя до дому, наложили на себя руки. Но сегодня не полагайся на Самумъ, потому что въ горахъ выпалъ снѣгъ и черезъ какіе-нибудь полчаса все пройдетъ. Ты еще способна ненавидѣть, Бискра?

Бискра. Способна ли я ненавидѣть? О, моя ненависть безгранична, какъ жгучая пустыня, пламенна какъ солнце и сильнѣй, чѣмъ моя любовь. Всѣ минуты блаженства, которыя они украли у меня, убивъ Али, собрались теперь вмѣстѣ, какъ ядъ подъ зубами гадюки, и то, что не въ состояніи будетъ сдѣлать Самумъ, сдѣлаю я!

Юссефъ. Вотъ это сказано хорошо, Бискра, и ты исполнишь это. Моя ненависть увяла, какъ вянетъ трава осенью, съ тѣхъ поръ какъ глаза мои увидали тебя. Возьми у меня мою силу и будь стрѣлой, пущенной изъ моего лука!

Бискра. Обними меня, Юссефъ! Обними меня!

Юссефъ. Здѣсь въ присутствіи святого нельзя. Не теперь... позднѣе, послѣ того... Если ты заслужишь награды!

Бискра. О, гордый шейхъ! О, гордый человѣкъ!

Юссефъ. Да, дѣвушка, которая будетъ носить моего потомка подъ своимъ сердцемъ, должна доказать, что она достойна этого человѣка.

Бискра. Я и никто въ мірѣ не будетъ больше носить потомка Юссефа! Я — Бискра, презрѣнная, отвратительная, но сильная!

Юссефъ. Да будетъ такъ! А теперь я пойду внизъ и усну у источника. — Нужно ли мнѣ учить тебя тайнымъ

искусствамъ, которымъ ты училась у великаго Марабу Сиди-шейха и которыми ты съ дѣтства пользовалась на ярмаркахъ?

Бискра. Нѣтъ, ненужно! — Я знаю всѣ тайны, которыя необходимо знать, чтобы изгнать изъ жизни трусливаго жалкаго француза, труса, который ползкомъ подкрадывается къ своему врагу и посылаетъ свинцовыя пули! Я знаю все... даже чревоущательство! А что не въ состояніи будетъ сдѣлать мое искусство, то сдѣлаетъ солнце, потому что солнце заодно съ Юссефомъ и Бискрой!

Юссефъ. Солнце — другъ Муслима, но надѣяться на него нельзя, — ты можешь сгорѣть, дѣвушка! Выпей сначала глотокъ воды, потому что руки твои, я вижу, уже сморщились и — поднявъ коверъ, онъ спускается за сосудомъ воды и подаетъ его Бискрѣ.

Бискра прикладываетъ сосудъ къ губамъ. — и въ глазахъ моихъ мелькаетъ красный цвѣтъ, а въ груди пересыхаетъ... я слышу... слышу... видишь, песокъ ужъ проходитъ сквозь крышу и струны гитары поютъ. Самумъ ужъ здѣсь! А француза все нѣтъ?

Юссефъ. Спустись внизъ, Бискра, оставь француза — онъ самъ умретъ!

Бискра. Сперва адскія мученія, а потомъ уже смерти! Ты думаешь, у меня ужъ нѣтъ силъ! Выливаетъ воду на кучу песка. Я полью песокъ, и вырастетъ мщенье. Я засушу свое сердце! Расти, ненависть! Жги, солнце! Души, вѣтеръ!

Юссефъ. Слава тебѣ, мать Юссефа, потому что ты родишь сына Юссефа, — Мстителя!

Вѣтеръ усиливается, занавѣска передъ дверью колышется; склепъ озаряется краснымъ свѣтомъ, который во время слѣдующей сцены, переходитъ въ желтый.

Бискра. Французъ идетъ, и Самумъ ужъ здѣсь! — Уходи!

Юссефъ. Черезъ полчаса ты снова увидишь меня! Песочные часы тамъ! Показываетъ на одну изъ кучъ песка. Само небо мѣритъ время для мученій невѣрныхъ!

ВТОРОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Бискра и Гимаръ, блѣдный, нерѣшительный, говоритъ вполголоса.

Гимаръ. Самумъ!—Какъ ты думаешь, куда пошли мои?

Бискра. Твоихъ я отвелъ западнѣй — къ востоку.

Гимаръ. Западнѣй—къ востоку!—Дай я посмотрю!— Да, въ самомъ дѣлѣ къ востоку — западнѣй! — Усади меня на стулъ и дай мнѣ воды!

Бискра ведетъ Гимара къ кучѣ песка, укладываетъ его на полъ — головой на песокъ. Такъ тебѣ удобно сидѣть?

Гимаръ смотритъ на нее. Какъ - то криво. Подложи мнѣ что-нибудь подъ голову!

Бискра сгребаетъ кучу песка подъ его головой. Ну, вотъ тебѣ и подушка подъ голову!

Гимаръ. Подъ голову? Да тутъ ноги! Развѣ это не ноги?

Бискра. Ну, конечно!

Гимаръ. Я такъ и думалъ. Дай мнѣ скамейку подъ голову!

Б И С К Р А беретъ алоэ и кладеть его Гимару подь колѣни. Вотъ тебѣ и скамейка!

Г И М А Р Ъ. А теперь воды! Воды!

Б И С К Р А беретъ пустой сосудъ, наполняетъ его пескомъ и по-даеть Гимару. Пей, пока холодная!

Г И М А Р Ъ пьетъ понемногу изъ сосуда. Холодная, только жажды не утоляетъ! — Нѣтъ, не могу пить, мнѣ про-тивна вода — возьми ее!

Б И С К Р А. А теперь тебя кусаетъ собака!

Г И М А Р Ъ. Какая собака? Меня никогда въ жизни не кусала собака.

Б И С К Р А. Это Самумъ уничтожилъ твою память, — берегись привидѣній Самума! Помнишь, на предпоследней охотѣ въ Бабъ-эль-куэдъ тебя укусила бѣшенная бор-зая?

Г И М А Р Ъ. На охотѣ въ Бабъ-эль-куэдъ. Да, да, да, въ самомъ дѣлѣ! — Шерсть у нея была какъ у бобра?

Б И С К Р А. У собаки? Да. Вотъ видишь! Она укусила тебя за икру! Неужели ты не чувствуешь, какъ болить у тебя рана?

Г И М А Р Ъ трогаетъ себя за икру и колется объ алоэ. Конечно, чувствую! Воды! Воды!

Б И С К Р А протягиваетъ ему сосудъ съ пескомъ. Пей, пей!

Г И М А Р Ъ. Нѣтъ, не могу! Святая Марія, Марія Гос-подня, у меня водобоязнь!

Б И С К Р А. Не бойся! Я тебя вылѣчу и изгоню демона силой музыки! Слушай.

Г И М А Р Ъ кричитъ. Али, Али! Не надо музыки! Я не терплю музыку! И какая отъ нея можетъ быть польза?

Б И С К Р А. Музыка укрощаетъ коварный духъ змѣи, а

ты не вѣришь, что она побѣдитъ духъ бѣшеной собаки!
Слушай! Поетъ подъ гитару. Бискра, Бискра, Бискра, Бискра.
Самумъ! Самумъ!

Юссевъ снизу. Самумъ! Самумъ!

Гимаръ. Что ты поешь? Али!

Бискра. Развѣ я пѣлъ? Ну, смотри, я возьму теперь
въ ротъ пальмовый листъ. Береть и держитъ зубами пальмовую
вѣтвь. Пѣніе слышно сверху. Бискра, Бискра, Бискра, Бискра,
Бискра, Бискра!

Юссевъ снизу. Самумъ! Самумъ!

Гимаръ. Что за адское привидѣніе!

Бискра. Вотъ теперь я буду пѣть!

Бискра и Юссевъ вмѣстѣ. Бискра, Бискра, Бискра,
Бискра, Бискра, Бискра! Самумъ!

Гимаръ поднимается. Что ты за дьяволъ, что поешь
двумя голосами? Мужчина ты или женщина? Или то и
другое?

Бискра. Я—проводникъ Али! Ты не узнаешь меня,
потому что твой умъ затуманился. Но, если ты хочешь
избавиться отъ обмановъ зрѣнія и ума, то вѣрь мнѣ, вѣрь
всему, что я буду говорить, и исполняй все, что я при-
кажу.

Гимаръ. Тебѣ нечего просить меня объ этомъ, по-
тому что я вижу, что все дѣйствительно такъ и есть, какъ
ты говоришь.

Бискра. Слушай же, идолопоклонникъ!

Гимаръ. Идолопоклонникъ?

Бискра. Да! Сними идола, котораго ты носишь на
груди! Гимаръ снимаетъ медальонъ. Растопчи его ногами и мо-
лись Богу, Единому, Милосердому и Милостивому.

Гимарь нерѣшительно. Святому Эдуарду, моему покровителю.

Бискра. И Онъ можетъ тебя защитить? Онъ въ состояннн?

Гимарь. Нѣтъ, да! Онъ въ состояннн! Пробуждаясь. Нѣтъ, да! Онъ въ состояннн!

Бискра. Посмотримъ! Отворяетъ дверь, занавѣски колышатся и трава шевелится.

Гимарь закрываетъ ротъ. Запри дверь.

Бискра. Брось своего идола!

Гимарь. Не могу.

Бискра. Смотри, ни одинъ волосъ на моей головѣ не шевелится... Самумъ шадитъ меня, а тебя, невѣрный, убиваетъ. Брось своего идола!

Гимарь бросаетъ медальонъ на полъ. Воды! Умираю!

Бискра. Молись же Единому, Милостивому, Милосердому.

Гимарь. Какъ мнѣ молиться?

Бискра. Повторяй мои слова!

Гимарь. Говори!

Бискра. Единъ есть Богъ, и нѣтъ другихъ боговъ, кромѣ Милосердаго и Милостиваго.

Гимарь. Единъ есть Богъ и нѣтъ другихъ боговъ, кромѣ Милосердаго и Милостиваго.

Бискра. Ложись на полъ! Гимарь противъ воли ложится. Что ты слышишь?

Гимарь. Я слышу, какъ журчитъ ручей.

Бискра. Вотъ видишь! Единъ есть Богъ и нѣтъ другихъ Боговъ, кромѣ Милосердаго и Милостиваго. — Что ты видишь?

Гимаръ. Я вижу, какъ журчитъ ручей... Слышу, какъ ярко горитъ лампа въ оконѣ съ зелеными ставнями — на бѣлой улицѣ...

Бискра. Кто сидитъ у окна?

Гимаръ. Моя жена — Элиза!

Бискра. А кто это, обнявъ ее, стоитъ за занавѣской?

Гимаръ. Мой сынъ — Жоржъ!

Бискра. Сколько лѣтъ твоему сыну?

Гимаръ. Въ день св. Николая — четыре года!

Бискра. И онъ можетъ уже стоять за занавѣской и обнимать чужую жену?

Гимаръ. Нѣтъ, этого онъ не можетъ, но это — онъ!

Бискра. Четыре года — и бѣлокурые усы!

Гимаръ. Бѣлокурые усы, ты говоришь? — Ахъ, это — мой пріятель Жюль!

Бискра. Стоитъ за занавѣской и обнимаетъ твою жену!

Гимаръ. Дьяволъ!

Бискра. Ты видишь своего сына?

Гимаръ. Теперь — нѣтъ!

Бискра играетъ на гитарѣ, изображая колокольный звонъ. А теперь что ты видишь?

Гимаръ. Я вижу... колокольный звонъ и слышу... вкусъ трупа — и во рту у меня запахъ прогорклаго масла... Фу!..

Бискра. Неужели же ты не слышишь, какъ дьяконъ отвѣчаетъ какой-то дѣтскій трупъ?

Гимаръ. Погоди! — Нѣтъ, не могу разобраться. Съ грустью. А ты хочешь, чтобы я услышалъ? — Да, да — вотъ теперь слышу!

Бискра. Видишь вѣнокъ на гробѣ, который они несутъ?
Гимарь. Да.

Бискра. На немъ лиловыя ленты — и серебромъ напечатано: Прощай мой дорогой Жоржъ, — твой отецъ.

Гимарь. Да, да, я вижу! Плачетъ. Жоржъ, Жоржъ мой! Любимый мой! — Элиза, жена моя! Утѣшь меня! — Помоги мнѣ! Ощупываетъ руками вокругъ себя. Гдѣ же ты? Элиза! Ты бросила меня! Отвѣчай же! Назови твоего любовника!

Голосъ съ крыши. Жюль! Жюль!

Гимарь. Жюль! — А меня зовутъ... Какъ же меня зовутъ? — Меня зовутъ Шарль! — А она сказала — Жюль! Элиза жена моя, отвѣть же мнѣ!.. Душа твоя здѣсь, я это чувствую! — Ты же клялась мнѣ, что никогда не полюбишь другого... Раздается смѣхъ. Кто это смѣется?

Бискра. Элиза! Твоя жена!

Гимарь. Убей меня! — Я не хочу больше жить! Мнѣ противна жизнь, какъ кислая капуста въ Сень-Ду! — Ты знаешь что такое Сень-Ду? Свиное сало! Плюетъ. Во рту пересохло! — Воды! Воды! Или я тебя искусаю! За сценой буря въ полномъ разгарѣ.

Бискра закрываетъ ротъ и кашляетъ. Ты сейчасъ умрешь, французъ! Пока не поздно, напиши свое послѣднее желанье! — Гдѣ твоя записная книжка?

Гимарь беретъ записную книжку и перо. Что же мнѣ писать?

Бискра. Когда человекъ умираетъ, онъ вспоминаетъ о женѣ и о дѣтяхъ!

Гимарь пишетъ. «Элиза — я проклинаю тебя!.. Самумъ — я умираю»...

Бискра. Подпишись, а то завѣщаніе будетъ недѣйствительно.

Гимаръ. Какъ мнѣ подписаться?

Бискра. Пиши: «Ла иллаха иллъ Аллахъ!

Гимаръ пишетъ. Написалъ! Теперь я могу умереть?

Бискра. Да, умереть, какъ трусь, бросившій своихъ товарищей-солдатъ! — Твои похороны будутъ роскошны, отпѣвать твой трупъ будутъ шакалы. Бьютъ на гитарѣ атаку, какъ на барабанѣ. Слышишь, барабанъ зоветъ на приступъ — невѣрные, приносящіе съ собой Самумъ и солнце, выходятъ изъ засады. Ударяетъ по гитарѣ. Выстрѣлы по всей линіи — французы не въ состояніи зарядать — арабы отвѣчаютъ разсыпнымъ огнемъ — французы обращаются въ бѣгство!

Гимаръ поднимается. Французы въ бѣгство не обращаются!

Бискра вынимаетъ флейту и насвистываетъ отступление. Французы бѣгутъ... слышишь — отступление!

Гимаръ. Они отступаютъ... Да, это отступление! — А я здѣсь. Снимаетъ съ себя эполеты. Я умеръ. Падаетъ на полъ.

Бискра. Да, ты умеръ. — И ты не знаешь, что ты давно уже умеръ! Идетъ къ костямъ и беретъ черепъ.

Гимаръ. Я давно уже умеръ? Ощупываетъ себѣ лицо.

Бискра. Давно! Очень давно! — Посмотри на себя въ зеркало. Показываетъ ему черепъ.

Гимаръ. Ахъ! Это я!

Бискра. Смотри: вотъ твои выдающіяся скулы — глаза твои выклевали коршуны; вотъ справа углубленіе, гдѣ былъ коренной зубъ, который тебѣ вырвали... Неужели же ты не узнаешь и этой ямочки, гдѣ у тебя была

маленькая красивая эспаньолка, которую любила ласкать твоя Элиза. Здѣсь было у тебя ухо, въ которое цѣловалъ тебя утромъ за кофе твой Жоржъ. — А вотъ на этомъ мѣстѣ пришелся ударъ топора, когда палачъ обезглавилъ дезертира!.. Гимаръ, который съ ужасомъ глядѣлъ и слушалъ падаетъ мертвымъ. Бискра, стоявшая на колѣняхъ, щупаетъ его пульсъ, поднимается и поетъ. Самумъ! Самумъ! Она открываетъ двери, занавѣски развѣваются. Она закрываетъ ротъ и падаетъ навзничь. Юссефъ!

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНИЕ.

Тѣ же и Юссефъ выходятъ изъ подземелья.

Юссефъ разглядываетъ Гимара и не замѣчаетъ Бискру. Бискра! Замѣчаетъ ее и беретъ на руки. Ты жива?

Бискра. Французъ умеръ?

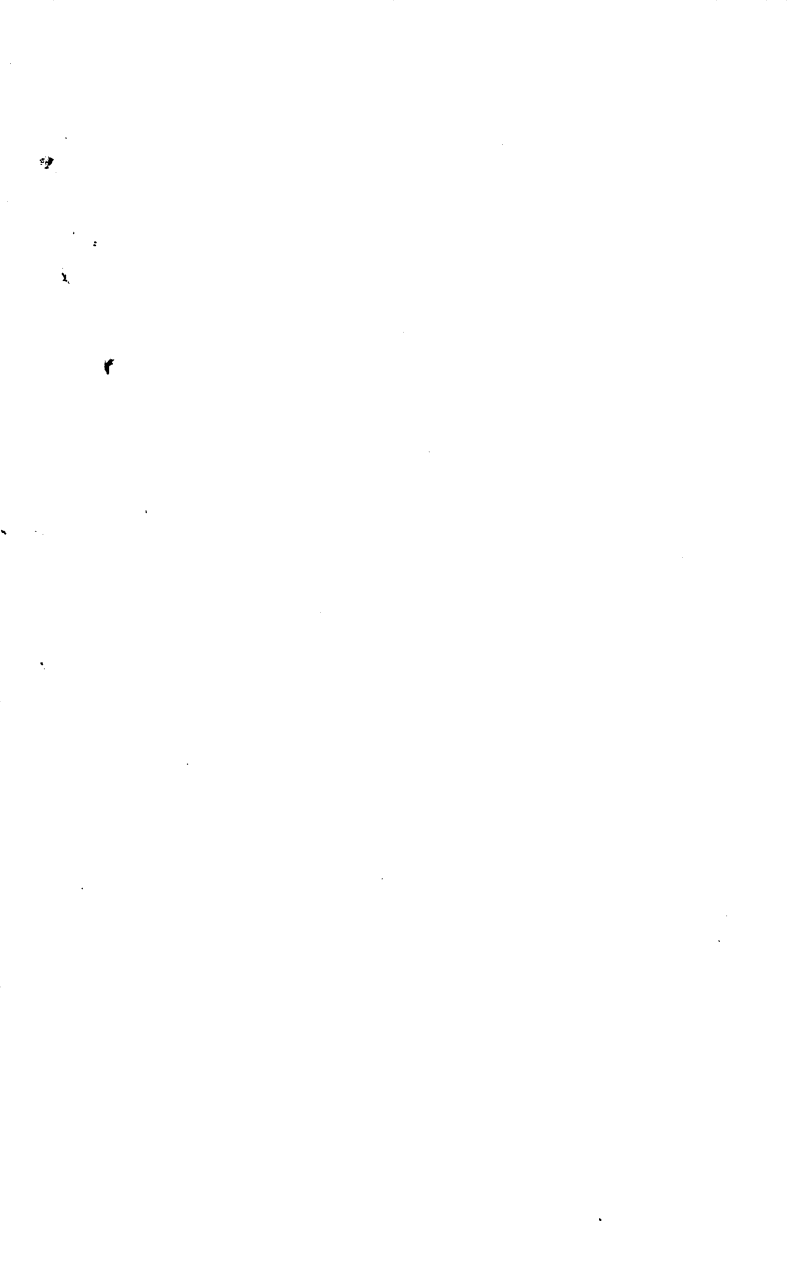
Юссефъ. Если еще и не умеръ, то скоро умретъ! Самумъ! Самумъ!

Бискра. Въ такомъ случаѣ я жива! Дай мнѣ воды!

Юссефъ подноситъ ее къ слуховому окну. Вотъ вода! — Теперь Юссефъ—твой!

Бискра. И Бискра будетъ матерью, твоего сына! Юссефъ! Великій Юссефъ!

Юссефъ. Могучая сильная, Бискра! Сильнѣй, чѣмъ Самумъ!

Кто сильнѣй.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Госпожа X — замужняя актриса.

Госпожа У — незамужняя актриса.

ДЕКОРАЦІЯ:

Уголокъ дамскаго кафе. Два маленькихъ желѣзныхъ столика. Диванъ, обитый красной шелковой матеріей, и нѣсколько стульевъ.

Госпожа Х входитъ, одѣтая по-зимнему, въ пальто и шляпѣ, съ изящной японской корзинкой въ рукахъ. Госпожа У сидитъ передъ недопитой бутылкой пива и читаетъ иллюстрированный журналъ, который мѣняетъ потомъ на другой.

Госпожа Х. Здравствуй, Амелихенъ! Что это ты сидишь здѣсь въ сочельникѣ одна,—какъ несчастный холостякъ?

Госпожа У выглядываетъ изъ-за газеты, киваетъ ей и продолжаетъ читать.

Госпожа Х. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ тяжело видѣть тебя такой одинокой,—одна во всемъ кафе, да къ тому же еще въ сочельникѣ!.. Помню, какъ-то въ одномъ изъ парижскихъ ресторановъ я встрѣтила свадьбу, и при видѣ ея меня охватило такое же чувство жалости! Невѣста перелистывала юмористическій журналъ, а женихъ съ шаферомъ игралъ на бильярдѣ... Недурное начало,—подумала я,—каковы же должны быть продолженіе и конецъ, если даже въ день свадьбы онъ играетъ на бильярдѣ, а она читаетъ юмористическій журналъ!.. Конечно, сходство не полное... Входитъ служанка, ставитъ передъ госпожей Х чашку и уходитъ.

Госпожа Х. Знаешь что, Амели! Теперь мнѣ положительно кажется, что ты поступила бы умнѣе, если бы не разсталась съ нимъ. Помнишь, я первая сказала тебѣ: прости его! Что же ты молчишь? Теперь ты была бы уже замужемъ, имѣла бы свой уголокъ!.. Помнишь, какъ ты была счастлива прошлое Рождество, когда ѣздила въ деревню къ его родителямъ. Какъ ты оцѣнила тогда всю прелесть домашняго очага и мечтала даже о томъ, какъ бросишь театръ... Да, дорогая Амели, высшее счастье — конечно, послѣ сцены — въ семьѣ, въ дѣтяхъ... Впрочемъ, ты этого не поймешь!

Госпожа У строить презрительную гримасу.

Госпожа Х выпиваетъ нѣсколько ложекъ шоколада, потомъ открываетъ корзину и показываетъ рождественскіе подарки. Хочешь взглянуть, что я купила своимъ поросяткамъ? Вынимаетъ куклу. Видишь? Это — Лизѣ! Посмотри, она открываетъ глаза... И головой вертитъ... А вотъ пистолетъ для Майи... Пробкой стрѣляетъ!

Прицѣливается и стрѣляетъ въ госпожу У. Госпожа У дѣлаетъ испуганный жестъ.

Госпожа Х. Испугалась? Ты думала, я правда выстрѣлю? Нѣтъ, я увѣрена, что ты этого не подумала. Вотъ, если бы ты вздумала въ меня стрѣлять за то, что я встала на твоей дорогѣ, я бы не очень удивилась! Да, я знаю, ты не можешь мнѣ этого простить, хотя я совсѣмъ не виновата передъ тобой! Ты до сихъ поръ воображаешь, что видила тебя изъ нашего театра я... Я не выживала тебя, не выживала, хотя ты и убѣждена въ этомъ. Впрочемъ, объ этомъ говорить не стоитъ... Ты все равно не повѣришь! Вынимаетъ пару вышитыхъ туфель. А это — моему

старичку! Тюльпаны я вышивала сама! Я, по правдѣ сказать, ненавижу тюльпаны, но онъ ими бредитъ!

Госпожа У иронически и съ любопытствомъ выглядываетъ изъ-за газеты.

Госпожа Х надѣваетъ туфли на руки. Посмотри, какія у Боба маленькія ножки! Правда? А какая изящная походка! Впрочемъ, ты его никогда не видѣла въ туфляхъ!

Госпожа У громко смѣется.

Госпожа Х. Посмотри... Вотъ онъ идетъ! Хлопаетъ туфлями по столу, изображая походку мужа. Госпожа У продолжаетъ громко смѣяться. А когда онъ сердится... смотри... онъ топаетъ ногой и кричитъ: «проклятыя дѣвчонки! — не могутъ выучиться варить кофе! Кретины! Опять криво фитиль обрѣзали». А потомъ, знаешь, у насъ дуетъ отъ пола, и у него вѣчно мерзнуть ноги: «фу! до чего холодно! Эти идиоты не могутъ даже каминъ растопить какъ слѣдуетъ!» Она третъ одну туфлю о другую.

Госпожа У весело смѣется.

Госпожа Х. А вотъ еще!.. Онъ приходитъ домой и ищетъ свои туфли... А Мари сунула ихъ подъ шифоньерку... Нѣтъ, стыдно высмѣивать своего мужа... Во всякомъ случаѣ, онъ — милый и мужъ — хорошій... и тебѣ бы, Амели, надо такого же! Что ты смѣешься? Что? А потомъ, видишь ли, я увѣрена въ томъ, что онъ мнѣ не измѣнитъ! — Да, я это знаю — онъ самъ мнѣ рассказывалъ. Чего ты хихикаешь? Во время моего турнэ по Нормандіи явилась эта противная Фридерика и хотѣла его соблазнить! Понимаешь, какая гадость! Пауза. Попробуй она притти, когда я дома! Я бы ей глаза выпарапала! Пауза. Слава Богу, что Бобъ самъ мнѣ рассказалъ объ этомъ; а то дошли бы до

меня сплетни!.. Пауза. И вообрази! — Фридерика была не единственная! Не понимаю, почему всѣ женщины бѣгаютъ за моимъ мужемъ? Онѣ, вѣроятно, думаютъ, что онѣ имѣетъ вліяніе въ театрѣ, потому что онѣ служатъ въ правленіи... Можетъ быть, и ты тоже имѣла на него виды?.. Тебѣ-то я не особенно довѣряю, но я сама знаю навѣрное, что онѣ тобой не интересовался... Ты же, мнѣ всегда казалось, таила что-то противъ него!..

Пауза. Онѣ смущенно смотрятъ другъ на друга.

Госпожа X. Во всякомъ случаѣ, Амели, приходи къ намъ сегодня вечеромъ и докажи, что ты не сердишься на насъ... вѣрнѣе — на меня! Повѣришь ли, мнѣ такъ тяжело считать именно тебя своимъ врагомъ... Можетъ быть, это происходитъ оттого, что я встала тогда на твоемъ пути... Замедляя. Или... я сама не знаю, почему собственно...

Пауза. Госпожа У съ любопытствомъ вглядывается въ госпожу X.

Госпожа X, задумчиво. Какъ странно произошло наше знакомство! Когда я увидала тебя въ первый разъ, мнѣ стало страшно! Я такъ боялась тебя, что не смѣла оторвать отъ тебя глазъ!.. Мнѣ все время хотѣлось быть около тебя... И, не рѣшаясь стать твоимъ врагомъ, я стала твоимъ другомъ... Но, приходя къ намъ въ домъ, ты всегда нарушала гармонию, — я видѣла, что мужъ тебя не терпитъ, и я чувствовала себя неловко, какъ въ плохо сшитомъ платьѣ. Я употребляла всѣ силы, чтобы расположить его въ твою пользу... Но все было напрасно, пока ты не стала невѣстой!.. Тогда у васъ вспыхнула горячая дружба. Ты почувствовала себя какъ бы въ безопасности, и только съ этого времени вы осмѣлились высказывать другъ другу ваши на-

стоящія чувства. Какъ все было потомъ?.. Какъ странно! Я не ревновала... Помню, когда ты крестила у насъ, я заставила его поцѣловать тебя; онъ поцѣловалъ, а ты страшно смутилась... Тогда я этого не замѣтила и послѣ не думала объ этомъ — мнѣ это только сейчасъ пришло въ голову... Быстро поднимается. Почему ты молчишь? Ты за все время не проронила ни одного слова и только заставляла говорить меня! Ты сидишь молча и своими взглядами выпытываешь изъ меня всѣ эти мысли, которыя до сихъ поръ спокойно лежали въ моей головѣ, какъ шелкъ въ своемъ коконѣ... мысли, можетъ быть, дурныя... Что же дѣлать? Почему ты разстроила свою свадьбу?.. Почему ты перестала съ тѣхъ поръ бывать у насъ? Почему ты не хочешь притти къ намъ сегодня вечеромъ?

Госпожа У, повидимому, хочетъ говорить.

Госпожа Х. Можешь не говорить, теперь я сама все понимаю! Причина совершенно ясна! Да, да и да!! Тогда становится все понятно... Ну, конечно! Фу! не хочу я сидѣть съ тобой за однимъ столомъ! Перекладываетъ свои вещи на другой столикъ. Такъ вотъ почему я должна была вышивать ему тюльпаны, которые ненавижу!.. Потому что ты ихъ любишь!. Швыряетъ туфли на полъ. И лѣто провели мы на Меларѣ только потому, что ты не переносишь морскихъ купаній! И сына мы назвали Эскиломъ потому, что такъ звали твоего отца!.. Я должна была носить твои любимыя цвѣта, читать твоихъ любимыхъ писателей, ѣсть твои любимыя кушанья, пить твои любимыя напитки, напримѣръ, этотъ шоколадъ... Такъ вотъ почему!.. Боже мой, это — ужасно! Страшно подумать!.. Все, все перешло ко мнѣ отъ тебя, даже твои вкусы! Твоя душа вползла въ мою, какъ

червь въ яблоко, и, уничтоживъ въ ней все, оставила одну оболочку съ извѣденной сердцевиной... Я хотѣла бѣжать отъ тебя, но не могла... Ты, какъ змѣя, приворожила меня своими черными глазами. Я чувствовала, какъ поднимались твои крылья, чтобы сбросить меня въ бездну. Я лежала въ водѣ со связанными ногами и, чѣмъ сильнѣе работала руками, тѣмъ все глубже и глубже погружалась я внизъ, пока не опустилась на дно, гдѣ ты лежала, какъ чудовищный крабъ, готовый схватить меня своими клешнями... И вотъ я лежу въ ихъ объятіяхъ!.. О, какъ я тебя ненавижу! Ненавижу, ненавижу!.. А ты сидишь спокойная, равнодушная ко всему... Тебѣ безразлично, есть теперь луна или нѣтъ, Рождество теперь или Новый годъ, счастливы другіе или несчастны! Неспособная любить и ненавидѣть, неподвижная, какъ аистъ передъ мышиною норой,— ты не сумѣла сама вытащить свою жертву, не могла догнать ее,— но ты ее выждала! Ты сидишь въ этомъ углу, который въ твою честь даже назвали мышеловкой, читаешь свои газеты и наблюдаешь за тѣми, кому плохо живется, кто попалъ въ бѣду, кто долженъ уйти изъ театра. Сидишь здѣсь, слѣдя за своими жертвами, взвѣшивая свои шансы, какъ лопманъ передъ кораблекрушеніемъ! Бѣдная Амели! Мнѣ жаль тебя! Я знаю, что ты несчастна, а потому и озлоблена, какъ всѣ раненные жизнью!.. Я не могу на тебя сердиться, даже если бы хотѣла... Ты слишкомъ жалка! А что касается Боба — мнѣ это безразлично... Въ концѣ концовъ, не все ли равно, ты или кто другой научилъ меня пить шоколадъ? Пить изъ чашки. Тономъ наставницы. Къ тому же шоколадъ полезенъ!.. А если я научилась у тебя одѣваться... Tant mieux! Это только сильнѣй привязало ко мнѣ

мужа... И ты проиграла тамъ, гдѣ я выиграла! Да, судя по нѣкоторымъ признакамъ, ты уже проиграла. У тебя было твердое намѣреніе столкнуть меня съ дороги... Ты объ этомъ хлопотала, хоть теперь и жалѣешь... Но, видишь, я тебѣ не уступила. Будемъ откровенны! И съ какой стати я должна брать только то, отъ чего отказываются другія? И, если все взвѣсить, то въ эту минуту сильнѣйшей изъ двухъ насъ окажусь я! Ты никогда ничего отъ меня не получала, а только давала мнѣ! А теперь я, какъ воръ, воспользовалась твоимъ положеніемъ!.. И почему въ твоихъ рукахъ все было бесполезно и бесплодно?.. И отчего ты всѣми твоими вѣсками и тюльпанами не сумѣла привязать къ себѣ ни одного мужчины? Сумѣла же я! Какъ не могла ты у своихъ писателей научиться искусству жить? Научили же они меня! Нѣтъ у тебя живого маленькаго Эсхила несмотря на то, что такъ звали твоего отца!! Отчего ты молчишь такъ равнодушно, такъ сдержанно? Молчишь и молчишь безъ конца!! Прежде я считала это силой — теперь вижу, что тебѣ просто нечего было говорить! Встаетъ и поднимаетъ съ полу туфли. Я иду домой и уношу съ собой тюльпаны... твои тюльпаны! Ты не хотѣла учиться у другихъ, ты не хотѣла гнуться, а потому и сломалась какъ сухой тростникъ!.. Я поступила не такъ! Благодарю, Амели, за твои прекрасные уроки! Благодарю за то, что ты научила меня любить мужа!.. Теперь я иду къ себѣ домой съ глубокой любовью къ нему.

Парія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Господинъ X — археологъ.	}	люди среднего возраста.
Господинъ У — прїѣзжій изъ Америки.		

ДЕКОРАЦІЯ.

Простая комната деревенскаго дома. Въ задней стѣнѣ окно и стеклянная дверь наружу съ видомъ на окрестности. Посреди комнаты большой обѣденный столъ. Одна сторона его завалена книгами, письменными принадлежностями и различными древностями. На другой сторонѣ стола стоитъ микроскопъ, ящики для накальванія насѣкомыхъ и банки со спиртомъ. Съ лѣвой стороны книжный шкафъ. Остальная мебель напоминаетъ обстановку зажиточнаго крестьянина.

Господинъ У входитъ безъ сюртука и жилета въ крахмаленой сорочкѣ. Черезъ плечо у него ботанизирка, въ рукахъ сѣтка для ловли насѣкомыхъ. Онъ прямо подходитъ къ книжному шкафу, беретъ съ полки книгу и читаетъ стоя. Слышно, какъ въ деревенской церкви звонятъ къ обѣднѣ. Ландшафтъ за окномъ и сама комната ярко освѣщены солнцемъ. По временамъ со двора доносится кудахтаніе куръ.

Господинъ Х входитъ. Также въ крахмаленой сорочкѣ и безъ жилета.

Господинъ У вздрагиваетъ, поспѣшно ставитъ книгу вверхъ ногами на полку и дѣлаетъ видъ, будто ищетъ въ шкафу другую книгу.

Господинъ Х. Какъ душно сегодня! Навѣрно будетъ гроза.

Господинъ У. Почему ты такъ думаешь?

Господинъ Х. Послушай, какъ глухо звучитъ колокольный звонъ. Потомъ, сегодня съ утра мухи кусаются и куры кудахтаютъ. Я собирался идти половить рыбу, но не могъ откопать ни одного червя. Скажи пожалуйста, ты не чувствуешь сегодня какой-то особенной нервности?

Господинъ У задумчиво. Я? Да... Конечно...

Господиъ X. Впрочемъ, у тебя всегда такой видъ, будто ты ждешь, что надъ тобой вотъ-вотъ разразится гроза.

Господинъ У тревожно. Въ самомъ дѣлѣ?

Господинъ X. Да оно и понятно. Завтра ты уѣзжаешь, и вполне естественно, что сегодня тебя уже забираетъ дорожная лихорадка. Что новенькаго на свѣтѣ? — Ахъ, почта уже пришла! Береть со стола пачку писемъ. Ты знаешь, когда я распечатываю письмо, у меня всегда дѣлается ужасное сердцебіеніе.—Все долги, долги... Были ли у тебя когда-нибудь долги?

Господинъ У задумчиво. Н-нѣтъ!

Господинъ X. Въ такомъ случаѣ ты не можешь понять, что чувствуетъ человѣкъ, получая неоплаченный счетъ. Читаетъ одно изъ писемъ. Хозяинъ требуетъ денегъ за квартиру,—жена въ отчаяніи. Что дѣлать? А рядомъ съ этимъ я заваленъ золотомъ. Открываетъ стоящій на столѣ кованный ларь. Оба садятся за столъ. Смотри. Здѣсь у меня на шесть тысячъ кронъ золота. Все это я раскопалъ только за двѣ недѣли. Если я продамъ только это запястье, то у меня сразу будутъ въ карманѣ тѣ триста пятьдесятъ кронъ, которыя мнѣ теперь нужны до зарѣза. А если я продамъ все это, то я могу обезпечить себѣ блестящую карьеру. Я бы сейчасъ же заказалъ рисунки къ своей работѣ, немедленно приступилъ бы къ ея печатанію, а потомъ уѣхалъ бы путешествовать. Какъ ты думаешь, почему я этого не дѣлаю?

Господинъ У. Ты боишься, что объ этомъ узнаютъ?

Господинъ X. Можетъ быть, и это меня удерживаетъ. Но неужели же ты думаешь, что интеллигентный

человѣкъ, какъ я, не сумѣетъ обставить этого дѣла такъ, что ни одна душа не догадается? Свидѣтелей преступленія у меня быть не можетъ. Хожу я туда совсѣмъ одинъ и роюсь въ курганахъ. Что же тутъ удивительнаго, если при такихъ обстоятельствахъ кое-что и попадетъ въ мой карманъ?

Господинъ У. Все это такъ, но на сбытъ очень легко попасться.

Господинъ Х. Разумѣется, я бы сначала все сплавилъ, а потомъ сталъ бы самъ чеканить дукаты, только, конечно, настоящіе...

Господинъ У. Ну, конечно.

Господинъ Х. Само собой разумѣется. Потому что, если бы я, въ самомъ дѣлѣ, захотѣлъ выдѣлывать фальшивую монету, то для этого не стоило бы выкапывать золото изъ кургановъ. Не правда ли? Пауза. Любопытноѣ всего, что если бы кто-нибудь другой, будучи на моемъ мѣстѣ, рѣшился на то, на что у меня не хватаетъ смѣлости, я бы первый сталъ его защищать и говорить въ его оправданіе. Но если бы я самъ это сдѣлалъ, я бы считалъ себя виновнымъ. Если бы мнѣ надо было защищать этого вора, я бы могъ сказать блестящую оправдательную рѣчь, я бы доказалъ, что это золото представляло изъ себя *res nullius*, т.-е. что оно юридически никому не принадлежало, потому что оно попало въ землю еще въ тѣ блаженныя времена, когда люди не имѣли понятія о правѣ собственности, а въ настоящее время оно принадлежитъ тому, кто его нашелъ, такъ какъ владѣлецъ земли на него никакихъ правъ предъявлять не можетъ. Покупая землю, владѣлецъ не покупалъ таящихся въ ней богатствъ... Словомъ, я очень многое могъ бы сказать въ его оправданіе.

Господинъ У. Да. И тебѣ было бы еще легче найти ему оправданіе, если бы, гм... какъ бы это лучше сказать, воръ дѣйствовалъ не подъ вліяніемъ нужды и голода, а, скажемъ, какъ коллекціонеръ, какъ человѣкъ науки или какъ честолюбецъ, стремящійся во что бы то ни стало сдѣлать открытіе.

Господинъ Х. Ты, значить, думаешь, что я считалъ бы его виноватымъ, если бы онъ укралъ потому, что ему нечего ѣсть? И я тебѣ скажу: да, я его не могъ бы оправдать, потому что это единственный случай, когда и законъ не оправдываетъ. Кража изъ нужды называется просто воровствомъ.

Господинъ У. И ты тоже не могъ бы оправдать такого поступка?

Господинъ Х. Гм!.. Разумѣется, не могъ бы, потому что этого не прощаетъ и законъ. Зато я долженъ сознаться, что не рѣшился бы возбуждать дѣла противъ коллекціонера, за то, что онъ взялъ на чужой землѣ и присвоилъ себѣ предметы древности, которыхъ до сихъ поръ еще не было въ его коллекціи.

Господинъ У. Такимъ образомъ зависть и честолюбіе могутъ извинить то, чего не извиняютъ нужда и голодъ. Такъ что ли?

Господинъ Х. Да. Хотя, по-настоящему, нужда самая сильная и даже единственная извиняющая причина,—она не можетъ служить оправданіемъ воровства. Къ сожалѣнію, это такъ. И я тутъ такъ же безуменъ что-либо измѣнить, какъ поборотъ свое органическое отвращеніе къ воровству.

Господинъ У. Ты, стало быть, органически не мо-

жешь украсть и на этомъ основаніи, вѣроятно, считаешь себя очень добродѣтельнымъ.

Господинъ Х. Нѣтъ. Я просто не могу заставить себя украсть, точно такъ же, какъ другіе не могутъ побороть въ себѣ желанія совершить кражу. Поэтому тутъ нѣтъ никакой добродѣтели. Вся разница въ томъ, что я не могу это сдѣлать, а онъ не можетъ этого не сдѣлать. Ты, я думаю, понимаешь, что у меня нѣтъ недостатка въ желаніи обладать этимъ золотомъ. Но если ты меня спросишь, почему я его не возьму себѣ, то я тебѣ отвѣчу: не могу! Я не могу! Слѣдовательно, это слабость, а слабость не можетъ быть добродѣтью. Такъ-то! Запираетъ ларецъ.

На небо набѣжали тучи. Ландшафтъ за окномъ постепенно темнѣетъ. Въ камнатѣ тоже становится не такъ свѣтло. Освѣщеніе такое, какъ бываетъ передъ началомъ грозы.

Господинъ Х. Какъ душно! Я увѣренъ, что будетъ гроза!

Господинъ У. встаетъ и закрываетъ окно и дверь.

Господинъ Х. Развѣ ты боишься грозы?

Господинъ У. Вообще надо быть всегда осторожнымъ.

Опять садятся за столъ.

Господинъ Х. А все-таки ты курьезный субъектъ! Двѣ недѣли тому назадъ ты свалился сюда, какъ снѣгъ на голову, представился мнѣ, какъ американецъ, переселившійся сюда изъ Швеціи и собирающій теперь насѣкомыхъ для какого-то маленькаго музея...

Господинъ У. Пожалуйста, оставимъ этотъ разговоръ!..

Господинъ X. Вотъ-вотъ! Ты всегда повторяешь ту же фразу каждый разъ, какъ мнѣ надоѣсть говорить все только о себѣ и я вздумаю поинтересоваться тѣмъ, что касается тебя. Можетъ быть, ты и завоевалъ такъ скоро мою симпатію тѣмъ, что давалъ мнѣ возможность безъ конца говорить о себѣ. Мы вѣдь сразу почувствовали себя старыми знакомыми. У тебя не было въ характерѣ ни острыхъ угловъ, на которые я могъ бы напоротся, ни колючихъ иголокъ, о которыхъ я могъ бы уколотся. Во всемъ твоёмъ существѣ было что-то мягкое, ты обнаружилъ столько чуткости и деликатности, что я сразу призналъ въ тебѣ очень благовоспитаннаго человѣка. Ты оказался великолѣпнымъ сожителемъ, ты не шумѣлъ, когда возвращался поздно вечеромъ домой, ты не поднималъ суеты по утрамъ, когда вставалъ раньше меня, ты не обращалъ вниманія на мелочи, ты всегда уступалъ мнѣ тамъ, гдѣ я не желалъ уступать,—словомъ, ты былъ олицетвореніемъ обходительности. И, тѣмъ не менѣе, мнѣ иногда кажется, что ты былъ слишкомъ уступчивъ, слишкомъ скромень и черезчуръ тихъ, такъ что я даже не разъ задавалъ себѣ вопросъ, насколько все это искренно. Въ самомъ дѣлѣ, ты такъ остороженъ и боязливъ, что мнѣ иногда кажется, что въ тебѣ есть что-то двойственное, что ты не тотъ человѣкъ, за котораго ты себя выдаешь. И знаешь ли, что, когда я вотъ такъ сижу передъ тобой и рассматриваю въ зеркало твою спину, то мнѣ кажется, что передо мной два разныхъ человѣка.

Господинъ У оборачивается и смотритъ на себя въ зеркало.

Господинъ X. Чудакъ! Развѣ ты можешь увидеть въ зеркалѣ свою собственную спину? Нѣтъ, въ самомъ

дѣлѣ, если смотрѣть на тебя спереди, то ты похожъ на добродушнаго честнаго малаго, который съ открытой грудью идетъ навстрѣчу своей судьбѣ, а со спины... ты меня прости заранѣе, со спины ты похожъ на человѣка, которому взвалили на плечи непомѣрную тяжесть. Ты будто съеживаешься и извиваешься, какъ человѣкъ, который хочетъ избѣжать удара палки. И вотъ теперь я смотрю, какъ у тебя на спинѣ скрещиваются твои красныя помочи, и мнѣ кажется, что это клеймо, ну, скажемъ, фабричное клеймо, наложенное на тюкъ съ товаромъ...

Господинъ У. Я, кажется, сейчасъ задохнусь, если гроза не разрядитъ атмосферы. Встаетъ.

Господинъ Х. Постой! Потерпи немного! Гроза сейчасъ должна разразиться... Да! А потомъ твой затылокъ! Мнѣ иногда кажется, что у тебя тамъ второе лицо, только совсѣмъ непохожее на твое настоящее. Твой черепъ удивительно узокъ, особенно на уровнѣ ушей. Я уже давно спрашиваю себя, какой ты расы. Молнія. Какъ будто ударило молніей въ домъ ленсманъ...

Господинъ У съ безпокойствомъ. Ленсманъ?

Господинъ Х. Ну да, мнѣ такъ сейчасъ показалось. Не безпокойся, съ нами отъ этой грозы ничего не случится. Завтра ты уѣзжаешь. — Садись лучше, и давай поговоримъ. Удивительно! Мы съ тобой такъ сошлись за это время, но ты, повидимому, принадлежишь къ числу тѣхъ людей, лица которыхъ я никакъ не могу припомнить, когда ихъ со мною нѣтъ. Когда ты уходишь гулять одинъ, я о тебѣ вспоминаю, но, когда я стараюсь вспомнить твое лицо, мнѣ представляется другой мой знакомый. Правда,

ты очень мало на него похожъ, а все-таки между вами есть что-то общее.

Господинъ У. Кто онъ?

Господинъ Я не хочу сейчасъ называть его имени. Когда-то я много лѣтъ подъ рядъ обѣдалъ въ одномъ и томъ же ресторанѣ и тамъ я почти ежедневно встрѣчалъ маленькаго блондина съ выпуклыми глазами. Онъ обладалъ удивительной способностью пролѣзть впередъ въ самой тѣсной толпѣ, и при этомъ онъ самъ никого не толкалъ, и его никто не тѣснилъ. Стоя у двери, онъ могъ Богъ знаетъ на какомъ разстояніи достать себѣ съ блюда кусокъ хлѣба. На людяхъ онъ былъ всегда необыкновенно веселъ, а когда онъ встрѣчалъ знакомаго, то смѣялся, цѣловался и ласкался къ нему такъ, что можно было подумать, что онъ уже годами не видалъ человѣческаго лица. Если ему наступали на ногу, онъ виновато смѣялся съ такимъ видомъ, будто просилъ прощенія за то, что попался вамъ на дорогѣ. Въ теченіи двухъ лѣтъ мы встрѣчались съ нимъ ежедневно, и я забавлялся тѣмъ, что старался угадать, кто онъ и чѣмъ онъ занимается. Я никого объ этомъ не спрашивалъ, это бы сразу испортило мнѣ мое удовольствіе отгадывать. Этотъ человѣкъ обладалъ той же особенностью, что и ты. Никакъ нельзя было опредѣлить, кто онъ. Я его принималъ то за учителя въ отставкѣ, то за унтеръ-офицера въ штатскомъ, то за фармацевта, то за писца, то даже за агента сыскной полиціи. Но всегда мнѣ казалось, что онъ весь состоитъ изъ двухъ совершенно разныхъ половинокъ, потому что спереди онъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ сзади. Однажды я случайно прочелъ въ газетѣ о крупномъ подлогѣ, совершенномъ извѣстнымъ

виднымъ чиновникомъ. Потомъ я узналъ, что мой загадочный блондинъ оказался соучастникомъ этого подлога. По наведеннымъ справкамъ этотъ господинъ держалъ раньше библіотеку для чтенія, а потомъ сталъ доставлять полицейскую хронику въ одну большую газету. Я никакъ не могъ понять, какая можетъ быть связь между подлогомъ, полицейской хроникой и той странной двойственностью, которая поражала меня въ этомъ человѣкѣ. Я и до сихъ поръ не рѣшилъ этого вопроса. Потомъ я какъ-то справлялся у пріятели о томъ, понесъ ли этотъ господинъ наказаніе или нѣтъ, но тогда мнѣ не удалось узнать ничего положительнаго, мой пріятели и самъ не зналъ объ этомъ ничего достовѣрнаго.

Пауза.

Господинъ У. А на самомъ дѣлѣ онъ понесъ наказаніе?

Господинъ Х. Нѣтъ.

Пауза.

Господинъ У. Ты вѣроятно ставишь это въ связь съ его страннымъ влеченіемъ къ полиціи и съ его боязнью ссориться съ людьми?

Господинъ Х. Конечно!

Господинъ У. Ты съ нимъ познакомился потомъ?

Господинъ Х. Нѣтъ. Я не захотѣлъ.

Пауза.

Господинъ У. А если бы онъ отбылъ свое наказаніе, ты бы съ нимъ познакомился?

Господинъ Х. Да. Даже охотно.

Господинъ У. встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ.

Господинъ Х. Сиди смирно! Неужели же ты не можешь смирно посидѣть?

Господинъ У. Откуда у тебя такіе взгляды на человѣческія дѣла? Скажи пожалуйста, ты себя считаешь христіаниномъ?

Господинъ Х. Нѣтъ. Ты, кажется, самъ это видишь.

Господинъ У смотритъ вопросительно.

Господинъ Х. Видишь ли, Христосъ требовалъ всепрощенія, а я проповѣдую наказаніе, какъ необходимое условіе для возстановленія равновѣсія, или называй это какъ хочешь. И ты, какъ сидѣвшій въ тюрьмѣ, долженъ понимать это лучше, чѣмъ другіе.

Господинъ У останавливается и нѣкоторое время стоитъ неподвижно, глядя съ ненавистью на господина Х. Потомъ съ изумленіемъ спрашиваетъ. Откуда ты это знаешь?

Господинъ Х. Я это вижу.

Господинъ У. Какимъ образомъ? Какимъ образомъ ты можешь это видѣть?

Господинъ Х. Этому я научился. Ты знаешь, что это тоже своего рода искусство. А теперь довольно! Бросимъ этотъ разговоръ! Смотритъ на часы, достаетъ листъ бумаги, беретъ перо и протягиваетъ его господину У. Пора мнѣ подумать о своихъ денежныхъ дѣлахъ. Будь добръ, засвидѣтельствуй вотъ здѣсь на этомъ чефѣ мою подпись. Я завтра поѣду тебя провожать въ Мальмё и заѣду въ банкъ.

Господинъ У. Я не собираюсь ѣхать черезъ Мальмё!

Господинъ Х. Развѣ?

Господинъ У. Нѣтъ, нѣтъ, не поѣду...

Господинъ Х. Во всякомъ случаѣ, это не можетъ тебѣ помѣшать засвидѣтельствовать мою подпись.

Господинъ У. Н-нѣтъ! Я никогда не подписываю ни подъ чѣмъ своего имени...

Господинъ Х. Вотъ какъ? Странно. Ты уже пятый разъ подъ разными предлогами отказываешься написать свое имя. Первый разъ, помнишь, это произошло изъ-за почтовой расписки. Съ тѣхъ поръ я сталъ за тобой наблюдать. И теперь я окончательно убѣдился въ томъ, что ты положительно боишься взять въ руки перо. Съ тѣхъ поръ какъ ты здѣсь, ты не написалъ ни одного письма; нѣтъ, впрочемъ, ты послалъ куда-то открытку, да и тутъ ты писалъ не чернилами, а карандашомъ. Теперь ты понимаешь, почему я догадался о твоёмъ преступленіи?— Пстой, это еще не все! Ты еще ни разу не былъ въ Мальмё и тѣмъ не менѣе ты вотъ уже седьмой разъ заявляешь мнѣ о томъ, что туда не поѣдешь. вмѣстѣ съ тѣмъ я рѣшительно утверждаю, что ты нарочно пріѣхалъ изъ Америки, именно чтобы видѣть Мальмё. Я знаю, что ты каждое утро ходишь за полмили на югъ къ Мюльбергу только потому, что оттуда видны крыши Мальмё! Сейчас ты стоишь у окна и смотришь въ третье лѣвое стекло, считая снизу. А я знаю, что оттуда видны дымовыя трубы и шпиць окружной тюрьмы. Теперь ты понимаешь, что я вовсе не такъ проницателенъ, какъ ты думаешь, а что ты просто глупъ.

Господинъ У. Ты теперь призираешь меня?

Господинъ Х. Нѣтъ!

Господинъ У. Нѣтъ, я знаю, ты долженъ меня презирать!..

Господинъ Х. Да нѣтъ же! Вотъ тебѣ моя рука!

Господинъ У. порывисто цѣлуетъ протянутую руку.

Господинъ X, вырывая у него свою руку. Что это еще за собачьи манеры!

Господинъ У. Простите меня... Вы первый человѣкъ, знающій о моемъ преступленіи и все же подавшій мнѣ руку...

Господинъ X. И поэтому ты уже не рѣшаешься говорить мнѣ ты! — Меня поражаетъ, что ты, искупивъ свою вину наказаніемъ, все же не чувствуешь себя возстановленнымъ въ правахъ. Ты какъ будто ставишь себя много ниже другихъ людей. Расскажи мнѣ, какъ это съ тобой случилось.

Господинъ У. Хорошо. Но я боюсь, что ты не повѣришь тому, что я буду рассказывать. Когда я тебѣ расскажу, ты увидишь, что я не настоящій преступникъ; ты поймешь, что иногда человѣкъ можетъ совершить преступленіе, такъ сказать, просто по ошибкѣ. Ёжится. Такіе случаи приходятъ внезапно и неизвѣстно почему, и противъ нихъ и воля и характеръ оказываются базильными. — Можно открыть дверь? Гроза, кажется, уже прошла.

Господинъ X. Пожалуйста!

Господинъ У открываетъ дверь, потомъ опять садится къ столу и рассказываетъ. Голосъ его звучитъ какъ-то напыщенно, театрально и фальшиво. Видишь ли, я былъ студентомъ въ Лундѣ. Однажды мнѣ нужны были деньги. Особенныхъ долговъ у меня въ то время не было, а у моего отца было небольшое состояніе. Я хотѣлъ переучесть вексель и послалъ его для подписи къ поручителю, но получилъ его обратно съ отказомъ въ поручительствѣ. Первую минуту я былъ ошеломленъ; для меня это было очень непріятной неожиданностью, даже болѣе чѣмъ непріятной. На столѣ

передо мной лежалъ клочокъ бумаги, а рядомъ съ нимъ письмо отъ поручителя. Сначала я машинально еще нѣсколько разъ пробѣждалъ глазами роковыя строки, въ которыхъ заключался мой приговоръ. Правда, это еще не былъ смертный приговоръ, но я тебѣ сказалъ, что для меня все это было болѣе, чѣмъ неприятно. Потомъ взгляды мой упалъ на подпись подъ этимъ письмомъ, и я невольно подумалъ, что будь эта подпись не здѣсь, а на моемъ векселѣ, я былъ бы спасенъ. Это была удивительно четкая и красивая подпись. Ты самъ, навѣрно, знаешь по опыту, что иногда сидишь, задумавшись, за письменнымъ столомъ, а рука тѣмъ временемъ исписываетъ машинально листокъ промокательной бумаги однимъ кажимъ-нибудь словомъ. Я держалъ перо, береть перо въ руку, вотъ такъ, и безсознательно копировалъ подпись. Я не стану утверждать, что тутъ было что-то мистическое, что это было какое-то внушеніе,— я въ это не вѣрю. Но въ этомъ было что-то безсознательное и механическое. Я сидѣлъ, задумавшись, и безчисленное количество разъ съ величайшей точностью скопировалъ эту красивую подпись. Въ это время у меня даже и не явилось мысли извлечь изъ этого какую-нибудь пользу. Въ эту минуту у меня не было никакого намѣренія. Когда я исписалъ всю бумажку, я уже могъ мастерски нарисовать эту подпись. Бросаетъ перо. Потомъ я все это забылъ. Ночью я спалъ тяжелымъ и крѣпкимъ сномъ. Проснувшись утромъ, я никакъ не могъ припомнить того, что видѣлъ во снѣ, но у меня было такое чувство, что мнѣ что-то приснилось. Потомъ въ моемъ сознаниі приотворилась какая-то дверь, и мнѣ представился сразу письменный столъ и лежащій на немъ вексель. Все это мель-

кнуло передо мной какъ воспоминаніе. Когда я всталъ съ постели, меня неудержимо влекло къ письменному столу, будто бы я уже давно послѣ зрѣлаго и всесторонняго обсужденія безповоротно рѣшилъ поставить эту подпись на своемъ векселѣ. Въ эту минуту я не думалъ о послѣдствіяхъ моего поступка, у меня даже не было ни одной минуты сомнѣнія, — я поступалъ такъ, будто собирался исполнить свой священный долгъ... и я подписалъ! Всакиваетъ. Что это было? Было ли это чье-нибудь внушеніе или, какъ говорятъ, гипнозъ? Но кто могъ мнѣ это внушить? Я спалъ въ комнатѣ одинъ! Можетъ быть, тутъ дѣйствовало мое нецивилизованное и грубое я, этотъ дикарь, не признающій никакихъ условностей. Обыкновенно онъ спалъ во мнѣ, но тутъ ему удалось вырваться наружу и проявить свою дикую волю, которая не считается съ послѣдствіями совершаемыхъ поступковъ? Что это было? Какъ ты думаешь?

Господинъ Х. Откровенно говоря, твой рассказъ меня не совсѣмъ удовлетворяетъ. Въ немъ есть какіе-то пробѣлы, но это, вѣроятно, оттого, что ты уже успѣлъ забыть многія подробности. А о какихъ-то странныхъ явленіяхъ, въ родѣ гипноза, при совершеніи преступленій я что-то читалъ... гм... дай мнѣ вспомнить... Впрочемъ, это безразлично! Ты понесъ уже должное наказаніе, и у тебя хватило мужества сознаться въ своей ошибкѣ. А теперь поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ.

Господинъ У. Нѣтъ, давай еще поговоримъ объ этомъ. Давай говорить объ этомъ до тѣхъ поръ, пока у меня не будетъ полнаго сознанія моей невинности.

Господинъ Х. Развѣ у тебя нѣтъ этого сознанія?

Господинъ У. Нѣтъ.

Господинъ Х. Это меня беспокоитъ! Это меня ужасно беспокоитъ! Развѣ ты не знаешь, что у каждаго человѣка есть что-нибудь темное на душѣ? Въ дѣтствѣ мы всѣ навѣрно не разѣ и крали и лгали! Ты съ этимъ согласенъ? Такъ вотъ, многіе люди остаются всю свою жизнь дѣтьми и поэтому не могутъ побороть въ себѣ противозаконныя желанія. Все только зависитъ отъ случайности. Подвернется такой случай,—и человѣкъ становится преступникомъ! Я не могу совершенно понять, почему у тебя нѣтъ признанія твоей невинности! Законъ считаетъ ребенка невмѣняемымъ, если онъ совершитъ преступленіе. По-моему на преступника слѣдовало бы смотрѣть тоже съ этой точки зрѣнія. Долженъ тебѣ сказать... впрочемъ, все равно, впоследствии я, можетъ быть, объ этомъ и пожалѣю... Пауза. Я убилъ человѣка, и, какъ это ни странно, у меня никогда не было угрызеній совѣсти.

Господинъ У удивленно. Ты... убилъ?

Господинъ Х. Да. Можетъ быть, ты считаешь для себя невозможнымъ подавать руку убійцѣ?

Господинъ У. Какъ тебѣ не стыдно такъ говорить?

Господинъ Х. Имѣй въ виду, что я не отбылъ наказанія.

Господинъ У сконфуженно. Тѣмъ лучше для тебя. Расскажи, какъ ты избѣжалъ суда?

Господинъ Х. На меня никто не доносилъ. Противъ меня не было никакихъ уликъ, никакихъ свидѣтелей. Дѣло было такъ. Мой пріятель пригласилъ меня охотиться на Рождество въ свое имѣніе около Упсалы. Навстрѣчу мнѣ выслали лошадей и стараго кучера, который преспокойно

спалъ на козлахъ, попадалъ во всѣ ухабы и опрокидывалъ экипажъ во всѣ канавы по дорогѣ. Я не хочу сваливать вину на опасность, которой я подвергался благодаря этому старику. Въ порывѣ раздраженія я далъ ему хорошаго подзатыльника. Я хотѣлъ его разбудить, а вмѣсто этого однимъ ударомъ отправилъ его на тотъ свѣтъ, и онъ тутъ же на мѣстѣ умеръ.

Господинъ У. вкрадчиво. Разумѣется, ты на себя не доносишь?

Господинъ Х. Да. И вотъ по какимъ соображеніямъ. У этого старика не было ни родныхъ, ни близкихъ, которымъ бы была нужна его жизнь. Онъ уже былъ старъ, жизнь его была кончена, и его мѣсто съ успѣхомъ могъ занять другой человѣкъ, который, конечно, дѣлалъ бы его дѣло не хуже, чѣмъ онъ. Съ другой стороны, моя жизнь была необходима для счастья моихъ родителей, а можетъ быть, и для пользы науки. Этотъ случай разъ навсегда отучилъ меня отъ дурной привычки давать подзатыльники. Кромѣ того, мнѣ совсѣмъ не улыбалась мысль отдать свою жизнь и счастье моихъ родителей въ жертву какой-то отвлеченной идеи справедливости.

Господинъ У. Ты, однако, дешево оцѣниваешь человѣческую жизнь!

Господинъ Х. Въ данномъ случаѣ — да.

Господинъ У. А какъ же чувство вины и то возстановленіе равновѣсія, о которомъ ты говорилъ?

Господинъ Х. Я не чувствовалъ себя виновнымъ по той простой причинѣ, что я не совершилъ преступленія. Въ молодости я самъ получалъ очень много подзатыльниковъ и раздавалъ ихъ направо и налево весьма щед-

рой рукой, но я не зналъ, что подзатыльникомъ можно убить на мѣстѣ стараго человѣка.

Господинъ У. Но ты, вѣроятно, знаешь, что за нечаянное убійство по закону полагается два года заключенія въ исправительномъ домѣ, то-есть, какъ разъ то же наказаніе, что и за подлогъ.

Господинъ Х. Не безпокойся, я объ этомъ думалъ уже. Иногда по ночамъ мнѣ даже снилось, что я уже въ тюрьмѣ. А скажи, что, въ самомъ дѣлѣ такъ тяжело сидѣть за тюремной рѣшеткой?

Господинъ У. Да. Очень тяжело. Первымъ дѣломъ въ тюрьмѣ измѣняютъ твою наружность тѣмъ, что стригутъ наголо волосы. Такъ что, если до этого у тебя еще было лицо порядочнаго человѣка, то послѣ этой операциі ты уже становишься похожимъ на преступника. Стоитъ тебѣ тогда посмотрѣть на себя въ зеркало, чтобы убѣдиться въ томъ, что ты настоящій разбойникъ.

Господинъ Х. Да. Это тонкій тюремный маневръ. Первымъ дѣломъ съ тебя срываютъ маску.

Господинъ У. Смѣйся, смѣйся. Потомъ тебя кормятъ такъ скудно, что ты каждый день, каждый часъ чувствуешь, что есть существенная разница между жизнью и смертью. Всѣ твои потребности здѣсь сводятся къ нулю, ты чувствуешь, какъ все твое существо начинаетъ съеживаться, какъ твоя душа, которую здѣсь намѣреваются исправить, начинаетъ голодать, какъ она постепенно уходитъ на тысячи лѣтъ назадъ въ глубь временъ и возвращается въ первобытное звѣриное состояніе. Тебѣ даютъ читать только книги, написанныя Богъ знаетъ когда для полудикихъ кочевниковъ; въ нихъ говорится только о томъ, чего никогда

не было и не будетъ. Зато отъ тебя заботливо скрываютъ все то, что происходитъ на землѣ. Ты оторванъ отъ обычной обстановки, ты уже не принадлежишь къ тому обществу классу, къ которому ты принадлежалъ на свободѣ. Теперь твое положеніе таково, что ты ниже тѣхъ, которые сами по себѣ много ниже тебя, и тебѣ начинаетъ мерещиться, что ты живешь въ бронзовомъ вѣкѣ, ходишь въ звѣриной шкурѣ, живешь въ пещерѣ и ѣшь изъ корыта. Все это невыносимо!

Господинъ X. Охотно вѣрю тебѣ, но долженъ сознаться, что такой режимъ вполне разуменъ. Если человѣкъ на свободѣ велъ себя такъ, какъ если бы онъ жилъ въ бронзовомъ вѣкѣ, то его и надо поставить въ такія условія, чтобы онъ могъ носить подобающій ему историческій костюмъ.

Господинъ У. И ты можешь еще надъ этимъ смѣяться? Ты самъ поступилъ какъ дикарь каменнаго вѣка! Но тебѣ повезло, и ты теперь блаженствуешь въ золотомъ вѣкѣ.

Господинъ X, испытующе глядя на него. Что ты подразумеваешь подъ этими послѣдними словами — золотой вѣкъ?

Господинъ У, злобно. Ничего!

Господинъ X. Нѣтъ, ты лжешь! Ты боишься высказать свое мнѣніе!

Господинъ У. Ты думаешь, что я боюсь? Ты считаешь меня трусомъ. Да? Но, кажется, я поступилъ не какъ трусъ, вернувшись на это мѣсто, гдѣ я такъ страдалъ, гдѣ я столько терпѣлъ... А ты знаешь, что мучи-

тельнѣ всего для человѣка, сидящаго въ тюрьмѣ? Это сознаніе что другіе остаются на свободѣ!..

Господинъ X. Про кого ты говоришь? Кто эти другіе?

Господинъ У. Это тѣ, которые сумѣли избѣжать тюрьмы.

Господинъ X. Это намекъ на меня?

Господинъ У. Да!

Господинъ X. Я не совершалъ преступленія!

Господинъ У. Вотъ какъ?!

Господинъ X. Конечно! Потому что несчастіе и проступленіе — двѣ вещи разныя.

Господинъ У. Вотъ какъ?! Значитъ убійство — это не преступленіе, по-твоему, а только несчастіе!

Господинъ X. Я не убивалъ!

Господинъ У. Конечно! По-твоему это не убійство, если отъ твоей руки умираетъ человѣкъ?

Господинъ X. Да, не всегда! Законъ различаетъ причиненіе смерти, невольное убійство и побои со смертельнымъ исходомъ; кромѣ того каждый разъ оговаривается, было ли при этомъ заранѣе обдуманное намѣреніе убить или его не было. А ты знаешь, что теперь я въ самомъ дѣлѣ начинаю тебя бояться. Потому что ты, какъ оказывается, принадлежишь къ самой опасной категоріи людей, а именно, къ дуракамъ.

Господинъ У. Ахъ, вотъ что?! Ты теперь воображаешь, что я дуракъ? Въ такомъ случаѣ, вотъ что. Хочешь, я тебѣ докажу, что я очень хитеръ?

Господинъ X. Любопытно!

Господинъ У. Я думаю, что ты признаешь слѣдую-

щее разсужденіе и умнымъ и справедливымъ. Слушай. Съ тобой случилось несчастье, за которое ты могъ поплатиться двумя годами тюремнаго заключенія. Но тебѣ повезло и ты благополучно избѣжалъ наказанія. Передъ тобой сидитъ человѣкъ, который сталъ жертвой несчастнаго и преступнаго гипноза, и за это поплатился двумя годами заточенія въ исправительномъ домѣ. Человѣкъ этотъ могъ бы своими научными трудами смыть это позорное пятно въ своей жизни, но для этого ему нужны деньги. Для этого ему немедленно нужна крупная сумма! Не думаешь ли ты, что тотъ, другой, не понесшій должнаго наказанія, могъ бы возстановить нарушенное равновѣсіе человѣческихъ отношеній, уплативъ соотвѣтствующій денежный выкупъ. Какъ ты думаешь?

Господинъ X спокойно. Я съ тобой согласенъ.

Господинъ У. Повидимому, мы понимаемъ другъ друга... Такъ... вотъ... Гм... Пауза. Сколько ты готовъ былъ бы заплатить?

Господинъ X. Сколько? Видишь ли, законъ опредѣляетъ минимумъ денежнаго штрафа въ 50 кронъ. Но такъ какъ у усопшаго не было никакихъ родственниковъ, то объ этомъ нечего и говорить.

Господинъ У. Значить, ты меня не понялъ? Тогда я буду говорить яснѣй. Я предлагаю тебѣ выплатить мнѣ этотъ штрафъ.

Господинъ X. Я никогда не слыхалъ, чтобы убійцы выплачивали выкупъ мошенникамъ. Впрочемъ, оставимъ этотъ разговоръ. Зачѣмъ мнѣ платить выкупъ, кто можетъ на меня донести?

Господинъ У. Какъ кто? Ты забываешь, что я могу на тебя сдѣлать доносъ.

Господинъ Х. Ахъ, вотъ что! Теперь я начинаю понимать! Сколько ты хочешь получить съ меня за то, чтобы сдѣлаться соучастникомъ убійства?

Господинъ У. Шесть тысячъ кронъ.

Господинъ Х. Это слишкомъ дорого! Откуда я добуду такую сумму?

Господинъ У показываетъ рукой на ларецъ.

Господинъ Х. Отсюда я ничего не возьму! Я не хочу сдѣлаться воромъ!

Господинъ У. Не говори, пожалуйста, пустяковъ! Ты все равно не заставишь меня повѣрить тому, что ты никогда не бралъ отсюда денегъ.

Господинъ Х, какъ бы про себя. Какъ я жестоко ошибся въ этомъ человѣкѣ! Вотъ этимъ и опасны кроткіе люди! Ихъ кротость привлекаетъ насъ, и мы вѣримъ имъ и думаемъ, что они насъ искренно любятъ. Вотъ почему надо быть очень осторожными съ тѣми, кто насъ любитъ! Громко. Итакъ, ты убѣжденъ въ томъ, что я уже бралъ деньги изъ этого ларца?

Господинъ У. Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

Господинъ Х. И ты безповоротно рѣшилъ донести на меня властямъ, если я не уплачу тебѣ шести тысячъ кронъ?

Господинъ У. Да, я это рѣшилъ безповоротно. Теперь ты въ моей власти и ты отъ меня не уйдешь!

Господинъ Х. И ты думаешь, что я допущу, чтобы у моего отца сынъ оказался воромъ, чтобы у моей жены мужъ оказался воромъ, чтобы у моихъ дѣтей отецъ ока-

зался воромъ, чтобы у моихъ сослуживцевъ товарищъ оказался воромъ?.. Этого никогда не будетъ! Слышишь? Я сейчасъ самъ пойду къ ленсману и донесу на себя!

Господинъ У вскакиваетъ и торопливо начинаетъ собирать свои вещи. Подожди немного!

Господинъ Х. Что это ты дѣлаешь?

Господинъ У, заикаясь. Мнѣ лучше уйти... я тебѣ теперь больше не нуженъ... я лучше уйду!

Господинъ Х. Не смѣй уходить! Останься здѣсь и сядь на свое мѣсто! Мы еще поговоримъ!

Господинъ У надѣваетъ черный сюртукъ и садится на прежнее мѣсто. Что же теперь будетъ?

Господинъ Х смотритъ въ зеркало, висящее за спиною у господина У. Теперь мнѣ все ясно! Наконецъ-то!

Господинъ У тревожно. Что такое?

Господинъ Х. Теперь я смотрю въ зеркало и вижу, что ты воръ,—самый простой, самый обыкновенный воръ! Когда ты сидѣлъ здѣсь передо мной въ своей бѣлой сорочкѣ, я замѣтилъ какой-то беспорядокъ у себя въ книжномъ шкафу, но я сразу не могъ сообразить, въ чемъ дѣло, потому что мнѣ надо было наблюдать и слѣдить за тобой. Но по мѣрѣ того, какъ ты становился мнѣ все антипатичнѣе и противнѣе, мое зрѣніе стало изошряться, а когда ты надѣлъ свой черный сюртукъ, благодаря контрасту черного цвѣта сюртука и красного цвѣта книжныхъ переплетовъ, я замѣтилъ то, что раньше ускользало отъ моего вниманія. Теперь я вижу, что ты рылся въ моихъ книгахъ, что ты бралъ сочиненіе Бернгейма о внушеніи и потомъ поставилъ его вверхъ ногами на полку. Ты прочиталъ въ этой книгѣ рассказъ о своемъ преступленіи. Попросту

говоря, ты укралъ этотъ разсказъ! Все это приводитъ меня къ заключенію, что ты совершилъ свое преступленіе съ голоду или отъ нужды.

Господинъ У. Если бы ты зналъ, какъ я нуждался...

Господинъ Х. Если бы ты зналъ, въ какой нуждѣ я жилъ раньше, если бы ты зналъ, какъ я нуждаюсь теперь! Впрочемъ, это не относится къ дѣлу! — Потому, ты мнѣ говорилъ, что ты сидѣлъ въ тюрьмѣ; я не спору, что ты сидѣлъ въ тюрьмѣ, только это дѣло было въ Америкѣ, потому что ты разсказывалъ мнѣ про американскую тюремную жизнь, а не про шведскую. Это обстоятельство убѣждаетъ меня, что ты здѣсь не отбывалъ своего наказанія.

Господинъ У. Почему ты знаешь?

Господинъ Х. Подожди, сейчасъ придетъ лэнсманъ, и ты узнаешь, откуда я это знаю.

Господинъ У встаетъ.

Господинъ Х. Вотъ видишь! Въ первый разъ, когда ударила молнія, я упомянулъ имя лэнсмана, и ты тогда точно такъ же вскочилъ, какъ ужаленный. Это очень характерно! Человѣкъ, который сидѣлъ въ тюрьмѣ, не станетъ ходить на Мюльбергъ или стоять часами у окна, чтобы любоваться видомъ зданія тюрьмы. Однимъ словомъ, я утверждаю, что ты здѣсь не отбывалъ наказанія. Поэтому ты и скрываешь такъ старательно свое прошлое.

Пауза.

Господинъ У покорно, убитымъ голосомъ. Можно мнѣ теперь уйти?

Господинъ Х. Да. Теперь ты можешь уходить.

Господинъ У начинаетъ собирать свои вещи. Ты сердисься на меня?

Господинъ Х. Да! А ты предпочитаешь, чтобы я тебя жалѣлъ?

Господинъ У удивленно. Какъ? Развѣ ты все-таки считаешь себя лучше меня?

Господинъ Х. Разумѣется, потому что я и въ самомъ дѣлѣ много лучше тебя. Во-первыхъ, я умнѣе тебя, а во-вторыхъ, я несравненно нужнѣе людямъ, чѣмъ ты.

Господинъ У. Да, ты очень хитеръ, но все-таки я хитрѣе тебя. Правда, я сейчасъ самъ стою подъ шахомъ, но стоитъ мнѣ сдѣлать еще одинъ ходъ, и тебя можно поздравить съ матомъ.

Господинъ Х смотритъ на господина У въ упоръ. Развѣ намъ нужно еще сдѣлать по ходу? Ты, кажется, затѣваешь что-то недоброе!

Господинъ У. Это моя тайна.

Господинъ Х. Я ее сейчасъ отгадаю. Ты хочешь написать моей женѣ анонимное письмо и сообщить ей про мою тайну?

Господинъ У. Да! И этому ты ничѣмъ не можешь помѣшать. Запереть ты меня не можешь, и тебѣ остается одно — отпустить меня. А когда я уйду отсюда, я смогу сдѣлать все, что мнѣ захочется.

Господинъ Х. Чортъ возьми! Ты попалъ въ мою ахиллесову пятю. Ты, кажется, заставишь меня совершить убійство!

Господинъ У. На это у тебя не хватитъ мужества!

Господинъ Х. Посмотри, вотъ теперь и выступаетъ существующая между нами разница. Ты самъ отлично по-

нимаешь, что я не способенъ совершить того, на что ты готовъ рѣшиться во всякое время. Ты это понимаешь, и потому перевѣсь на твоей сторонѣ! Но если ты будешь стоять на своемъ, то мнѣ придется поступить съ тобой такъ, какъ я поступилъ съ тѣмъ старымъ кучеромъ. Поднимаетъ руку, какъ бы собираясь дать ему подзатыльникъ.

Господинъ У, глядя испуганно на господина Х. На это ты неспособенъ! На такой поступокъ не можетъ рѣшиться тотъ, кто не осмѣлился взять для собственнаго спасенія денегъ изъ этого ларца.

Господинъ Х. Ты, стало быть, увѣренъ, что я не бралъ этихъ денегъ?

Господинъ У. Да. Ты слишкомъ трусливъ для этого. Ты побоялся рѣшиться на это, какъ побоялся сознаться своей женѣ въ томъ, что она вышла замужъ за убійцу.

Господинъ Х. Ты совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ я. Сильнѣй ли ты, или слабѣй меня,—этого я не знаю. Преступнѣ ли ты меня,—этотъ вопросъ до меня не касается. Но я знаю одно, что ты глупѣе меня. Ты былъ глупъ, когда поддѣлалъ чужую подпись, вмѣсто того, чтобы итти просить милостыню, какъ мнѣ приходилось дѣлать. Ты доказалъ свою глупость тѣмъ, что прочелъ въ книгѣ рассказъ и выдалъ его за собственное приключеніе. Неужели ты думалъ, что я не читалъ своихъ собственныхъ книгъ? Ты доказалъ свою глупость тѣмъ, что вообразилъ себѣ, что ты меня перехитрилъ и что тебѣ удастся принудить меня совершить кражу. Ты доказалъ мнѣ свою глупость, когда старался убѣдить меня, что нарушенное равновѣсіе будетъ восстановлено, если на свѣтѣ будутъ два вора вмѣсто одного. Но глупѣе всего было съ твоей

стороны воображать, что я строилъ свое счастье, не будучи увѣреннымъ въ прочности его краеугольнаго камня. Сдѣлай одолженіе, пиши моей женѣ анонимныя письма и сообщай ей о томъ, что ея мужъ — убійца, она знала объ этомъ еще тогда, когда была моей невѣстой. Что ты скажешь на это?

Господинъ У. Могу я уйти теперь?

Господинъ Х. Да. Теперь ты долженъ уйти! Уходи скорѣй! Твои вещи будутъ высланы тебѣ. Вонъ!

Королева Кристина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- КРИСТИНА.
АКСЕЛЬ ОКСЕНШЕРНА.
КЛАУСЪ ТОТЪ.
МАГНУСЪ ГАБРИЭЛЬ ДЕ-ЛА ГАРДИ.
АНТОНЪ ШТЕЙНБЕРГЪ.
БУРДЛО, французскій врачъ.
ПИМЕНТЕЛЛИ, испанскій посолъ.
ІОГАНЪ ХОЛЬМЪ.
КУПЕЦЪ АЛЛЕРТСЪ.
УАЙТЛУКЪ, англійскій посолъ.
КАРЛЪ ГУСТАВЪ (впослѣдствіи Карлъ X).
МАРІЯ ЭЛЕОНОРА, вдова Густава II Адольфа.
ЭББА БРАГЕ.
ЭББА СПАРРЕ.
ГУСТАВЪ ГОРНЪ.
КАРЛЪ ГУСТАВЪ ВРАНГЕЛЬ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Внутренность Ридарсгольмской церкви въ Стокгольмѣ. Въ глубинѣ сцены направо гробница Густава Адольфа. По обѣимъ сторонамъ авансены открытыя кулисы, изображающія арки. Тихіе звуки органа передъ поднятіемъ занавѣса. Аллертсъ, крестьянинъ и вино-торговецъ пробираются справа. Аллертсъ показываетъ своимъ спутникамъ церковь.

Аллертсъ. А вотъ гробница великаго Густава Адольфа... сегодня его память... Сейчасъ сюда придутъ съ вѣнками королева и весь дворъ.

Виноторговецъ. Небось, вѣнковъ-то не меньше чѣмъ знаменъ!

Крестьянинъ. Да-а-а. Да.

Виноторговецъ. Купецъ Аллертсъ, нельзя ли намъ подождать здѣсь прибытія королевы?

Аллертсъ. Можно, только отойдемъ къ сторонкѣ... Впрочемъ, вотъ мой пріятель Хольмъ, онъ придворный портной и камердинеръ королевы, а быть можетъ и будущій камергеръ.

Крестьянинъ. Иоганъ Хольмъ!— подумаешь, до кого только не снисходитъ королева!

Аллертсъ, пристально глядя на крестьянина. Смотри, осторожноѣ, Нильсъ - Эрсонь!

Хольмъ входитъ, неся вѣнокъ на подушкѣ.

Аллертсъ. Хольмъ!

Хольмъ, вздрагивая. Купецъ Аллертсъ... Гм!

Аллертсъ. Нельзя ли намъ постоять здѣсь и посмотрѣть на королеву?

Хольмъ сухо. Вамъ?

Аллертсъ. Да.

Хольмъ немного свысока. А кто это съ вами?

Аллертсъ. Это виноторговецъ и содержатель гостиницы «Золотой миръ», а это крестьянинъ изъ Вестероса.

Хольмъ равнодушно. Подите, встаньте вонъ туда! Старайтесь не быть на виду. Ея Величество войдетъ слѣва.

Аллертсъ. Спасибо, Хольмъ. Виноторговцу и крестьянину. Ну, идемте! Они становятся за арку.

Хольмъ подымается къ гробницѣ и кладетъ подушку у подножія. Звуки органа прекращаются.

Штейнбергъ входитъ справа, озирается, словно ища кого-то; онъ несетъ вѣнокъ.

Аллертсъ виноторговцу и крестьянину. Антонъ Штейнбергъ — онъ спасъ королеву отъ смерти, — вытащилъ ее изъ воды — любимецъ — блестящая будущность.

Виноторговецъ. Однако, дворянство-то не захотѣло принять его въ свои ряды!

Клаусъ Тоттъ появляется съ двумя вѣнками; кладетъ меньшій на гробницу Тоттовъ. Онъ блѣденъ и разстроень.

Аллертсъ остальнымъ. Клаусъ Тоттъ, сынъ Густава

Адольфа Тотта изъ обѣднѣвшаго рода... несчастный малый... плохая наслѣдственность... племянникъ дочери Эрика XIV.

Крестьянинъ. Эрика XIV?

Виноторговецъ. Не чета Георгу Пересону!

Аллертсъ. Тише вы!

Штейнбергъ, подходя къ Тотту, вполголоса. Ну что, Тоттъ?

Тоттъ. Ну что, Штейнбергъ?

Штейнбергъ. Фонъ Штейнбергъ, позвольте вамъ замѣтить!

Тоттъ. Почему же я не фонъ Тоттъ?

Штейнбергъ безразлично. Не знаю.

Тоттъ. Такимъ дуракамъ, какъ Штейнбергъ всегда счастье!

Штейнбергъ. Я тутъ не при чемъ! Тоттъ такъ же можетъ быть счастливъ, если захочетъ.

Тоттъ. Я? счастливъ? Можетъ быть Штейнбергъ поможетъ мнѣ вернуть послѣднюю тысячу дукатовъ, которую я проигралъ сегодня ночью?

Штейнбергъ. Да, если Тоттъ придетъ сегодня вечеромъ въ «Золотой миръ».

Тоттъ. Я тамъ найду свои дукаты?

Штейнбергъ искренно. Тамъ — нѣтъ, но я знаю какъ ихъ раздобыть.

Тоттъ. Штейнбергъ, дѣйствительно, должно быть добрый человекъ!

Штейнбергъ. Ахъ, нѣтъ! — Совсѣмъ не то! — Всѣ люди одинаковы...

Тоттъ. Штейнбергъ такъ думаетъ? Неужели?

Штейнбергъ. Да, мой милый, конечно; но одно для меня несомнѣнно — королева ангелъ!

Тоттъ. Въ первый разъ слышу! Вчера я былъ въ балетѣ и замѣтилъ, что королева смотритъ на меня, но этотъ взглядъ былъ похожъ скорѣе на взглядъ ястреба, чѣмъ голубя.

Штейнвергъ. Да, это ея манера! У каждаго своя манера, Тоттъ. Такъ значитъ вы придете сегодня въ «Золотой миръ?» Приходите, приходите, Тоттъ!

Тоттъ. Хорошо, приду...

Штейнвергъ. Вотъ и прекрасно!

Уайтлукъ, англійскій посланникъ, появляется безъ вѣнка; осматриваетъ церковь.

Аллертсъ остальнымъ. Англійскій посланникъ... Приближенный Кромвеля... Содѣйствовалъ казни Карла I... Онъ самъ проговорился...

Виноторговецъ. Здѣсь цареубійца?

Крестянинъ. Посмотримъ на него!

Аллертсъ. Онъ засѣдалъ въ парламентѣ, когда Кромвель разогналъ его, заперъ зданіе и положилъ ключъ отъ него въ карманъ!... Тише, вотъ они идутъ!

Бурдло и Пиментелли входятъ, тихо разговаривая.

Бурдло указываетъ ларнеткой на внутренность церкви своему спутнику Пиментелли, который мраченъ и сосредоточенъ.

Аллертсъ остальнымъ. Бурдло — французскій врачъ — обезьяна королевы, смѣется надо всѣмъ на свѣтѣ... И тому же учить королеву... И Испанскій посолъ Пиментелли — иезуитъ... Посмотрите, какъ зубоскалятъ оба... и безъ вѣнковъ, конечно, потому что они католики!

Виноторговецъ. Они нисколько не стѣсняются... Хорошо бы разобрать, что они болтають.

Аллертсъ. Настолько-то я смеаю по-французски... Испанецъ сказалъ: «Капелла новаго святого... Вотъ такъ святой!» Теперь разглядываютъ королевскія знамена...

Крестьянинъ. И это друзья королевы... Враги ея отца!

Аллертсъ. Вотъ именно. Недавно она публично выразилась, что въ 30-лѣтней войнѣ религія сыграла роль мантии, за которой скрывалось стремленіе къ приобрѣтенію земель.

Виноторговецъ. Фу, не можетъ быть!

Аллертсъ. Увѣряю васъ — она, видите ли, завидуетъ своему отцу и его завоеваніямъ, потому что сама не въ состояніи вести войны. Она какъ будто даже съ презрѣніемъ относится къ старымъ генераламъ, Горну и Врангелю...

Крестьянинъ. Да, трудновато ей быть дочерью своего отца...

Виноторговецъ. Да еще зависѣтъ отъ Аксея Оксеншерна!

Аллертсъ. Его она также ненавидитъ, готова стереть съ лица земли... Это такое сокровище, я вамъ скажу!.. Вотъ кого я люблю, такъ это Карла Густава, наследника трона... Это, дѣйствительно, — человекъ!..

Виноторговецъ. Днемъ, — да.

Крестьянинъ. Только бы намъ получить его!

Аллертсъ. Подождите! Здѣсь насчетъ этого постараются... Тише!

Магнусъ Габріель де-ла Гарди входитъ подавленный и смиренный.

Аллертсъ остальнымъ. Магнусъ Габріель де-ла Гарди...

Прежній фаворитъ. Его прочили въ короли Швеции — теперь въ опалѣ... и въ жестокой опалѣ...

Виноторговецъ. Сынъ Эббы Браге...

Крестьянинъ. И Густава Адольфа!

Аллертсъ. Пустяки! бабьи розказни! Про королеву чего только не болтаютъ!

Де-ла Гарди сухо кланяется Бурдло и Пиментелли, почтительно Штейнбергу и слегка киваетъ Тотту; остается одинъ среди капеллы, всѣ отстраняются отъ него.

Марія Элеонора, королева вдова. За ней Эбба Браге де-ла Гарди, Эбба Спарре. Всѣ обмѣниваются разнообразными привѣтствіями, съ разнообразнымъ выраженіемъ лицъ.

Марія Элеонора избѣгаетъ смотрѣть на де-ла Гарди.

Аллертсъ. Марія Элеонора, вдова Густава Адольфа; Эбба Браге де-ла Гарди, возлюбленная Густава Адольфа; Эбба Спарре, подруга королевы.

Де-ла Гарди въ нѣкоторомъ отдаленіи падаетъ на колѣна передъ Маріей Элеонорой.

Эбба Браге Де-ла Гарди проходя мимо де-ла Гарди. Что ты, сынъ мой?

Де-ла Гарди, Одинъ вопросъ, мать!

Эбба Браге. Королева не желаетъ тебя видѣть — ты не довольствуешься положеніемъ только придворнаго...

Де-ла Гарди. Бя придворнаго!

Эбба Браге. Тише, дитя мое.

Аллертсъ. Скоро всѣ будутъ по мѣстамъ... и спектакль

начнется... Сдается мнѣ, что здѣсь что-то готовится...
Взгляните-ка на этого несчастнаго де-ла Гарди!

Виноторговецъ. Никто съ нимъ не хочетъ разговаривать...

Крестьянинъ. Не смѣютъ, должно быть.

Аллертсъ. Замолчите, пока цѣлы! Вотъ!.. Вотъ она королева!.. Всеобщее вниманіе сосредоточивается на лѣвомъ проходѣ.

Аллертсъ. Безъ свиты... безъ камергеровъ... безъ музыки... Не боится своихъ вѣрноподданныхъ—воображаетъ, что всѣ ее любятъ, потому что сама влюблена въ свою особу!

Виноторговецъ. Развѣ?

Аллертсъ. Она вѣритъ всему, что ей хочется!

Крестьянинъ. А у нея красивая фигура!

Аллертсъ. Сегодня, правда! А по большей части, она совсѣмъ незамѣтна... Вотъ сейчасъ увидите, что это за странное существо.

Въ продолженіе слѣдующей сцены, лица всѣхъ присутствующихъ отражаютъ и комментируютъ самымъ разнообразнымъ образомъ появленіе королевы. Аллертсъ, въ особенности, сильно жестикулируетъ.

Кристина появляется слѣва, полная достоинства и благоговѣнія передъ храмомъ; на ней черная шелковая мантия, опушенная мѣхомъ чернобурого медвѣдя, и пуховая шляпа періода 30-лѣтней войны, съ темнымъ перомъ и бриллиантовой пряжкой. Войдя на сцену, распаиваетъ мантию, подъ которой видно черное платье, затканное жемчугомъ. Потомъ снимаетъ перчатки и нѣкоторое время разсматриваетъ присутствующихъ. За ней слѣдомъ появляется пажъ съ лавровымъ вѣнкомъ. Хольмъ приближается съ подобострастіемъ. Де-ла Гарди находится вблизи Кристины. Послѣ взаимнаго обмѣна различными привѣтствіями, Кристина роняетъ перчатку. Де-ла Гарди бро-

сается на кольѣни, поднимаетъ перчатку и протягиваетъ Крестинѣ, которая взглядомъ отстраняетъ его.

Крестина. Хольмъ!

Хольмъ выступаетъ впередъ, беретъ перчатку изъ рукъ де-ла Гарди; тотъ, совершенно уничтоженный, отстраняется.

Крестина. Оставь ее у себя. Что великій канцлеръ Оксеншерна уже здѣсь?

Хольмъ. Великаго канцлера еще нѣтъ, Ваше Величество.

Крестина дѣлаетъ недовольное лицо. Идетъ къ Маріи Элеонорѣ, дружески, но отчасти снисходительно жметъ ей руку и цѣлуетъ въ щеку. Благослови тебя Богъ, мама!.. Принужденно кланяется Эббѣ Браге, цѣлуетъ Эббу Спарре въ щеку. Добрый день, дорогая Эбба!.. Кланяется дружелюбно, но нѣсколько шутливо Штейнбергу. Мой другъ Штейнберг!.. Здоровается съ Бурдло и тѣмъ временемъ обмѣнивается загадочнымъ взглядомъ съ Пиментелли, еле замѣтнымъ жестомъ указывая на Уайтлука. Царевѣйца у могилы короля!.. Ха, ха!..

Бурдло говоритъ что-то остроумное по-французски, не слышно для другихъ.

Крестина сначала улыбается, потомъ серьезно. Да, стыдно заставлятъ королеву дожидаться, но вѣдь на то онъ великій канцлеръ!

Пиментелли не слышно, по-французски.

Крестина смотритъ въ сторону Аллертса и его спутниковъ. О, это мой добрый народъ! Они меня любятъ. Это не опасно!

Пиментелли говоритъ неслышно, бросая по временамъ страстные взгляды на Крестину.

Крестина отвѣчаетъ также неслышно; на мгновеніе — взглядъ ея также вспыхиваетъ.

Бурдло тщетно старается подслушать ихъ разговоръ.

МАРІЯ ЭЛЕОНОРА Крестинѣ, тихо и язвительно. Кого же мы дожидаемся, дитя мое?

Крестина. Канцлера, мама. Маленькой Крестинѣ вѣчно суждено дожидаться великаго Оксеншерна!

МАРІЯ ЭЛЕОНОРА. Это въ духѣ шведовъ!

Крестина. Да, ты права. Впрочемъ, и генераловъ еще нѣтъ.

МАРІЯ ЭЛЕОНОРА. Генераловъ? Развѣ у насъ война?

Крестина. Нѣтъ, но видишь ли... въ такой день, какъ сегодня, старички непременно пожелають показаться народу...

ЭВА БРАГЕ приближаясь къ Крестинѣ съ видомъ просительницы. Ваше Величество!..

Крестина рѣзко, мужскимъ голосомъ. Мы не даемъ аудиенцій въ церкви... А у могилы нашего отца—тѣмъ менѣе! Поворачивается къ ней спиной. Замѣчаетъ Тотта, подзываетъ Штейнберга; Штейнбергъ подходитъ. Крестина говоритъ съ нимъ тихо и дружелюбно, какъ съ близкимъ человѣкомъ.

Крестина Штейнбергу. Попросите Тотта подойти... Пойдите! Вы съ нимъ говорили?

Штейнбергъ. Да, Ваше Величество.

Крестина. Что жъ онъ?

Штейнбергъ. Онъ очень милъ, но его преслѣдуетъ какой-то злой рокъ.

Крестина. Пусть подойдетъ!

Штейнбергъ направляется къ Тотту. Пиментелли старается стать поближе къ королевѣ, чтобы наблюдать за нею. Крестина говоритъ ему что-то въ полголоса и

взглядомъ отстраняеть отъ себя. Штейнбергъ возвращается безъ Тотта.

Кристина. Ну, Штейнбергъ?

Штейнбергъ уныло. Ваше Величество!..

Кристина. А что же Тоттъ?

Штейнбергъ. Онъ такой странный, бѣдняга...

Кристина. Что же онъ говорить? Можетъ быть онъ стѣсняется?

Штейнбергъ. Нѣтъ, нисколько; онъ сказалъ, что не хочетъ.

Кристина гнѣвно. Господи! Я никогда ничего подобнаго не слыхала!.. Онъ такъ и сказалъ, что не хочетъ?

Штейнбергъ. А, можетъ быть и не смѣеть.

Кристина нѣсколько мягче, злорадно улыбаясь. Сходите еще разъ! Можете пригрозить моей немилостью.

Штейнбергъ идетъ и возвращается съ Тоттомъ, который слѣдуетъ за нимъ неохотно.

Кристина вызывающе смотритъ на Тотта, послѣдній робко приближается. Вы боитесь?

Тоттъ. Да.

Кристина. Меня?

Тоттъ. Да.

Кристина ласково. Развѣ маленькая Кристина такъ опасна?

Тоттъ. Да.

Кристина также ласково, но осторожно, изъ боязни, что Тоттъ можетъ возмечтать о себѣ. Сильно сказано! Сегодня ночью вы играли въ карты?

Тоттъ. Да, Ваше Величество!

КРИСТИНА. И проиграли тысячу дукатовъ? Позвольте мнѣ ихъ возмѣстить!

ТОТТЪ. Нѣтъ, Ваше Величество, на это я не согласенъ! Я не могу принять деньги отъ женщины!

КРИСТИНА. Я не женщина!

ТОТТЪ. Даже отъ королевы...

КРИСТИНА. Я не по мужу королева; я сама, лично сама была провозглашена королемъ. Вы этого не помните?

ТОТТЪ. Только сейчасъ припоминаю!..

КРИСТИНА. Хочешь быть камергеромъ твоего короля?

ТОТТЪ. Я не понимаю причины такой неожиданной милости.

КРИСТИНА блѣднѣетъ, подъ наплывомъ страсти; не зная, какъ понять его многозначительныя слова, молчитъ, боясь рѣзко обнаружить свои чувства. Пауза.

ТОТТЪ пугается выраженія лица Кристины. Если я прогнѣвилъ Ваше Величество, то прошу снисхожденія къ несчастному потомку Вазовъ!

КРИСТИНА становится веселѣе; смотритъ на Тотта болѣе спокойно. Вазовъ? Медленно отвертывается отъ Тотта, какъ бы обдумывая, что говорить, но слова вырываются невольно. Да, Тоттъ имѣетъ право, можетъ быть больше чѣмъ я, въ немъ течетъ кровь настоящихъ Вазовъ! Быстро поворачивается къ Тотту, какъ бы озаренная счастливой мыслью. Въ такомъ случаѣ мы родственники, а отъ родственниковъ можно все принять! Ласково протягиваетъ ему руку; нѣжно. Добро пожаловать къ моему двору, Клаусъ Тоттъ! И нечего бояться маленькой Кристины.

АЛЛЕРТСЪ своимъ спутникамъ. Хороша маленькая — двад-

цать семь стукнуло... Ну, теперь Тоттъ попалъ въ очередь!

Виноторговецъ. А Тотту-то двадцать три.

Крестьянинъ. Можно сказать: насиліе надъ несовершеннолѣтнимъ!

Кристина замѣчаетъ, что Аллерстъ переговаривается съ своими спутниками поворачивается къ нимъ лицомъ и говоритъ Тотту. Видите, какъ народъ меня любить! Чего же вы боитесь?

Тоттъ. Своего чувства!

Кристина, не разслышавъ. Чего?

Шумъ за дверью налѣво.

Кристина. Что за шумъ!.. Навѣрно солдаты!..

Входятъ Аксель Оксеншерна, Карлъ Густавъ Врангель, Горнъ. Обоюдныя привѣтствія.

Оксеншерна съ низкимъ поклономъ приближается къ королевъ, почтительно. Ваше Величество! Благоволите простить...

Кристина непринужденно. Васъ я прощаю, Оксеншерна, и вы это знаете. Иронически. Но генераламъ, по-моему, непростительно!

Оксеншерна. Всему виною я, Ваше Величество! Важныя сообщенія...

Кристина. Какія! Опять война?

Оксеншерна. Нѣтъ, Ваше Величество, не война, а безпорядки... Разные, тревожные слухи...

Кристина. Не стоитъ обращать вниманія!

Оксеншерна. Но это слухи, имѣющіе основаніе.

Кристина. Привѣтствую Густава Горна, доблестнаго помощника моего отца! Карла Густава Врангеля, нашего «Конде»... Добро пожаловать, господа! Всѣ группами под-

нимаются къ гробницѣ Густава-Адольфа, кромѣ де-ла Гарди, Бурдло и Пиментелли, послѣдніе остаются на авансценѣ.

Бурдло и Пиментелли тихо переговариваются, жестикулируя, потомъ идутъ налѣво съ состраданіемъ поглядывая на де-ла-Гарди.

КРИСТИНА снова выходитъ на авансцену и кричитъ наверхъ по направленію къ лѣвой кулисѣ. Дубенъ, пора начинать! Послѣ отвѣта неслышнаго публикѣ. Капельмейстеръ боленъ? Отвѣтъ не слышенъ. Тогда обойдемся безъ музыки! Къ де-ла-Гарди. Магнусъ, ты дуешься?

ДЕ-ЛА ГАРДИ. Мнѣ грустно...

КРИСТИНА. Можетъ быть у тебя трауръ?

ДЕ-ЛА ГАРДИ. Да, и глубокій.

КРИСТИНА. Можетъ быть ты получишь наслѣдство?

ДЕ-ЛА ГАРДИ. Нѣтъ, его получить Тоттъ!

КРИСТИНА, злобно усмѣхаясь. Ты великолѣпенъ, Магнусъ! Ну, скажи еще что-нибудь забавное... Здѣсь невыносимо скучно!

ДЕ-ЛА ГАРДИ. Въ другой разъ.

КРИСТИНА. Почему не сегодня?

ДЕ-ЛА ГАРДИ. Сегодня годовщина сраженія!

КРИСТИНА. Какъ?

ДЕ-ЛА ГАРДИ. Такъ. Сегодня мы потеряли святого короля!

КРИСТИНА смѣется, закрываясь платкомъ. Магнусъ, Магнусъ, ты меня уморишь. Оборачиваясь, кричитъ. Спустите занавѣсъ! Занавѣсъ спускается и закрываетъ верхнюю часть церкви.

ДЕ-ЛА ГАРДИ. Не потушить ли намъ кстати и свѣчи?

КРИСТИНА. Стыдись!

ДЕ-ЛА ГАРДИ. А что скажутъ старички, тамъ наверху?

Кристина. Вѣдь я же дожидалась генераловъ, теперь пускай они меня подождутъ.

Де-ла Гарди. А что случилось съ музыкой? Дубену не хватило воздуха?

Кристина, ударяя его вѣеромъ. Магнусъ!

Марія Элеонора за занавѣсомъ. Кристина! Скоро ли мы начнемъ!

Кристина. Что жъ, дитя мое, начинайте!

Де-ла Гарди. Какъ ты прекрасна сегодня!

Кристина прикладываетъ палецъ къ губамъ.

Де-ла Гарди. Бѣдняга Тоттъ!

Кристина. Ты дерзокъ, потому что...

Де-ла Гарди. Потому что?..

Кристина. Господи, что же они не начинаютъ?

Де-ла Гарди. А долго будетъ продолжаться это представленіе?

Кристина полусерьезно. Ты кончишь плохо!

Де-ла Гарди. Я уже почти кончился!.. Съ порывомъ чувства. Когда ты начала измѣнять мнѣ и я долженъ былъ присутствовать при твоёмъ паденіи, я потерялъ вѣру во все!

Кристина съ чувствомъ. Ты меня любилъ?

Де-ла Гарди. И ты спрашиваешь?

Тоттъ за занавѣсомъ. Ваше Величество!

Кристина топаётъ ногой. Начинайте же, чортъ возьми!

Де-ла Гарди. Фу!

Кристина глухимъ груднымъ голосомъ. Если бъ ты зналъ, Магнусъ, какъ всѣ эти великіе мертвецы и полумертвецы угнетаютъ и связываютъ... Великій Оксеншерна, великій

Банеръ... Мой дѣйствительно великій отецъ всегда служилъ имъ средствомъ для удовлетворенія ихъ мелкаго тщеславія. Такой простой, гуманный, скромный, какимъ онъ былъ при жизни, онъ повернулся бы въ своемъ гробу, если бѣ видѣлъ, что здѣсь совершается. Но онъ далеко отъ всего этого... очень далеко! Какъ хотѣла бы я быть на его мѣстѣ!

Дв-ла Гарди съ искреннимъ чувствомъ. Бѣдная Кристина. Тебѣ несвойственна обстановка, въ которой ты принуждена существовать!

Кристина. Да, мнѣ тяжело! Мѣняя тонъ. А иногда бываетъ интересно! Подѣтски. Иногда даже весело!

Дв-ла Гарди. Играть въ куклы?

Кристина. Вотъ именно! Въ большія куклы!

Дв-ла Гарди. Будь осторожнѣй, — царевѣйца тамъ, за занавѣсомъ!

Кристина. Меня не убьютъ! Меня всѣ любятъ!

Дв-ла Гарди смущенно. Знаешь ли, Карлъ Первый говорилъ какъ разъ то же самое!

Кристина мрачно. Развѣ?

Дв-ла Гарди. «Я любимъ всѣми», — говорилъ онъ, и былъ обезглавленъ...

Кристина. Представь, въ инныя минуты мнѣ хочется сдѣлаться Кромвелемъ... и обезглавить себя!

Дв-ла Гарди. Могу себѣ представить... въ инныя минуты я готовъ удавиться!

Кристина, усмѣхаясь. Шутникъ, вѣчный шутникъ! Мягко, но рѣшительно. Теперь иди!

Дв-ла Гарди смотритъ вопросительно.

Кристина. Иди же!

Де-ла Гарди смотреть вопросительно и мрачно.

Кристина. Иди, я тебя потомъ позову!

Де-ла Гарди. Ты мной играла?

Кристина. Да! Отчего бы мнѣ тобою и не играть?

Де-ла Гарди. До сихъ поръ еще никто изъ Де-ла-Гарди не позволялъ собою играть безнаказанно!

Кристина гнѣвно. Ты кажется угрожаешь королевѣ?

Де-ла Гарди. Да... Отчего бы мнѣ и не угрожать?

Кристина. Убирайся вонъ изъ города, сиди безвыѣздно въ своемъ помѣстьѣ, а если посмѣешь показаться мнѣ на глаза, то помни, что въ Финляндіи существуютъ крѣпости!

Де-ла Гарди пораженъ. Серьезно, или въ шутку?

Кристина повертывается къ нему спиной. Совершенно серьезно! Честное слово! Слово женщины! Де-ла-Гарди идетъ налѣво.

Курьеръ приближается къ Де-ла Гарди, склоняется передъ нимъ на колѣни и подаетъ письмо. Графу Де-ла Гарди отъ принца Карла Густава!

Кристина останавливается и прислушивается.

Де-ла Гарди разрываетъ большой конвертъ, изъ него выпадаетъ маленькій; торопливо просматриваетъ. Ваше Величество!

Кристина взволнованно. Графъ?!

Де-ла Гарди подаетъ ей маленькій конвертъ. Королевѣ отъ принца Карла Густава.

Кристина быстро схватываетъ письмо. Съ презрѣніемъ. Черезъ Де-ла Гарди! Очень вѣжливо!

Де-ла Гарди, читая свое письмо. О, Боже!

Кристина читаетъ и содрогается. Мнѣ страшно!

Де-ла Гарди Кто бы это могъ написать?

Кристина. Это не люди, а какіе-то дьяволы!

Де-ла Гарди. Кинжалъ и ядъ!

Кристина. Что написано въ вашемъ письмѣ?

Де-ла Гарди сдержанно. То же, что и въ вашемъ, Ваше Величество!

Кристина, смотря на Де-ла Гарди съ ненавистью и со страхомъ. Магнусъ! Будь моимъ другомъ!

Де-ла Гарди. Можетъ ли быть другомъ отвергнутый любовникъ?

Кристина. Ты не смѣешь такъ выражаться! Я не терплю грубыхъ словъ!

Де-ла Гарди Ты не терпишь грубыхъ словъ! А грубые поступки?

Кристина. Ты догадываешься, кто доносчикъ?

Де-ла Гарди. Мессеніусы — или отецъ или сынъ, а можетъ быть — и оба вмѣстѣ.

Кристина. Это ужасно! Мнѣ точно положили клеймо на душу!

Де-ла Гарди. Это обычно въ крѣпостяхъ Финляндіи!

Кристина. Не будь злопамятенъ, Магнусъ! Помоги мнѣ!

Де-ла Гарди. Помочь тебѣ втоптать себя въ грязь!

Кристина взволнованно. Посовѣтуй, что мнѣ дѣлать... Или я пойду къ Оксеншернѣ.

Де-ла Гарди. Иди къ Оксеншернѣ, только не сегодня! Иди къ Оксеншернѣ, но прежде чѣмъ не выслушаешь его, не давай ему читать этотъ пасквиль.

Кристина. Хорошій совѣтъ! Но что это значитъ? Дай

подумать... Да... вотъ что: не довѣрайся никому!.. Магнусъ, ты не вѣришь въ любовь народа ко мнѣ?

Де-ла Гарди. Ты — дитя!

Кристина. Сейчасъ — пожалуй! — и потому я пойду къ моей матери... Уходить за занавѣсь.

Де-ла Гарди. Совѣтую тебѣ сходить также къ могилѣ твоего отца... Не мѣшаетъ иногда подумать и о добрыхъ!

Кристина возвращается снова.

Кристина. Что я имъ сдѣлала? За что они всѣ меня ненавидятъ?

Де-ла Гарди. Ты играла людьми, какъ куклами!

Кристина удивленно. Развѣ?

Де-ла Гарди. Безсознательно! Ты сама не знаешь, что творишь!

Кристина. А ты — славный, Магнусъ!

Де-ла Гарди. Съ маленькой Кристиной я всегда такой, но съ большой испорченной Кристиной я самъ становлюсь гадкимъ!

Кристина. Подумай только! Я — должна обращаться къ Оксеншерну!

Де-ла Гарди. Это слѣдовало бы сдѣлать раньше — онъ умнѣе всѣхъ и лучше всѣхъ!

Кристина. Бурдло — умнѣе, независимѣе! Онъ носится, какъ вихрь, черезъ поля и лѣса, а Оксеншерн стоитъ, какъ аистъ передъ мышиною норой.

Де-ла Гарди. Развѣ Бурдло такъ великъ?

Кристина. Духомъ — да!.. Я не хочу о немъ говорить съ тобою, потому что ты его не понимаешь... но если

хочешь быть моимъ другомъ, старайся быть похожимъ на Бурдло!

Дв-ла Гарди. Попробую!

Кристина замѣчаетъ Аллертса, хозяина гостиницы и крестьянина, съ любопытствомъ наблюдающихъ за нею. Магнусъ!.. Теперь мнѣ кажется, что они всѣ меня ненавидятъ...

Дв-ла Гарди. Иди къ своей матери!

Кристина по-дѣтски. Совѣта у нея для меня, конечно, не найдется, но зато найдется то, чего мнѣ больше всего недостаетъ...

Дв-ла Гарди. Что же это? Можетъ быть сердце?

Кристина. Да! Она направляется къ занавѣсу.

Уайтлукъ появляется изъ-за занавѣса съ застывшей усмѣшкой на губахъ, подъ впечатлѣніемъ веселыхъ разговоровъ наверху. Кристина вздрагиваетъ, потомъ поднимается.

Аллертсъ. Царевѣйца!

З а н а в ѣ с ѣ .

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Счетная палата. По стѣнамъ полки: на нихъ фоліанты въ голубыхъ переплетахъ съ желтымъ обрѣзомъ; рядомъ актовыя бумаги въ сѣрыхъ сверткахъ, скрѣпленныхъ бичевками. На заднемъ планѣ маленькая дверь во внутреннія комнаты. Двери направо и налево. Аксель Оксеншерна сидитъ за большимъ письменнымъ столомъ; напротивъ Магнусъ де-ла Гарди.

ОКСЕНШЕРНА пишетъ. Сейчасъ, я кончу!

ГАРДИ. Не спѣшите!

ОКСЕНШЕРНА про себя. Шестъдесятъ пять... семьдесятъ... Позвольте!.. Да! Вотъ вамъ вводъ во владѣніе Экользундомъ—подарокъ королевы—онъ нѣсколько запаздаль, такъ какъ васъ постигла опала. Вѣдь вы все еще въ опалѣ, де-ла Гарди?

ГАРДИ. Да, и такой безжалостной, какая возможна только подъ властью Кристины.

ОКСЕНШЕРНА. Выражайтесь съ почтеніемъ о королевѣ!

ГАРДИ. Простите меня, Оксеншерна. Но вѣдь государство близится къ гибели...

ОКСЕНШЕРНА. Перестаньте!

Гарди. Позвольте: я членъ риксдага и не менѣе васъ преданъ отечеству.

Оксеншерна смотритъ на него съ удивленіемъ.

Гарди. Знаете ли вы, что именно содержитъ въ себѣ пасквиль Мессеніуса?

Оксеншерна. Нѣтъ! А вы?

Гарди. Нѣтъ!

Оксеншерна. Вы догадываетесь?

Гарди. Если бы и догадывался, то не сказалъ бы.

Оксеншерна грустно. Де-ла Гарди!.. Вѣдь вы государственный казначей, а знаете ли вы, въ какомъ положеніи государство?

Гарди. Этого, я думаю, никто не въ состояніи выяснить.

Оксеншерна. Мнѣ это теперь ясно. Цѣлый годъ я подводилъ счета... вотъ посмотрите...

Гарди. Ну и что же?

Оксеншерна подымается подавленный и ходитъ взадъ и впередъ. Положеніе печальное!

Гарди. «Claudite libros!» Но прекратимъ этотъ разговоръ!

Оксеншерна ломаетъ руки въ борьбѣ съ самимъ собой. Де-ла Гарди, вы знаете, я всегда питалъ благоговѣніе къ памяти моего великаго короля и его наслѣдницы. Но родина для меня — выше всего!..

Гарди. Перестаньте, Оксеншерна, иначе вы расклетаетесь!

Оксеншерна. Что дѣлать, я долженъ говорить!

Гарди. Молчите. Стѣны имѣютъ уши, и испанскіе башмаки ступаютъ неслышно.

ОКСЕНШЕРНА останавливается и всматривается въ Гарди. Вы говорите — испанскіе? Поспѣшно. Вы знаете Пиментелли?

ГАРДИ. Да!

ОКСЕНШЕРНА. Что это за человѣкъ?

ГАРДИ. Обыкновенный испанскій іезуитъ, и кромѣ того — фаворитъ королевы.

ОКСЕНШЕРНА. Іезуитъ! Боже, пощади насъ! Пауза. Не знаете ли вы, Гарди... нѣтъ, не могу... какъ трудно шпионить и злословить... Устарѣла моя политика... Пауза. Правда ли, что придворный портной Хольмъ будетъ произведенъ въ дворянство и станетъ камергеромъ?

ГАРДИ. Правда.

ОКСЕНШЕРНА. Боже мой! Пауза.

ГАРДИ. А молодой Тоттъ будетъ членомъ государственнаго совѣта.

ОКСЕНШЕРНА. Подпоручикъ Тоттъ? Вѣдь ему двадцать три года!

ГАРДИ. Что же, — онъ фаворитъ!

ОКСЕНШЕРНА, медля. Что такое фаворитъ, что подразумевается подъ этимъ словомъ? Оно вѣчно всюду преслѣдуетъ васъ...

ГАРДИ. Фаворитъ: это любимецъ, ему жертвуютъ всѣмъ!

ОКСЕНШЕРНА, Мнѣ лучше было бы лежать въ гробу, чѣмъ... Пауза. Правда ли?.. Господи, прости мнѣ — правда ли, что королева бываетъ на католической мессѣ у французскаго посланника?..

ГАРДИ. И творить крестное знаменіе? Да! Это знаетъ весь городъ.

ОКСЕНШЕРНА внѣ себя. Боже, зачѣмъ я живу? Магнущь, ради Бога дайте мнѣ высказаться... Пауза. Мое благоговѣніе, мое уваженіе, моя вѣрность по отношенію къ королевскому дому, все, что когда-то я высоко цѣнилъ—я долженъ теперь выкинуть за бортъ. Я притворялся слѣпымъ изъ чувства благоговѣнія; изъ чувства уваженія—дѣлался глухимъ; наконецъ, желая быть вѣрноподаннымъ—лгалъ. Я трусомъ сталъ, я сталъ низкопоклонникомъ, я окружилъ почетомъ ничтожество, я началъ презирать самъ себя. Пауза. Государствомъ управляетъ глупая жинщина. Счетныя книги въ такомъ видѣ, какъ будто онѣ велись неразумнымъ ребенкомъ. Собственность короля роздана чужеземцамъ; даются балеты, стоящіе 30.000 въ вечеръ; армія существуетъ только на бумагѣ, а флотъ—гниетъ въ бездѣйствіи; собраніе государственныхъ чиновъ третируютъ, какъ палату общинъ, государственный совѣтъ пополняется подпоручиками; церковь при дворѣ—коллегія іезуитовъ; королевскій замокъ превращенъ въ домъ терпимости! Пауза.

Гарди. Итакъ, перемѣны неизбежны.

Оксеншерна. Да. Пауза.

Гарди. Сословія хотѣли выдать королеву замужъ?

Оксеншерна. За Пфальцграфа Карла Густава, но намъ это не желательно.

Гарди. Т-а-к-ъ.

Оксеншерна. Карлъ Густавъ—воинъ и будетъ вести войны, но онъ не политикъ, способный управлять государствомъ. Кромѣ того, мы не желаемъ никого изъ династіи Пфальцеровъ, разъ у насъ имѣются потомки Вазы.

Гарди. Потомки Вазы?

Оксеншерна. Да, въ Польшѣ!

Гарди. Вѣрно... Но у Карла Густава много друзей!

Оксеншерна. Враговъ у него больше!

Гарди. Какая-то партія хочетъ ограничить королевскую власть, и тѣмъ улучшить положеніе дѣлъ.

Оксеншерна. Я членъ этой партіи.

Гарди радостно удивленно. И Кромвель также!

Оксеншерна. Да, и Кромвель... Вы знаете его?

Гарди. Нѣтъ, очень мало... Говорятъ онъ обезглавилъ короля.

Оксеншерна становится сумрачнымъ и сдержаннымъ. Да... Это нельзя назвать его лучшимъ поступкомъ. Пауза. Представьте себѣ, Де-ла Гарди, тѣ пять милліоновъ, что мы получили послѣ Вестфальскаго мира — пропали.

Гарди. Пропали?

Оксеншерна. Украдены!

Гарди. Кѣмъ?

Шумъ въ дверяхъ направо.

Оксеншерна, смотря направо. Ея величество! Оба встаютъ.

Кристина въ амазонкѣ; отвѣчаетъ наклоненіемъ головы. Сперва внимательно изучаетъ лицо Гарди, какъ бы ища разъясненія, затѣмъ глаза ея встрѣчаются съ глазами Оксеншерна.

Гарди подаетъ ей стулъ.

Кристина садится. Садитесь, Оксеншерна.

Оксеншерна садится. Ваше Величество!..

Кристина послѣ паузы. Я пришла по поводу письма Мессениуса. Пауза. Знакомо оно вамъ?

Оксеншерна. Не его содержаніе.

Кристина вынимаетъ письмо. Тогда я прочту вамъ кое-какія выдержки... Прочестъ его полностью значило бы слишкомъ унижить себя, да и васъ, канцлеръ.

Оксеншерна наклоняетъ голову.

Кристина. Авторъ — если только можно его такъ назвать — говоритъ, — начнемъ хоть съ этого — говоритъ, что королева — дура и не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ надо управлять государствомъ.

Оксеншерна оглядывается, словно желая обнаружить предателя.

Кристина хладнокровно. Далѣе: государственныя деньги, конечно, бросаются иностранцамъ, затѣмъ, даются балеты, по двадцать тысячъ въ вечеръ... собственно говоря — по тридцать, но это все равно... вы поняли?

Оксеншерна съ суровымъ выраженіемъ лица. Да, понялъ.

Кристина. Потомъ, что-то о коллегіи іезуитовъ, о палатѣ общинъ и подпоручикахъ...

Оксеншерна смотритъ на Гарди, пораженъ.

Кристина. Затѣмъ дѣло идетъ о васъ, Оксеншерна... Авторъ утверждаетъ, что вы злоумышляете противъ Карла Густава, какъ престолонаслѣдника. Я бы охотно пощадила васъ, Оксеншерна, но по смыслу письма ни одно средство не останется не использованнымъ вами, даже ядъ.

Оксеншерна въ волненіи.

Кристина. Настоящій ядъ... и приготовленъ онъ будетъ въ одномъ изъ замковъ въ окрестностяхъ Стокгольма. Какъ вы думаете, чей это замокъ?

ОКСЕНШЕРНА МОЛЧИТЬ.

Кристина. Ну, оставимъ это. Однако, среди всей этой низкой клеветы есть одинъ пунктъ, внушающій серьезныя опасенія. А именно: какая-то партія, любящая Кромвеля болѣе, нежели Стюартовъ, поставила себѣ цѣлью всѣми средствами ограничить королевскую власть... Отрѣзая какъ ножемъ. Вы поняли?

ОКСЕНШЕРНА СЪ ЛЕДЯНЫМЪ СПОКОЙСТВІЕМЪ НАКЛОНЯЕТЪ ГОЛОВУ.

Кристина. Это главный пунктъ; другіе — болѣе неважныя — я обхожу молчаніемъ. Что скажете вы объ этомъ злобномъ письмѣ, Оксеншерна?

Пауза.

Оксеншерна. Я, пожалуй, не придалъ бы этому письму ни малѣйшаго значенія; но оно отражаетъ, несмотря на ложь и явныя преувеличенія, мнѣнія, послѣднее время сильно распространившіяся въ обществѣ... Да, долженъ сознаться, я только что взгляды на Гарди слышалъ нѣчто подобное. Ваше Величество, этотъ пасквиль не такъ безвреденъ; на него не слѣдуетъ смотрѣть сквозь пальцы!

Кристина двусмысленно выжидательно. Да, я того же мнѣнія. И потому я и отдала приказаніе обоимъ Мессениусовъ арестовать.

Оксеншерна. Уже?

Кристина, нападая. Развѣ вы не находите, что дѣло не терпитъ отлагательствъ? Слабѣе. И вотъ теперь, когда начнется слѣдствіе, я надѣюсь, откроютъ и тѣхъ, кто являлся распространителями подобныхъ мнѣній; тѣхъ, чьи мысли отразилъ клеветникъ въ своемъ письмѣ. Я надѣюсь

также, что это слѣдствіе устремляетъ взоръ на Оксеншерна который сидитъ готовый парировать и нападать разъяснить намъ и другіе, еще болѣе важныя вопросы, вытягиваетъ шею и шипитъ, и особенно одинъ вопросъ, Оксеншерна, очень близко касающій лично меня!

ОКСЕНШЕРНА спокойно и вполне увѣренно. Не о пяти ли милліонахъ?

КРИСТИНА блѣднѣетъ, вдыхаетъ жадно воздухъ и остается сидѣть съ вытянутой шеей.

ОКСЕНШЕРНА не спускаетъ съ нея глазъ.

КРИСТИНА медленно опускаетъ голову и съезживается. Какіе пять милліоновъ?

ОКСЕНШЕРНА. Украденные! Пауза.

КРИСТИНА медленно. Что это за деньги?

ОКСЕНШЕРНА подымается. Шведская контрибуція по Вестфальскому миру! Я сейчасъ покажу документы. Уходитъ въ маленькую дверь.

КРИСТИНА вскакиваетъ, схватываетъ руки Гарди и прижимаетъ ихъ къ своей груди. Магнусъ, во имя Іисуса, затуши процессъ!

ГАРДИ. Слишкомъ поздно!

КРИСТИНА. Помоги мнѣ!

ГАРДИ. Ты вздумала подразнить льва.

КРИСТИНА, ударяя себя хлыстикомъ. Ахъ, когда же я вырвусь изъ его когтей!

ГАРДИ. Вѣдь не онъ первый началъ царапаться!

КРИСТИНА. И зачѣмъ только потревожила я это осное гнѣздо? Помоги мнѣ, Магнусъ!

ГАРДИ. Ползи на колѣняхъ ко Кресту!

КРИСТИНА. Мнѣ?.. Ползи на колѣняхъ!!!

Гарди. Это нашъ долгъ!

Кристина. Ладно, пусть такъ! Но я отомщу потомъ!

Гарди. Это намъ не ново.

Кристина оставляетъ хлысть и мѣняетъ выраженіе лица.

Оксеншерна возвращается съ бумагами.

Кристина кокетливо и дружелюбно ударяетъ Оксеншерна по рукѣ. Спасибо, другъ мой, я вѣрю Акселю Оксеншернѣ на слово; Кристинѣ — документы не нужны.

Оксеншерна остается холоднымъ.

Кристина. Ну и сердитъ же старина! Помнишь, бывало за уроками исторіи какъ ты таскалъ меня за волосы? Беретъ его руку и кладетъ ее себѣ на голову. Ну, приласкай же меня немножко, вѣдь я такъ избалована... а у меня нѣтъ отца... нѣтъ матери!

Оксеншерна наполовину холодно. Дитя мое, будь также правдива, какъ ты хороша, и всѣ будутъ и любить, и уважать тебя.

Кристина, подавляя обиду. Спасибо, канцлеръ! Не затягивай процесса, и пусть всѣ эти неприятныя исторіи поскорѣе забудутся.

Оксеншерна. Могу ли я попросить у Вашего Величества письмо?

Кристина непринужденно. Да, какъ только я получу съ него копію. Вынимаетъ часы. Теперь я должна идти. Прощайте. Поворачивается. Да, скажите, въ Польшѣ есть Вазы?

Гарди. Какъ же, потомки Сигизмунда!

Кристина. Но вѣдь они католики?

Гарди. Они могутъ быть обращены!

КСИРТИНА насмѣшливо. Да, ты правъ... Ищите себѣ Вазовъ, а я найду кое-кого получше! До свиданья! Уходитъ.

ОКСЕНШЕРНА. Кошка! Настоящая кошка!.. Грустно слишкомъ долго жить, Де-ла Гарди, и быть свидѣтелемъ, какъ все прекрасное становится безобразнымъ, все доброе — злымъ.

ГАРДИ. Ну, а анонимное письмо?

ОКСЕНШЕРНА. Долженъ сознаться, я и самъ былъ удивленъ. Все это пустая болтовня, и авторъ повторяетъ ее въ своемъ письмѣ.

ГАРДИ. Я такого же мнѣнія. И теперь мы ихъ приговоримъ къ казни.

ОКСЕНШЕРНА. Какъ жестока жизнь! Но этому надо положить конецъ.

ГАРДИ. Устранить ее мы не можемъ, но можемъ заставить ее отречься!

ОКСЕНШЕРНА. Развѣ это возможно?

ГАРДИ. Да, это возможно!

ОКСЕНШЕРНА. Пойдемъ сюда и поговоримъ.

ГАРДИ. Тамъ кто-нибудь есть?

ОКСЕНШЕРНА. Да, конечно.

ГАРДИ. Кто же?

ОКСЕНШЕРНА. Пойдемте и увидите!

ГАРДИ, заглядывая въ комнату. Купецъ Аллертсъ!

ОКСЕНШЕРНА. Вы его знаете?

ГАРДИ. У него есть дочь...

ОКСЕНШЕРНА. А у дечери есть сынъ...

ГАРДИ. Отецъ котораго — Карлъ Густавъ...

ОКСЕНШЕРНА. Да!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Въ глубинѣ сцены роскошный салонъ. Налѣво, отдѣленные китайскими ширмами, двѣ софы и нѣсколько стульевъ, сгруппированныхъ вокругъ большого стола. Направо громадный шкафъ орѣховаго дерева въ голландскомъ стилѣ. Часть авансцены представляетъ входъ или галерею. Въ мастерской направо, наискось, продолговатое низкое окно, по обыкновенію шестистворчатое. Передъ окномъ большой рабочей столъ, за которымъ помѣщаются шесть подмастерьевъ; всѣ они сидятъ, поджавъ подъ себя ноги и шьютъ роскошные костюмы. Рядомъ съ ними одинъ подмастерье кроитъ, другой гладитъ, третій примѣряетъ на манекенъ костюмъ Пандоры.

1-й ПОДМАСТЕРЬЕ, выглядывая въ окно. Кажется, толпа собирается!

2-й ПОДМАСТЕРЬЕ. Лучше не смотрѣть!

3-й ПОДМАСТЕРЬЕ. Почему же?

2-й ПОДМАСТЕРЬЕ. Еще задавятъ!..

ГЛАДИЛЬЩИКЪ. Молчите, вы!

ПРИМѢРЩИКЪ. Ихъ будутъ судить дворцовымъ судомъ?

ГЛАДИЛЬЩИКЪ. Мессениусовъ? Да! Развѣ ты не знаешь?

2-й ПОДМАСТЕРЬЕ. Много народу будетъ на судѣ!

ПРИМѢРЩИКЪ. Кто же еще-то?

2-й подмастерье. А свидѣтели!

Гладильщикъ. Ну, дѣлайте свое дѣло!

Гладильщикъ и примѣрщикъ
уходятъ въ глубину сцены.

Примѣрщикъ гладильщику. Вотъ проклятый процессъ! Точно неводъ; потянешь за веревочку, попадетъ сколько хочешь и мелкой и крупной рыбы. Повѣришь ли, нѣтъ почти ни одного высокопоставленнаго лица, которое не было бы въ немъ замѣшано... Ни единого, начиная съ самаго высшаго, до самаго низшаго.

Гладильщикъ. Съ самаго высшаго?

Примѣрщикъ. Ну да!.. И всѣ другъ друга подозрѣваютъ... Всѣ!

Гладильщикъ. А... А самое высокопоставленное?

Примѣрщикъ. Та боится! Входя въ глубину сцены.

Закройщикъ. Осторожнѣе, какъ можно осторожнѣе!

Примѣрщикъ. А намъ-то чего бояться? Всѣ могутъ попасть въ немилость, всѣхъ могутъ вышвырнуть за бортъ, только не насъ. Мы имъ необходимы; самъ канцлеръ называетъ насъ совѣтомъ десяти неприкосновенныхъ... А Хольмъ-то, хозяинъ-то нашъ... Знаете, вѣдь онъ скоро сдѣлается дворяниномъ!

Закройщикъ. Дворяниномъ? А что же съ нами-то будетъ?

Примѣрщикъ. Сами мастерами будемъ!..

Гладильщикъ. А все-таки, молодцы эти Мессениусы!.. Всѣмъ, всѣмъ пожертвовать!

Закройщикъ. Это развяжетъ языки... Тише... Хольмъ!

Всѣ возвращаются къ своимъ занятіямъ.

Хольмъ появляется съ гусинымъ перомъ за ухомъ и съ лор-

неткой. Онъ подходитъ къ большому шкафу, открываетъ дверцу и вынимаетъ изъ одного ящика какую-то бумагу, читаетъ ее и дѣлаетъ какія-то замѣтки. Не оборачиваясь къ подмастерьямъ, говоритъ. Пожалуйста тише, тише!

КРИСТИНА входитъ въ традиціонной амазонкѣ съ мечомъ и цѣпью Іоаннитскаго ордена; юбка подколота сбоку. Выраженіе лица испуганное. ХОЛЬМЪ!

ХОЛЬМЪ умѣренно вѣжливо. Ваше Величество!

КРИСТИНА. Ты можешь дать мнѣ тридцать тысячъ талеровъ?

ХОЛЬМЪ. Конечно, да!

КРИСТИНА. Никогда еще ты мнѣ не отказывалъ, мой честный Хольмъ!.. Видишь ли, мнѣ необходимо устроить балетъ, чтобы прекратить въ народѣ толки объ этомъ проклятомъ процессѣ...

ХОЛЬМЪ. Да, проклятомъ! Проклять тотъ, кто его началъ!

КРИСТИНА, вздрагивая. А, что говорятъ въ городѣ?

ХОЛЬМЪ. Много болтаютъ!

КРИСТИНА. Возбуждены противъ меня?

ХОЛЬМЪ указываетъ на подмастерьевъ.

КРИСТИНА. Эти-то? Эти меня любятъ!

ХОЛЬМЪ. Ваше Величество! Артель за артелью портныхъ прошла съ знаменами за городъ, такъ какъ сегодня ихъ праздникъ; эти же не имѣютъ праздника!

КРИСТИНА. Пустяки! Выходить на авансцену и слегка киваетъ подмастерьямъ. Здравствуйте, господа!

ПОДМАСТЕРЬЯ прислушиваются, обращаются и холодно смотрятъ на королеву.

КРИСТИНА уныло возвращается къ Хольму. Мнѣ что-то не нравятся сегодня ихъ глаза!

Хольмъ. Ваше Величество, сдѣлайте имъ сегодня праздникъ, и глаза ихъ станутъ прекрасными... Такими же прекрасными, какъ ваши.

Кристина подавляетъ гнѣвъ и отвращеніе. Я не могу сегодня сдѣлать имъ праздникъ. Балетъ долженъ состояться, и какъ можно скорѣе!

Хольмъ. Нельзя забывать о малыхъ; много малыхъ составляютъ одного большого!

Кристина. Я не забываю о нихъ, Хольмъ, я ихъ просто презираю!

Хольмъ. Ай, ай, ай!..

Кристина. Какъ сидитъ на мнѣ платье?

Хольмъ ощупываетъ швы. При такой фигурѣ...

Кристина, сдерживая негодованіе по поводу грубаго комплимента. Готовъ костюмъ Пандоры?

Хольмъ. На мольбертѣ, какъ говоритъ придворный художникъ.

Кристина подходит и разглядываетъ надѣтый на манекенъ костюмъ Пандоры. Да, много обѣщаетъ! Уходить въ глубину сцены. Нервно. Сейчасъ будутъ собираться; пригласи ихъ свѣтъ... Снаружи доносятся крики «ура». Вздрагиваетъ. Что это такое?

Хольмъ. Это «малые»!

Кристина, пробуя шутить. Дѣти?

Хольмъ. Нѣтъ, Ваше Величество, это не дѣти.

Кристина. Хольмъ, изъ всѣхъ, кому я помогала vybrаться изъ тьмы на свѣтъ, найдется ли у меня хоть одинъ другъ?..

Хольмъ. Одинъ, единственный...

Кристина. Кто же?

Хольмъ. Если исключить мою скромную особу, которой болѣе подходитъ названіе раба, чѣмъ друга, то это Штейнбергъ.

Кристина нѣсколько пренебрежительно. Штейнбергъ, который дорожитъ такъ своимъ фонъ-Штейнбергъ?

Хольмъ. Это его единственная маленькая слабость, но зато добрый, простодушный Штейнбергъ готовъ пожертвовать жизнью за свою королеву, не ожидая за это никакой награды.

Кристина задумчиво. Ты думаешь? Пауза. Хольмъ! Какъ я устала отъ всей этой комедіи!

Хольмъ молчитъ.

Кристина, какъ будто про себя. Пусть это будетъ послѣдній актъ... Пауза. Ты знаешь купца Аллертса?

Хольмъ. Да.

Кристина. У Штейнберга съ нимъ какая-то тайна. Ты что-нибудь знаешь?

Хольмъ. Нѣтъ.

Кристина. Постарайся узнать!

Хольмъ. Съ тѣхъ поръ, какъ начался этотъ процессъ, люди стали скрытны и подозрительны... А вотъ и Штейнбергъ!

Кристина. Лицо ея принимаетъ новое выраженіе. Она идетъ навстрѣчу Штейнбергу. Привѣтъ вамъ, мой добрый Штейнбергъ!

Штейнбергъ склоняетъ колѣно.

Кристина мягко. Зачѣмъ это?.. Встаньте. Вѣдь вы когда-то спасли мнѣ жизнь!

Штейнбергъ. Если бы я могъ отдать свою за Ваше Величество...

КРИСТИНА. Мнѣ довольно того, что я увѣрена въ вашемъ расположеніи, мой милый Штейнбергъ... Откуда вы?

ШТЕЙНБЕРГЪ. Изъ дворцоваго суда, Ваше Величество.

КРИСТИНА испуганно. И вы слушали...

ШТЕЙНБЕРГЪ. Да, я слушалъ.

КРИСТИНА боязливо, но мучимая любопытствомъ. Идите сюда! Уходите налѣво. Штейнбергъ слѣдуетъ за ней.

ТОТТЪ входитъ справа; озираясь, обращается къ Хольму. Не можетъ ли хозяинъ на нѣкоторое время удалиться?

Хольмъ сначала оглядываетъ Тотта, потомъ уходитъ въ глубину сцены налѣво.

ГАРДИ, входя справа. Ну! посидимъ!

ТОТТЪ, указывая на стулъ. Здѣсь.

ГАРДИ. Пожалуй и здѣсь. Садятся. Теперь для тебя взошло солнце, Тоттъ... Вокругъ тебя—сіяніе!

ТОТТЪ. Развѣ это такъ замѣтно?

ГАРДИ. Отъ людей, которые любятъ, исходитъ свѣтъ, и вблизи ихъ всѣмъ становится тепло. Ты счастливъ Тоттъ?

ТОТТЪ. Самое большое счастье всегда отравляется предчувствіемъ его конца.

ГАРДИ. Почему же конца?

ТОТТЪ. Почему?.. Я не разъ любилъ и прежде... Но когда наступалъ разрывъ, я имѣлъ обыкновеніе самъ низвергать своего идола, смѣшивать его съ грязью, и дѣлу конецъ. Такимъ образомъ я оплакивалъ событіе не болѣе двухъ недѣль.

ГАРДИ. Это, кажется, единственный случай, когда мужчинѣ позволительно плакать.

Тоттъ. Но тутъ слезы не помогутъ. На этотъ разъ мое чувство такъ высоко и свято, что порви она со мной — я не вынесу.

Гарди. Бѣдный Тоттъ!

Тоттъ. Знаешь, я почему-то уже заранѣе страдаю. Не могутъ ли философы объяснить, почему любовь приноситъ самыя глубокія страданія? Я наблюдалъ за Юганомъ Банеръ, когда онъ былъ влюбленъ. Герой превратился въ ребенка; съ полдюжины носовыхъ платковъ насквозь смачивалъ слезами. А самое главное, что всѣ смѣются надъ этими страданіями. Магнусъ, по твоему она играетъ мной?

Гарди. Можетъ ли женщина не играть? Игра въ любовь — та же игра.

Тоттъ. Но играть небомъ и адомъ — опасно.

Гарди. Случается, что умираютъ.

Тоттъ. Я влюбленъ въ нее, какъ мальчикъ, преклоняюсь передъ ней, какъ передъ высшимъ существомъ, и считаю ее моей первой любовью.

Гарди. Ты считаешь ее высшимъ существомъ?

Тоттъ. Да, именно. Развѣ ты не замѣчаешь, что она точно паритъ надъ жизнью, что все обыденное въ ея глазахъ совершенно ничтожно. Самую корону она можетъ растоптать ногами. Я убѣжденъ, что въ одинъ прекрасный день это такъ и случится.

Гарди, насторожившись. Ты думаешь?

Тоттъ. Я думаю, что эта орлица — дитя воздуха, и потому ей тяжело дышется здѣсь на землѣ. Если бъ я могъ послѣдовать за ней!

Гарди. Но вѣдь она никогда ни надъ чѣмъ не задумывается, ничего не дѣлаетъ, ни къ чему не стремится.

Тотъ. Потому что она ничѣмъ не хочетъ быть связана.
Гарди. У нея не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ.

Тотъ. Зачѣмъ ей они? Всѣ эти опредѣленные взгляды черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ становятся устарѣвшими. Она же вѣчно юная, вѣчно новая!

Гарди. Боже! Какъ онъ любитъ!

Тотъ. Да, люблю!

Гарди. У нея нѣтъ недостатковъ?

Тотъ. Нѣтъ, потому что свойства ея природы не исчерпываются мѣщанскими понятіями достоинствъ и недостатковъ.

Гарди. Забѣчалъ ты постоянныя перемѣны ея лица?

Тотъ. У портного Хольма и всей ему подобной челяди по одному лицу — у Кристины ихъ легионъ, потому что душа ея способна вмѣстить цѣлый міръ.

Гарди. Ну пускай хоть сотню міровъ!

Тотъ. Только я могу вполне оцѣнить ея красоту, только я вижу настоящую Кристину, потому что люблю ее — отъ васъ же многое ускользаетъ.

Гарди. Да, Тотъ умѣетъ любить, хоть и причислялъ себя къ женоненавистникамъ.

Тотъ. Я и остался женоненавистникомъ, но Кристина не похожа на другихъ женщинъ. Какъ тебѣ извѣстно, она сама женоненавистница. Такъ что мы и въ этомъ сходимся.

Гарди. Берегись этого мнимаго женоненавистничества; быть можетъ, это ни что иное, какъ ловушка.

Тотъ. Она даже въ своихъ мемуарахъ пишетъ, что синонимъ слова женщина — маска...

Гарди. Да, пишетъ... а ты вѣришь всему, что написано?.. Не читала ли еще она тебѣ отрывки изъ Эврипида?

Тоттъ. Читала. А ты почему это знаешь?

Гарди. Позволь мнѣ объ этомъ умолчать, Клаусъ.

Королева входитъ подъ впечатлѣніемъ дружеской бесѣды съ добродушнымъ Штейнбергомъ, въ рукахъ ея письмо.

Тоттъ и Гарди встаютъ.

Кристина въ задумчивости дѣлаетъ Тотту знакъ рукой, чтобы онъ удалился.

Тоттъ злобно смотритъ на Гарди и медлитъ.

Кристина повторяетъ свой жестъ.

Тоттъ удаляется.

Гарди торжествуетъ, предполагая, что Тоттъ попалъ въ немилость. Уже?

Кристина, сдерживая улыбку, дѣлаетъ строгіе глаза. Она рветъ письмо и бросаетъ на полъ.

Гарди смѣлѣе. Отставка?!

Кристина садится, приглашаетъ съѣсть Гарди, кладетъ между собой и имъ мечъ и съ загадочнымъ выраженіемъ въ лицѣ смотритъ на Гарди.

Гарди. Между нами!..

Кристина продолжаетъ смотрѣть на него пристально и странно.

Гарди, какъ бы въ разсѣянности вынимаетъ изъ кармана футляръ и вертитъ его въ рукахъ.

Кристина. Что это у тебя въ рукахъ?

Гарди. Взятка!

Кристина. Женѣ! Пластырь домашняго міра! За что?
Гарди. За развратъ и непокорность, понятно.

Кристина. Вы хотите ее подкупить? Зачѣмъ же было жениться?

Гарди. Тебѣ вѣроятно лучше, чѣмъ кому-либо извѣстно, зачѣмъ ты женила меня на Маріи Евфросиніи.

Кристина. Слушай, Магнусъ не продашь ли ты мнѣ Экользундъ?

Гарди. Я только что введенъ во владѣніе.

Кристина. Ну, такъ что жъ?

Гарди. Карлъ Густавъ покупаетъ?

Кристина. Нѣтъ! Да не все ли тебѣ равно! Сколько ты хочешь за него?

Гарди. Я не желаю его продавать!

Кристина мужскимъ голосомъ, громко и властно. Своему королю?

Гарди. Королевѣ!

Кристина беретъ за мечъ. Ты непременно хочешь напомнить мнѣ, что я женщина?

Гарди. А развѣ это плохо?

Кристина, скандируя. Для меня, да! А знаешь ли, какъ бы мнѣ хотѣлось когда-нибудь помѣряться съ тобой силами въ открытомъ полѣ; я бы доказала тебѣ, что ни въ какомъ отношеніи не слабѣе тебя.

Гарди. Ты предлагаешь мнѣ поединокъ?..

Кристина молчитъ, какъ бы внезапно погруженная въ свои собственныя мысли, чему-то улыбается, потомъ лицо ея принимаетъ совершенно другое выраженіе. Желаетъ 70.000 таллеровъ за Экользундъ?

Гарди. Смотри потому, кто будетъ наслѣдникомъ? Можетъ быть это уже извѣстно?

Кристина въ смущеніи закусываетъ губы и опускаетъ голову. Молчаніе.

Гарди. Прости, но ты сама напрашиваешься на оскорбленіе.

Кристина. Развѣ оскорблять такъ пріятно?

Гарди. Оскорбить идола пріятно, но оскорбить женщину, которую когда-то любилъ... О, какъ это больно! Но одна боль уменьшаетъ другую.

Кристина. Всѣ говорятъ о боли разлуки. Почему же я не чувствую? Прекрасно снова быть свободной!

Гарди. Снова?! Подожди, когда-нибудь и ты почувствуешь... Это случится непременно, какъ случается со всѣми, кто играетъ силами природы, ея творческими силами, источники которыхъ питаютъ глубокіе корни древа жизни.

Кристина. Какимъ же это образомъ?

Гарди. Ты играешь любовью, а развѣ ты не знаешь, что такое любовь?

Кристина. Конечно,—игра, и игра не серьезная. Скандируя. Но кто начинаетъ игру, тотъ и долженъ терпѣть ея послѣдствія... Рѣзко мѣняя тонъ. Теперь можешь уходить! Прощай!.. Позови Тотта!

Гарди встаетъ, но не уходитъ.

Кристина настойчиво подчеркиваетъ. Камергера Тотта!

Гарди не уходитъ.

Кристина еще громче и настойчивѣе. Государственного совѣтника Тотта!

Гарди. Государственного совѣтника?

Кристина. Можетъ быть теперь ты согласенъ продать мнѣ Эскользундъ?

Гарди. Да, теперь я согласенъ... Но теперь онъ стоитъ дороже.

Кристина. Сколько же?

Гарди дерзко. Пять милліоновъ!

Кристина вздрагиваетъ, потомъ овладѣваетъ собой и говоритъ глухо. Магнусъ!.. Окажи мнѣ услугу...

Гарди. Дорогая кузина, я всегда готовъ для тебя на всевозможныя услуги, за исключеніемъ унижительныхъ.

Кристина. Въ этой нѣтъ ничего унижительнаго для тебя! Пойди въ государственный совѣтъ и послушай слѣдствіе.

Гарди. Хорошо... Я это сдѣлаю! Только можетъ ли это помочь?

Кристина жалобно. Ты считаешь, что мнѣ уже ничто не поможетъ?

Гарди ласково. Маленькая Кристина! Бѣдная маленькая Кристина! Она стоитъ передъ судомъ, и ее обвиняютъ!..

Кристина. Какъ глупо — дѣлать глупости!

Гарди. Да, — несомнѣнно! Кому же это и знать, какъ не мнѣ, когда я теперь обращенъ въ прахъ благодаря моей, — прости за выраженіе, — глупости.

Кристина съ болью. Зачѣмъ ты всегда хочешь доказать мнѣ свое превосходство?

Гарди. Нужно мнѣ его доказывать?

Кристина гнѣвно взглядываетъ на Гарди. Стыдись!..

Гарди. Чтобы выпутаться изъ всей этой тины, тебѣ остается одинъ способъ.

КРИСТИНА. Говори, какой?

ГАРДИ. Отречься отъ престола!

КРИСТИНА. Я не разслыхала!

ГАРДИ. Отречься отъ престола... Молчаніе.

КРИСТИНА дѣлая видъ, что не слыхала. Позови Тотта!

ГАРДИ. Холодно. Нѣтъ! — Ты можешь сдѣлать это сама.

Уходить.

КРИСТИНА одна. Стоитъ въ нерѣшимости, потомъ дѣлаетъ кислую гримасу. Входитъ камергеръ.

КАМЕРГЕРЪ. Его Королевское Высочество принцъ Карлъ Густавъ.

КРИСТИНА лицо ея принимаетъ веселое, открытое выраженіе. Она идетъ навстрѣчу Карлу Густаву. Привѣтливо. Добро пожаловать!

КАМЕРГЕРЪ уходитъ.

КАРЛЬ ГУСТАВЪ толстое, лоснящееся лицо; добродушень, но не лишень нѣкотораго военного достоинства. Падаетъ на колѣно, потомъ встаетъ и обмахиваетъ пыль съ одежды.

КРИСТИНА подаетъ ему одну руку, другой треплетъ его за подбородокъ. Здравствуй, милый Карлъ!.. Вѣчно небритый, вѣчно въ страхъ за свой костюмъ!.. Впрочемъ, такъ и надо! Треплетъ его за подбородокъ. И двойной подбородокъ!.. Но почему ты не побреешься? Иди сюда, мой поросенокъ и садись!

КАРЛЬ ГУСТАВЪ выпрямляется по-пѣтушину; добродушно. Дорогая кузина, день и ночь я ѣхалъ сюда изъ Эланды, чтобы сказать тебѣ, что я совершенно не при чемъ въ этомъ проклятомъ процессѣ!

КРИСТИНА хмурится. Я это и безъ тебя знала... Намъ есть о чемъ побесѣдовать кромѣ этого... Садись! Молчаніе.

КАРЛЪ ГУСТАВЪ готовится къ серьезному разговору.

КРИСТИНА. Я спѣшу и потому приступаю прямо къ дѣлу. Ты хорошо знакомъ съ финансовой частью?

КАРЛЪ ГУСТАВЪ. Знакомъ немножко!

КРИСТИНА. Слушай... Нельзя ли какъ-нибудь занять денегъ?.. Ну вотъ, стоитъ мнѣ заговорить о деньгахъ,— ты смѣешься! — Ты скупъ, Карлъ!

КАРЛЪ ГУСТАВЪ. У меня ничего нѣтъ; не надъ чѣмъ скупиться, мой милый маленькій другъ!

КРИСТИНА. Неужели же нѣтъ даже городскихъ обли... облигацій? — кажется, такъ это называется?

КАРЛЪ ГУСТАВЪ. Облигацій. Растягиваетъ слово и смѣется. Ахъ ты крошка! Скорѣе. Но вѣдь это же государствен- ный заемъ!

КРИСТИНА. А развѣ властитель страны не имѣетъ права... на такія операціи?

КАРЛЪ ГУСТАВЪ. Нѣтъ, дорогое дитя, это зависитъ отъ риксдага и совѣта.

КРИСТИНА, прикладывая палецъ къ губамъ. Такъ, такъ. Молчаніе. Подумаешь, сколько инстанцій изъ-за такихъ пу- стяковъ!

КАРЛЪ ГУСТАВЪ смѣется. Да, моя дорогая, это наша обязанность по отношенію къ народу. Отъ этого зависитъ порядокъ страны. Да тебѣ самой приходилось подписы- вать сотню такихъ бумагъ.

КРИСТИНА. Развѣ? Мѣняетъ тонъ. Это такія бумаги со штемпелями? Они похожи на деньги? Съ желтыми и го- лубыми полосками на изнанкѣ?

КАРЛЪ ГУСТАВЪ, улыбаясь; нѣсколько самодовольно. Всѣ бумаги, которыя ты подписываешь, такого вида... Но, ангель мой... знаешь ли, остерегайся передъ посторонними людьми выдавать свое невѣжество и легкомысліе по отношенію къ дѣламъ государства.

КРИСТИНА сконфуженно. А что такое налогъ?

КАРЛЪ ГУСТАВЪ. Позволь мнѣ тебя перебить, Кристина: скажи откровенно — сколько?

КРИСТИНА, смотря внизъ. Много, много!

КАРЛЪ ГУСТАВЪ. Сколько же?

КРИСТИНА. А какъ ты думаешь?

КАРЛЪ ГУСТАВЪ. Милліоны?

КРИСТИНА слабымъ голосомъ. Да!

КАРЛЪ ГУСТАВЪ испуганно. Сколько же?

КРИСТИНА молчитъ. Гробовое молчаніе.

КАРЛЪ ГУСТАВЪ растроганно и грустно. О, Господи Боже мой! Что ты надѣлала, мое бѣдное дитя?! Все же — не пять?

КРИСТИНА по-дѣтски. Пять?! Нѣтъ кажется, не пять, а три или семь...

КАРЛЪ ГУСТАВЪ встаетъ; съ нѣжностью наклоняется надъ Кристиной и шепчетъ ей на ухо. Ужъ не шутить ли Кристина?

КРИСТИНА холодно. Я никогда не шучу! У меня нѣтъ привычки шутить! Садись на свое мѣсто! Пауза.

КАРЛЪ ГУСТАВЪ смотритъ на нее долгимъ взглядомъ.

КРИСТИНА. На минуту задумывается, потомъ принимаетъ товарищескій тонъ. Послушай, Карлъ, ты долженъ достать мнѣ семьдесятъ тысячъ кронъ.

КАРЛЪ ГУСТАВЪ холодно. Но я не могу.

Кристина. Тогда ты долженъ за меня поручиться.

Карлъ Густавъ. Опять Эскользундъ?!

Кристина. Да!

Карлъ Густавъ. Я уже разъ заплатилъ... Еще разъ платить?

Кристина. Да! Развѣ корона этого не стоитъ?

Карлъ Густавъ, насторожившись. Такъ вотъ какъ...

Кристина протягиваетъ руку. Лукаво. Ну, давай!

Карлъ Густавъ. Корона въ твоихъ рукахъ. А что же я тебѣ дамъ, когда у меня ничего нѣтъ?

Кристина, не отнимая руки. Ну, сюда!

Карлъ Густавъ хватаетъ ея руку и цѣлуетъ. Кристина, ты позволишь мнѣ сказать тебѣ нѣсколько словъ? Только не перебивай и не смѣйся!

Кристина. Зависитъ отъ того, что ты скажешь.

Карлъ Густавъ просто, съ чувствомъ. Явился, чтобы выслушать твой ультиматумъ!.. Да; я не хочу напоминать тебѣ наши юношескіе обѣты — все это, конечно, пустяки и болтовня. Но теперъ, когда мы стали болѣе опыты, имѣемъ собственные взгляды на жизнь, ты не можешь не согласиться, что какъ мое, такъ и твое положеніе — невозможны. Ты обѣщала мнѣ корону въ случаѣ своей смерти... согласись, что я не могу сидѣть и дожидаться твоей смерти.

Кристина зѣваетъ. Ну, скорѣй, скорѣй!

Карлъ Густавъ. Такъ не хочешь ли ты выйти за меня замужъ?

Кристина. Нѣтъ, не хочу. Я вообще не хочу выходить замужъ. Встааетъ и подходитъ къ Карлу Густаву.

КАРЛЬ ГУСТАВЪ. Я знаю, что, какъ мужчина, я, конечно, мало привлекателенъ...

КРИСТИНА, играя его волосами. Тебѣ надо побриться.

КАРЛЬ ГУСТАВЪ. ... но преданное сердце...

КРИСТИНА. Карль Густавъ, ты очень милъ и понимаешь въ дѣлахъ и во всей этой государственной путаницѣ гораздо больше, чѣмъ я, но замужъ за тебя я все-таки не выйду... Цѣлуетъ его въ лобъ. Вотъ поцѣловать тебя я могу! Потому что ты славный... Хоть отъ тебя и пахнетъ пуншемъ... Кажется, пуншемъ.

КАРЛЬ ГУСТАВЪ разсерженно поднимается съ мѣста. Ваше Величество позвольте мнѣ уйти...

КРИСТИНА. Съ большимъ удовольствіемъ. Ахъ, если бы ты мнѣ только досталъ эти семьдесятъ тысячъ — — — ... Пстой! Вотъ что еще... Ты долженъ повліять на верхнюю палату, чтобы она согласилась дать званіе дворянина моему другу Хольму.

КАРЛЬ ГУСТАВЪ. Портному?

КРИСТИНА. Камергеру, если позволите!

КАРЛЬ ГУСТАВЪ. Что за бессмыслица?!

КРИСТИНА. Въ наши времена, времена Кромвеля, пивовары становятся королями, а царевубійцы — посланниками, — хотя бы Уайтлукъ! Вѣдь онъ же разгуливаетъ по шведскому королевству, а представители арміи всрѣчаютъ его барабаннымъ боемъ. Ну, согласенъ или нѣтъ?

КАРЛЬ ГУСТАВЪ. Нѣтъ!

КРИСТИНА. А корона?

КАРЛЬ ГУСТАВЪ. Я не согласенъ, но принужденъ!

КРИСТИНА. Прекрасно! Принужденъ! Скандируя. А чтобы ты больше не надоѣдалъ мнѣ своимъ сватовствомъ

и увѣреніями въ преданности, я прошу позволенія въ слѣдующій разъ, когда побреешься и когда отъ тебя не будетъ нести пуншемъ, представить тебѣ на этотъ разъ твоего, а не моего пріятеля, который извѣстенъ подъ именемъ купца Аллертса. Знаешь?

Карлъ Густавъ совершенно подавленъ. Молчить.

Кристина. Тестя! Что, преданное сердце?

Карлъ Густавъ собирается уходить.

Кристина. Иди, но не забывай семьдесятъ тысячъ Тотта!

Карлъ Густавъ. Тотта?

Кристина. Да, Тотта!

Карлъ Густавъ. Который...

Кристина. А корона, корона!?

Карлъ Г. идетъ, но возвращается кошачьимъ движеніемъ. Сколько милліоновъ?

Кристина рѣзко. Пять!.. Скандируетъ. Но я ихъ получу черезъ купца Аллертса, иначе его имя будетъ въ слѣдующій разъ фигурировать въ процессѣ.

Карлъ Г. Его имя?.. Господи Боже!

Кристина. Да, его имя на ряду съ наслѣдникомъ престола Карломъ Густавомъ! Пауза.

Кристина. Итакъ, мы квиты!

Карлъ Г. Да!

Кристина. Скажи, что мы квиты, иначе я удвою сумму.

Карлъ Г. Мы квиты! Уходить.

Кристина съ минуту стоитъ неподвижно и задумчиво; сзади подкрадывается Пи-

ментелли, обнимаетъ ее за талию и цѣлуетъ въ затылокъ; она беретъ его за руку, увести за кулису направо, потомъ возвращается и звонить.

Хольмъ справа.

Кристина. За твою вѣрную службу, Хольмъ, я хочу пожаловать тебя званіемъ дворянина. Послѣ поблагодаришь. А теперь — освободи на 3 часа подмастерьевъ, отъ моего имени. Карауль всѣ двери; я жду барона Тотта.

Хольмъ. Все будетъ исполнено какъ приказано Ея Величествомъ! Идетъ и отпускаетъ подмастерьевъ.

Тоттъ неожиданно входитъ.

Кристина радостно идетъ ему навстрѣчу, ласково протягиваетъ руку и ведетъ къ столу, гдѣ они садятся другъ противъ друга.

Тоттъ смотритъ на нее тревожно и пытливо. Кто сейчасъ вышелъ отсюда?

Кристина. Хольмъ.

Тоттъ. А передъ нимъ?

Кристина смотритъ на него, стараясь угадать, что ему известно. Передъ нимъ? Многие!

Тоттъ. Прости, Кристина, но мнѣ сегодня весь день не удастся побыть съ тобою! По твоему лицу я угадываю твоихъ сегодняшнихъ посѣтителей. На твоихъ губахъ насмѣшливая улыбка Де-ла Гарди, а твои сдвинутыя брови заставляютъ меня предполагать, что здѣсь былъ самъ Карлъ Густавъ.

Кристина. Какъ ты проницателенъ!

Тоттъ. При тебѣ, Кристина, мысль моя напряженно работаетъ; а раскаленная атмосфера, которая тебя окру-

жаетъ, воспламеняетъ мои чувства и впечатлительность такъ, что мнѣ становится трудно быть въ обществѣ обыкновенныхъ людей.

Кристина. Какъ ты красивъ сегодня, Клаусъ!

Тоттъ. Если я кажусь тебѣ менѣе безобразнымъ — такъ это потому, что ты во мнѣ.

Кристина. Ты попрежнему играешь въ карты?

Тоттъ. Не играю, не пью, почти не ѣмъ. Ни одно бранное слово не вырывается у меня болѣе.

Кристина. Видѣлся ты съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей?

Тоттъ. Я вижу только тебя!

Кристина. Мнѣ кажется, ты что-то грустенъ, другъ.

Тоттъ. Не знаю, грустенъ я или веселъ, живу или не живу... Вчера вечеромъ, Кристина... Ты своей маленькой ручкой вынула изъ меня душу. Стоитъ тебѣ разжать эту ручку, душа моя улетитъ, и меня не станетъ. Я смотрю въ твои глаза и вижу себя въ нихъ. Ты закрываешь глаза, и я перестаю существовать...

Кристина. Клаусъ, это слишкомъ высоко — я тебя не понимаю... Спустись на землю.

Тоттъ. Душу мою ты взяла, передъ тобой одно тѣло!

Кристина. Вспомни бумажный змѣй... пока шнурокъ притягиваетъ его къ землѣ, онъ стоитъ въ воздухѣ... обрѣжь шнурокъ, и онъ упадетъ на землю.

Тоттъ, все болѣе и болѣе одушевляясь. Я этотъ шнурокъ, притягивающій тебя къ землѣ; но ты поднимаешь меня къ небу!..

Кристина съ искреннимъ чувствомъ. Клаусъ! ты доведешь меня до отчаянiя... я совѣмъ не то, за что меня принимаетъ мой мальчикъ...

Тотъ. Ты сама не знаешь, кто ты и откуда пришла, какъ не знаетъ этого ребенокъ, какъ не можешь ты помнить своихъ сновидѣній. Боги, пославшіе тебя на землю, погасили твои воспоминанія.

Кристина. Первый разъ въ жизни я встрѣчаю такую большую любовь и такой великій духъ!

Тотъ. Нѣтъ, я ничто — маленькая грифельная доска, на которой ты можешь писать все, что хочешь; я былъ совершеннымъ ничтожествомъ до встрѣчи съ тобой, всѣмъ я обязанъ одной тебѣ.

Кристина. О, Боже мой!..

Штейнбергъ входитъ. Простодушно. Ваше Величество!

Кристина топаетъ ногой. Проходи скорѣе.

Штейнбергъ. Простите!

Кристина. Иди же!.. Сколько разъ ты будешь еще напоминать мнѣ, что ты мой спаситель!.. Ступай!

Штейнбергъ медлитъ съ грустью. Я пришелъ не за тѣмъ, я пришелъ предупредить... Въ городѣ волненіе...

Кристина. Пускай!

Штейнбергъ печально уходитъ.

Молчаніе.

Кристина. Клаусъ! Вернемся на землю! Ты государственный совѣтникъ!

Тотъ. Что мнѣ до этого; я принялъ подарокъ только для того, чтобы ты не стыдилась своего друга.

Кристина. У меня есть болѣе широкіе для тебя планы. Слушай и не перебивай. Вѣдь ты изъ рода Вазовъ. Видишь ли, сильные люди нашей страны не желаютъ Пфальцеровъ, а ищутъ потомковъ Вазовъ въ Польшѣ. Они должны пригласить тебя, но сначала ты получишь титулъ герцога.

Тотъ. У меня есть ты!

Кристина закрываетъ ему ротъ рукой. Молчи, дитя!.. Въ виду этого я уже просила для тебя у Оксеншерны герцогскій титулъ. Съ минуты на минуту дожидаясь отвѣта.

Тотъ. Я царь вселенной — пока ты моя царица, чего же мнѣ больше!

Кристина. Надо сдѣлаться царемъ земнымъ! Маленькая Кристина не умѣетъ летать. Увы! Неужели я сдѣлаю тебя несчастнымъ... Эпиметей!

Тотъ. Моя Пандора, ты заставила меня впервые взглянуть на небо... Ты чистая, бѣлоснѣжная въ глубинѣ души, несмотря...

Кристина. Несмотря...

Тотъ. Несмотря на то, что порой маленькій гномъ — духъ земли — искажаетъ черты твоего дивнаго лица...

Съ улицы доносятся крики.

Кристина бросаясь къ окну, за которымъ сидѣли подмастерья. Что такое?

Тотъ вскакиваетъ и обнажаетъ мечъ.

Кристина выглядываетъ въ окно. Толпа народа.

Гарди входитъ. Ваше Величество, простите мою дерзость, но въ городѣ сильное волненіе.

Кристина возвращается въ глубь сцены. Какая же причина?

Гарди. Въ двухъ словахъ! Дѣло касается особы королевы. Какой-то сумасшедшій зарѣзалъ на улицѣ женщину, принявъ ее за королеву.

Кристина испуганно. За что они меня ненавидятъ? По-дѣтски. Что я имъ сдѣлала? Развѣ я не старалась дѣлать добро, защищать слабыхъ? Развѣ...

Гарди. Милое дитя, ты до сихъ поръ только играла... такъ нельзя! Маленькой Крестель давно уже нѣтъ, а ты продолжала ея оставаться. Скоро сюда явится канцлеръ, выслушай стараго мудреца, онъ одинъ можетъ спасти тебя.

Кристина грустно. Это необходимо! Подходить къ Тотту, протягиваетъ ему руку и смотритъ на него горячимъ взглядомъ. Подожди тамъ, я позвоню. Близко къ его лицу, какъ бы готовясь поцѣловать его. Только не уходи! Мы еще должны поговорить о твоёмъ костюмѣ для балета.

Тоттъ. Я готовъ ждать хоть сто, хоть двѣсти лѣтъ!
Уходить.

Гарди. Прежде всего, Кристина, балетъ долженъ быть отложенъ!

Кристина. Балетъ? Ни за что!

Гарди. Тогда толпа ворвется въ замокъ!

Кристина. Чего же имъ надо?

Гарди. Одно къ одному! Благодаря процессу, съ каждымъ днемъ дѣло все болѣе и болѣе выясняется.

Кристина дико. Заткни имъ глотки! Казни ихъ безъ всякаго суда! Вѣдь ихъ схватили на мѣстѣ преступленія! Какія же еще улики?!

Гарди. Прикажешь казнить потихоньку?

Кристина. Со скамьи подсудимыхъ негодяи еще будутъ оправдываться лгать. Потомъ появятся разные пасквили! Сдѣлай такъ, чтобы они замолчали сразу и навѣки...

Гарди. Мой бѣдный маленькій другъ!

Кристина. Бѣдная Кристина!

Бурдло входитъ съ развязными манерами и веселымъ лицомъ.

Кристина. Къ де-ла Гарди. Гони его вонь! Эта какая-то обезьяна, а не человѣкъ!

Гарди подходит къ Бурдло и схватываетъ его за плечи. Вонь, милостивый государь!

Бурдло улыбается.

Кристина. Гони его палкой, Магнусъ!

Гарди выталкиваетъ Бурдло. Этотъ человѣкъ былъ когда-то номеръ первый. Считался величайшимъ среди всѣхъ великихъ людей!

Кристина. Это низко, Магнусъ.

Гарди. Прости! Но вѣдь ты, кажется, считала его выше Оксёншерны?

Кристина. Я тогда еще не знала Тотта.

Гарди. Клауса?

Кристина. Да. Вотъ голова, созданная для короны!

Гарди. Ты любишь его?

Кристина. Да, люблю, я полюбила въ первый разъ и навѣки...

Гарди. Ты играла имъ, увлекала его, и попалась сама!

Кристина. Да, теперь конецъ моей свободѣ, но эти узы дороги мнѣ... Онъ одинъ поможетъ мнѣ выбраться изъ всей этой тины.

Гарди съ искреннимъ чувствомъ. Кристина, мнѣ трудно простить тебя; ты жестоко и коварно поступила со мной; положимъ, я не остался передъ тобой въ долгу; теперь, когда я вижу какую женщину создалъ Тоттъ своей любовью изъ лживаго развратнаго существа, какимъ ты была— мнѣ становится стыдно, со слезами въ голосъ, и я начинаю сознавать всю свою вину передъ тобою, потому что я своей любовью не могъ пересоздать тебя. Поздравляю

отъ всего сердца, мнѣ кажется, теперь ты нашла настоящее чувство и настоящаго человѣка!

Кристина закрываетъ рукой глаза, стараясь скрыть слезы. Магнусъ... сдавленнымъ голосомъ. За твою искренность я хочу отвѣтить тѣмъ же! Эта любовь убила королеву; осталась только женщина... Мѣняя тонъ. Фу, какъ мнѣ стыдно!..

Гарди. Канцлеръ!

Кристина вздрагиваетъ. Во что бы то ни стало надо быть королевой, хотя королевы больше нѣтъ. Магнусъ, передай моей матери, что я прошу ее прійти черезъ нѣкоторое время. Отыщи добраго Штейнберга, я сейчасъ жестоко поступила съ нимъ. Попроси его простить меня... Распускаетъ подколотый шлейфъ. И прости меня самъ...

Гарди. Я другъ твой. Мѣняя тонъ. А можетъ быть, прикажешь еще передать что-нибудь Пиментелли.

Кристина недовольно. Иди, я презираю и тебя... и твои насмѣшки!

Гарди надменно. Благодарю, Кристина, я постараюсь сдѣлать то же... Итакъ, прежде всего къ матери! Прежде всего мать и послѣ всего мать!

Кристина. Мать... Задумчиво... Почему нельзя стать матерью... не выходя замужъ?

Гарди. Кристина... молчаніе. Канцлеръ!

Кристина снова принимаетъ видъ королевы.

Камергеръ входитъ. Канцлеръ графъ Оксеншерна!

Кристина киваетъ въ знакъ согласія.

Гарди уходитъ.

Оксеншерна мраченъ; имѣетъ видъ человѣка, приготовившагося выдержать борьбу. Холодно кланяется.

Кристина сухо и надменно. Я за вами посылала. Мягче. Благодарю, что пришли!

Оксеншерна смотреть удивленно.

Кристина указывает на стуль.

Оксеншерна садится. Ваше Величество! Усталымъ голосомъ. Вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, что въ городѣ волненіе?

Кристина мягко и разсудительно. Да, я знаю, и знаю также, кто причина этого волненія. Поэтому я считаю необходимымъ, чтобы одна человѣческая жизнь была принесена въ жертву за всѣ.

Оксеншерна. Мессениусовъ — двое.

Кристина, улыбаясь. Вы жестоки! Мѣняя тонъ. Канцлеръ знаетъ, что онъ получилъ Высочайшую милость.

Оксеншерна равнодушно. Титуль герцога. Да, но это для меня не важно.

Кристина глухо. Вы правы... Для Аксель Оксеншерны что можетъ значить...

Оксеншерна. Осмѣлюсь предложить одинъ скучный вопросъ.

Кристина злобно. Опять, конечно, относительно пяти милліоновъ? Хорошо: часть ихъ ушла на награды, часть «растрочена» мною, какъ говорится, послѣ смерти моего отца...

Оксеншерна грустно. На награды?

Кристина задорно. Да, конечно, потому что для этого необходимы наличныя суммы. Не правда ли?

Оксеншерна, смотря внизъ. Другой вопросъ: извѣстно ли королевѣ, что Швеціи объявлена война?

Кристина испуганно. Война? Нѣтъ... Съ кѣмъ?

Оксеншерна. Это въ высшей степени странно! Королевъ неизвѣстно! Совѣтъ, который также долженъ былъ бы знать, не имѣеть объ этомъ ни малѣйшаго представленія!

Кристина. Съ кѣмъ война?

Оксеншерна. Съ свободнымъ имперскимъ городомъ Бременомъ.

Кристина. Съ Бременомъ?

Оксеншерна. Королевъ совершенно ничего не извѣстно?

Кристина. Нѣтъ... Видите ли, Кенигсмаркъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ жаловался на бременцевъ... тогда... конечно, я отвѣтила... Отвѣтила ему...

Оксеншерна. Что королева отвѣтила?

Кристина испуганно. Развѣ это такъ важно?

Оксеншерна. Что отвѣтила королева?

Кристина. Я написала... что по-моему... конечно ихъ слѣдуетъ поколотить... или какъ это военные говорятъ...

Оксеншерна. Господи Боже мой!

Кристина. Что? Что такое?

Оксеншерна. А вотъ что: Кенигсмаркъ незаконнымъ образомъ построилъ укрѣпленія и предпринялъ осаду города,—при чемъ всю мѣстность затопилъ водою.

Кристина. Нельзя ли какъ-нибудь это поправить?

Оксеншерна. Дорогая моя, какъ же можно такъ поступать!

Кристина. Такъ выручите меня какъ-нибудь, Оксеншерна, вѣдь вы же опытны и свѣдуши въ такихъ дѣлахъ!

Оксеншерна. Да, дитя мое, когда я самъ вызывался

помочь тебѣ — эта помощь оказалась лишней, теперь же, когда она тебѣ необходима — слишкомъ поздно.

Кристина. Что же случилось?

Оксеншерна. А то, что Голландія и самъ король приняли сторону бременцевъ.

Кристина. Самъ король! Бросается на колѣни. Помогите намъ! Помогите намъ!

Оксеншерна. Кристина, дитя мое, встань! Я готовъ тебѣ помочь, но ты не должна болѣе такъ поступать! Видишь ли, для того, что бы управлять государствомъ, нуженъ человекъ практичный — мало ли съ кѣмъ приходится сталкиваться въ риксдагѣ, гдѣ засѣдаютъ граждане и крестьяне. Ты же не отъ міра сего, у тебя натура художественная... Ты безпечна, непостоянна, легкомысленна... тебѣ это не подь силу.

Кристина. Это не такъ трудно, — но скучно.

Оксеншерна, улыбаясь. Да, это скучно... А ты стремишься прежде всего къ веселью... Что жъ, у каждаго свой вкусъ...

Кристина, перебивая. Въ такомъ случаѣ — я отрекаюсь отъ престола!

Оксеншерна. Это не такъ скоро!

Кристина. А я хочу, какъ можно скорѣе!

Оксеншерна, шутливо. Кто-нибудь дожидается?

Кристина. Можетъ быть! Значитъ рѣшено: я — отрекаюсь!

Оксеншерна выпрямляется. Ваше величество, — ваша воля — законъ; но я отказываюсь что-либо совѣтовать въ данномъ случаѣ, такъ какъ этотъ вопросъ исключительно вашей совѣсти.

Кристина. Почему?

Оксеншерна. Потому, что не предвижу всѣхъ послѣдствій этого поступка... А теперь прошу позволенія обратиться съ маленькой незначительной просьбой.

Кристина. Говорите, въ чемъ дѣло.

Оксеншерна. Отложите балетъ. Народъ неспокоенъ. Мессеніусы — часть народа.

Кристина. Въ такомъ случаѣ я принуждена это сдѣлать!

Оксеншерна. Благодарю, дитя мое!.. А теперь прощай. Крѣпко цѣлуетъ ея руку. Богъ да благословитъ и да хранить тебя! Уходить.

Кристина одна; успокаивается и превращается снова въ изящное существо, полное граціи и женственности. Звонить. Хольмъ входитъ. Это ты, камергеръ?... Зажги пожалуйста здѣсь лампы; совсѣмъ темно.

Хольмъ, зажигая лампы. Въ городѣ сильное волненіе.

Кристина. Я уже это слышала, мой другъ... Оно скоро успокоится... Снова звонить три раза.

Тотъ входитъ.

Хольмъ уходитъ.

Кристина. Страстно Тотту. Клаусъ, балетъ не состоится, но сегодня вечеромъ ты долженъ прійти въ павильонъ Львиной Пещеры — тамъ я буду ждать тебя и устрою праздникъ для тебя одного. Это будетъ нѣчто въ родѣ римскаго пира.

Тотъ. Ты и я — это уже цѣлый міръ, кто намъ нуженъ еще для праздника.

Кристина. Ты увидишь Пандору.

Тотъ. Ты хочешь шутить съ дьяволомъ!

Кристина мягко. Такъ строго?

Тоттъ. Нѣтъ, ты заставила меня полюбить Бога! Я не хочу возвращаться къ прежнему.

Кристина цѣлуетъ его. Моя мать!..

Тоттъ, шатаясь, робко. Ты даешь и въ то же время что-то отнимаешь! Что даешь ты—я еще не знаю, но душу мою ты взяла... Кристина, пощади! Я еще такъ молодъ!

Кристина. Молодъ! Юнъ! Ты юный богъ!.. Теперь иди!

Тоттъ уходитъ.

Кристина съ минуту одна, подходитъ къ столу и убавляетъ лампу.

Марія-Элеонора входитъ, не замѣчая Кристины. Дитя мое, гдѣ ты?

Кристина бросаясь въ объятія матери. Мамочка!

Марія-Элеонора уже старая женщина, держится просто, но съ достоинствомъ. Что случилось? Что случилось съ крошкой? Что-нибудь натворила? Какіе-нибудь беспорядки? Пойдемъ сядемъ.

Кристина усаживаетъ мать на софу, сама располагается на двухъ стульяхъ, кладетъ голову ей на колѣни. Молчаніе.

Марія-Элеонора проводитъ рукой по ея волосамъ.

Кристина. Вѣдь ты когда-то такъ же была королевой?

Марія-Элеонора. Нѣтъ, дитя моя, я была женою великаго короля и твоею матерью—и только... пока было можно. Голосъ ея дрожить. Потомъ у меня отняли мое дитя Богъ имъ судья за то. Они желали дать тебѣ мужское воспитаніе. Винить некого...

Кристина. Говори, говори; какъ хорошо выслушивать жалобы...

МАРІЯ-ЭЛЕОНОРА. Плутовка! Ей хочется этимъ заглушить волненіе своего маленькаго сердечка!

КРИСТИНА. Мнѣ хочется отдохнуть, чуть-чуть отдохнуть... я такъ устала, такъ устала... потомъ я сама буду жаловаться. Погладь меня по головѣ... Вотъ такъ!.. Какъ славно на минутку превратиться снова въ ребенка, въ маленькаго, невиннаго, безпечнаго ребенка!

МАРІЯ-ЭЛЕОНОРА. Бѣдная маленькая королева!

КРИСТИНА глубокимъ задушевнымъ голосомъ. Слушай, мамочка, развѣ Пфальцграфъ Іоганъ Казиміръ былъ кальвинистъ?

МАРІЯ-ЭЛЕОНОРА. Отецъ Карла Густава? Да онъ былъ реформатомъ.

КРИСТИНА. Когда же Карлъ Густавъ сталъ лютераниномъ?

МАРІЯ-ЭЛЕОНОРА. Не знаю, дорогая моя. Молчаніе.

КРИСТИНА, подготавливая почву. А правда, мамочка, что твой отецъ также былъ реформатомъ?

МАРІЯ-ЭЛЕОНОРА. Да, конечно.

КРИСТИНА быстро. Когда же онъ сдѣлался ренегатомъ.

МАРІЯ ЭЛЕОНОРА молчитъ.

КРИСТИНА торжествуетъ. Ты слышала, что Оксеншерна и его партія намѣрены пригласить въ Швецію польскихъ Вазовъ.

МАРІЯ-ЭЛЕОНОРА. Что-то слышала. Ну что же,—все лучше, чѣмъ Пфальцеровъ...

КРИСТИНА громко и радостно стучитъ ногами съ демоническимъ выраженіемъ въ лицѣ. А вѣдь польскіе Вазы католики! Стало быть великій Оксеншерна расчлвываетъ на то, что они сдѣлаются также ренегатами!

МАРІЯ-ЭЛЕОНОРА. Дитя мое, я никогда не вмѣшиваюсь въ вопросы религіи... каждый вѣритъ по-своему.

КРИСТИНА вскакиваетъ какъ кошка. Спасибо тебѣ, мама, за эти слова!

МАРІЯ ЭЛЕОНОРА смотритъ на нее съ недоумѣніемъ и смущенно.

КРИСТИНА хватаетъ мечъ и ломаетъ его о колѣни. Конецъ!

З А Н А В Ъ С Ъ .

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена представляет внутренность павильона въ саду Львовъ. Направо аппаратъ, свѣтлыя стѣны котораго расписаны сценами изъ греческой мифологіи. Тамъ стоитъ столъ, покрытый бѣлымъ, на немъ цвѣты, графины съ виномъ въ наполненныхъ льдомъ подставкахъ, золотыя и серебряныя блюда, всевозможные фрукты и т. д. Впереди стоитъ римскій треножникъ, на немъ горитъ жертвенный огонь. Направо подъ балдахиномъ—тронъ. Лѣвую часть павильона занимаетъ площадка съ эстрадой для оркестра, на заднемъ планѣ—дверь.

К р и с т и н а справа, въ костюмѣ Пандоры въ длинной бѣлой одеждѣ, легко облегающей тѣло, съ золотой каймой, заканчивающейся на плечахъ. На ногахъ бѣлыя сандалии. Волосы распущены, на головѣ вѣнокъ изъ розъ. Она ослѣпительно красива. Держитъ въ рукахъ рѣзной ящичекъ.

Г а р д и идетъ навстрѣчу ей; при видѣ ея вздрагиваетъ и опускаетъ глаза, какъ бы ослѣпленный ея красотой.

Г а р д и. Кристина! Какъ прекрасна! Такой я еще никогда не видалъ тебя!

К р и с т и н а. Кто любитъ меня, видитъ меня! Для каждаго Кристина является такой, какую онъ заслуживаетъ!

Гарди. Что несешь ты въ своемъ ларчикѣ, Панд
Кристина открываетъ ларчикъ и показываетъ корону. Все
несчастье міра заключено въ немъ!

Гарди. Неужели же — регалии?

Кристина. Бумага, дорогой мой!

Гарди. Правда, что ты хочешь сложить съ себя ко-
рону?

Кристина. Хочу ли? Если бъ мы знали, чего мы хотимъ!

Гарди. Говорятъ, что ты готовишься подписать отрече-
ніе?

Кристина. Какъ знать! Молчаніе.

Гарди. Увѣрена ли ты въ томъ, что твой возлюблен-
ный, будетъ такъ же глубоко и горячо любить тебя, когда
ты снимешь свой вѣнецъ — этотъ символъ земного могу-
щества?

Кристина. Гнѣвно. Объ этомъ я не думала!.. По-тво-
ему онъ любитъ только королеву?..

Гарди. Не знаю! У васъ свои странности, у насъ свои!..
А тебѣ на этотъ разъ хочется быть любимой, какъ жен-
щина?

Кристина. На этотъ разъ, — да!

Гарди. Несмотря на то, что ты женоненавистница?

Кристина. Несмотря на то, что я женоненавистница!

Гарди съ быстрою молніи. Куда вы отправляетесь?

По лицу Кристины видно, что Гарди уга-
далъ ея сокровенную мысль.

Гарди. Въ Парижѣ, конечно, въ Парижѣ! Въ этотъ
центръ міра, современныя Дельфы, гдѣ еще понынѣ вѣ-
щаютъ оракулы!

К р и с т и н а молчитъ, подавленная гнѣ-
вомъ.

Г а р д и. Въ такомъ случаѣ твой выборъ неудаченъ! — Испанскій посланникъ Пиментелли — злѣйшій врагъ французскаго правительства!

К р и с т и н а. Поражена.

Г а р д и. И если онъ будетъ твоимъ спутникомъ — французскій дворъ закрытъ для тебя.

К р и с т и н а ставитъ ларчикъ на одинъ изъ треножниковъ предъ жертвеннымъ огнемъ.

Г а р д и. Съ Бурдло ты разсталась позорно! Это также плохая рекомендація! Пауза.

К р и с т и н а ставитъ ногу на ступень трона и затягиваетъ сандалии, чтобы скрыть свое смущеніе.

Г а р д и. Кристина, я хочу тебѣ помочь!

К р и с т и н а, оборачиваясь. Ты хочешь помочь мнѣ!

Г а р д и. Я хочу помочь вамъ! Вамъ, обоимъ! Видишь ли какъ велика была моя маленькая любовь! Какъ безкорыстна! Покинутый любовникъ — помогаетъ своему сопернику! Правда, это не такъ часто случается!

К р и с т и н а. Когда мы были близки, Магнусъ, — мы были непримиримыми врагами... Должно быть любовь растетъ вмѣстѣ съ разстояніемъ!

Г а р д и. Пропорціонально квадрату разстоянія, какъ сказалъ бы Декартъ!

К р и с т и н а, улыбаясь. Насмѣшникъ, вѣчный насмѣшникъ!

Г а р д и. Такимъ хотѣла ты меня видѣть! Мнѣ вмѣнялось въ обязанность смѣшить принцессу, можетъ быть Тоттъ заставитъ ее плакать! Слышится рычанье снаружи.

Кристина, прислушиваясь. Что это?

Гарди. Ручные львы въ пещерѣ!

Кристина снимаетъ два кольца и отдаетъ ихъ Гарди одно за другимъ.

Кристина. Магнусъ, съ этимъ кольцомъ иди сейчасъ же къ Пиментелли.

Гарди. Это значить: перерѣжь себѣ горло!

Кристина. А съ этимъ къ Бурдло!

Гарди. А это: никогда не слѣдуетъ отчаиваться!.. Хорошо, пойду!.. Сегодня вечеромъ мы увидимся? Кланяется.

Кристина робко, глухо. Нѣтъ!

Гарди грустно. Значить, домой!.. къ женѣ — къ этому коршуну — на разстерзаніе! Откупаться мнѣ больше нечѣмъ!

Кристина грустно. Бѣдный Магнусъ, неужели она такъ несносна?

Гарди. Сначала она была мнѣ мила какъ все, что исходило отъ тебя, даже жестокости!

Кристина грустно. Магнусъ, сегодня мы, можетъ быть, видимся въ послѣдній разъ... Обними меня!

Гарди обнимаетъ ее нѣжно, но почти-тельно.

Кристина. Поцѣлуй меня въ щеку!

Гарди. Цѣлуетъ.

Кристина. Скажи: бѣдная Кристина!

Гарди съ сдерживаемымъ волненіемъ. Бѣдная Кристина!

Кристина быстро освобождается и выпрямляется. Кончено!

Гарди быстро уходитъ.

Кристина ударяетъ въ ладоши. Штейнбергъ справа. Мой милый Штейнбергъ, ты на меня не сердисься?

ШТЕЙНБЕРГЪ, пораженный красотой Кристины. Ваше Величество!..

КРИСТИНА. Видишь ли, сегодня я даю праздникъ, и мнѣ необходимъ преданный другъ!

ШТЕЙНБЕРГЪ. Я слуга вашего величества, но, смотреть на свой костюмъ, мнѣ кажется, я не такъ одѣтъ...

КРИСТИНА. Безразлично!

ШТЕЙНБЕРГЪ. Это слишкомъ большая честь, Ваше Величество.

КРИСТИНА. Положимъ, честь невелика... Пойди сюда, взгляни! Береть его за руку и подводить къ столу.

ШТЕЙНБЕРГЪ. Плохо ориентуруется въ положеніи, очень польщенъ оказываемымъ ему вниманіемъ, но совершенно не комиченъ.

КРИСТИНА, беря цвѣтокъ изъ вазы. Смотри! Правда онъ свѣжъ и красивъ, какъ молодая дѣвушка? Цѣлуетъ цвѣтокъ.

ШТЕЙНБЕРГЪ. Опьяненъ, ничего не понимаетъ, но не комиченъ.

КРИСТИНА. Когда я возьму этотъ цвѣтокъ...

ШТЕЙНБЕРГЪ, протягивая руку за цвѣткомъ.

КРИСТИНА, пристально смотреть на него. Когда я возьму этотъ цвѣтокъ... то уходите вонъ... и... Молчить.

ШТЕЙНБЕРГЪ, опускаетъ голову, начиная понимать.

КРИСТИНА, нѣсколько нетерпѣливо. Теперь вы поняли меня... Это будетъ сюрпризъ для... для гостей, для гостя вѣрнѣе; взгляните сюда, Штейнбергъ, эта стѣна передвижная... Указывая на заднюю стѣну аппарата. Когда знакъ будетъ поданъ, то уходите, какъ сказано... и съ своей стороны также

подайте знакъ... тогда стѣна поднимется вверхъ... и откроется глубь сада; появится декорація, освѣщенная бенгальскими огнями.

Штейнбергъ стоитъ уничтоженный.

Кристина, смотря на него отчасти съ презрѣніемъ, отчасти съ состраданіемъ. Поняли?

Штейнбергъ уныло, стараясь улыбаться. Да, теперь я понялъ!

Кристина. Вотъ и все!

Штейнбергъ бросается на колѣна. Королева!

Кристина поворачивается къ нему спиной. Теперь уходите... Пауза. И не входите, пока я васъ не позову. Отходить отъ него.

Штейнбергъ поднимается и печальный уходитъ налѣво.

Кристина одна; становится къ огню и грѣетъ руки.

Тоттъ справа.

При входѣ Тотта сцена внезапно освѣщается невидимыми для зрителей огнями; раздается тихая музыка, и изъ корзины, висящихъ на потолкѣ, сыплются цвѣты къ ногамъ Тотта.

Тоттъ. Пандора — «совершенная» Ева; первая и единственная женщина! Источникъ жизни, людей и человѣка!

Кристина. Прометей-свѣтоносецъ, похитившій сокровища боговъ для бѣдныхъ дѣтей земли!

Тоттъ. И въ наказаніе Зевсъ создалъ тебя, Пандора, чтобы властвовать надъ мятежнымъ человѣчествомъ и указывать ему путь къ добру и красотѣ!

Кристина. Всѣ несчастія міра заключило коварное божество въ свадебномъ ящикѣ Пандоры, и она принесла на землю горе!

Тоттъ. И въ то же время радость! На днѣ ящика онъ положилъ неизсякающій даръ — надежду, вѣчнаго и вѣрнаго спутника человѣчества!

Кристина. Сынъ неба, обними меня, я хочу принести тебѣ жертву!

Тоттъ. Нѣтъ, я не хочу обнять тебя!

Кристина. Почему, скажи скорѣе?

Тоттъ. Я слишкомъ люблю тебя. Я люблю тебя, какъ дивное созданіе искусства, и хочу, не касаясь, смотрѣть на тебя!

Кристина. Я не болѣе, какъ глина изъ нѣдръ земли, но тебѣ стоитъ коснуться ея, и передъ тобой предстанетъ великое и вѣчное созданіе искусства!

Тоттъ на колѣнахъ. Властитель Зевсъ, я склоняюсь передъ твоимъ могуществомъ, передъ женщиной! Твоимъ созданіемъ!

Кристина на колѣнахъ. Властитель Зевсъ, въ руки твои отдаю духъ мой,—ты источникъ добра!

Тоттъ. Горе тебѣ, женщина, если ты употребишь во зло силу, вложенную Зевсомъ, или нѣтъ, Всевышнимъ Богомъ въ твои маленькія ручки! Хватаетъ ея руку и цѣлуетъ.

Кристина. Ты можешь оставить ее у себя!

Тоттъ поднимается. Только въ томъ случаѣ, если я сдѣлаюсь твоимъ мужемъ!

Кристина поднимается. Я и хочу быть твоей женой!

Тоттъ. Но вѣдь это невозможно!

Кристина. Что же намъ можетъ помѣшать?

Тоттъ. Корона, скипетръ и мантия!

Кристина. Одна корона! Остальное слѣдуетъ!

Тоттъ. Да, корона...

Кристина. Ужъ такъ и быть! Идетъ къ ларчику, вынимаетъ оттуда корону и кладетъ передъ жертвеннымъ огнемъ. Прими мою жертву великій, единственный изъ смертныхъ, превратившій меня въ женщину!

Тотъ. Я не смѣю принять такую жертву!

Кристина. Ты примешь ее! Что же тебя пугаетъ?

Тотъ. Измѣнчивость счастья!

Кристина. Малодушный!.. Развѣ одно мгновеніе счастья не стоитъ цѣлой жизни страданій?

Тотъ. Пусть будетъ такъ!.. Но не здѣсь, не въ этой странѣ!

Кристина. Нѣтъ не въ этой!.. Ты послѣдуешь за мной?

Тотъ. Хоть на край свѣта!

Кристина. Тогда все рѣшено! Богъ свидѣтель! Слышатся громкія истерическія рыданія.

Кристина. Что это? Что это такое?

Тотъ. Кто-то смѣется!

Кристина ударяетъ въ ладоши.

Хольмъ входитъ одѣтый камергеромъ, костюмъ сшитъ со вкусомъ, и Хольмъ полонъ достоинства.

Кристина безъ злобы. Развѣ такъ караулятъ?

Хольмъ. Ваше Величество!

Кристина. Кто тамъ сейчасъ смѣялся?

Хольмъ. Смѣялся? Я видѣлъ у дверей только барона Штейнберга.

Кристина. Что же онъ тамъ дѣлаетъ?

Хольмъ. Плачетъ! Плачетъ, какъ ребенокъ!

Кристина. Добрый Штейнбергъ... Тоту. Плачь и

смѣхъ близки другъ другу! Хольму. Скажи Штенбергу, что онъ свободень!.. Онъ можетъ итти домой!

Хольмъ. Дождь идетъ, Ваше Величество!

Кристина подходитъ къ Хольму и шепчетъ ему что-то на ухо, послѣ чего беретъ за руку Тотта и подводитъ къ трону. Я не приношу тебѣ короны, мой повелитель, но вотъ тронъ въ моемъ маленькомъ царствѣ, въ этомъ царствѣ всѣ люди равны между собой! Привѣтствую тебя, мой король! Береть цвѣтокъ. Слышится ревъ, какъ въ началѣ акта.

Кристина. Что еще?.. Кто нарушаетъ мой праздникъ?.. Ударяетъ въ ладоши.

Хольмъ снова входитъ.

Кристина. Что тамъ такое?

Хольмъ. Не спрашивайте, Ваше Величество...

Кристина. Меня это беспокоитъ, какъ все неизвѣстное!..

Хольмъ. Въ такомъ случаѣ извольте: это шумитъ народъ, узнавшій объ отреченіи королевы...

Кристина. Разогнать его!

Хольмъ. Довольно трудно... сейчасъ должны вести Мессеніусовъ изъ тюрьмы, къ мѣсту казни!

Кристина. Великій Боже! Сдерживается. Пусть оставятъ насъ въ покоѣ. Шепчетъ что-то на ухо Хольму, послѣ чего тотъ уходитъ. Теперь начнется паэось Эпиметея, Пандора получила свое! Ударяетъ въ ладоши.

Задняя стѣна аппарата поднимается и, вмѣсто ожидаемой картины, предстаетъ неподвижная толпа народа съ блѣдными, застывшими лицами. Впереди всѣхъ купецъ Аллертсъ, трактирщикъ и крестьянинъ, — группа перваго акта.

Кристина глухо вскрикиваетъ.

Тоттъ вскакиваетъ съ трона и бросается на нее.

Кристина. Что это, призракъ изъ бездны?

Тоттъ. Почему я знаю... Я знаю только, что пробудился сейчасъ отъ долгаго сна! Озираюсь. Что это за балаганъ?

Кристина. Что я слышу? Клаусъ Тоттъ!

Тоттъ. Да, моя королева!

Кристина. Я уже не королева! Я твоя...

Тоттъ. Что?

Кристина. Твоя возлюбленная?

Тоттъ. Любовница, ты хочешь сказать!

Кристина, шатаясь отодвигается. О, Боже! Ты несправедливъ! Хватается за сердце. Ты убилъ меня!.. Зачѣмъ ты произнесъ это слово?

Тоттъ. Зачѣмъ?.. Зачѣмъ, что я чувствовалъ потребность тебя оскорбить!

Кристина. За что же?

Тоттъ. Не знаю, — но во всѣхъ этихъ лицахъ я прочелъ ужасный приговоръ — надъ тобой!

Кристина. Ты никогда не любилъ меня!

Тоттъ. Я не любилъ?

Кристина. Да!

Тоттъ. Это было безуміе, но я любилъ тебя, какъ никто!

Кристина. Теперь же ты бросишь меня?

Тоттъ. Конечно!

Кристина Я отреклась отъ престола ради тебя, а

ты... Вѣдь ты далъ клятву послѣдовать за мною въ изгнаніе!

Тоттъ. Пустое!..

Пиментелли появляется и безцеремонно садится на стулъ, скрестивъ руки на груди, и смотритъ пристально на Кристину и Тотта.

Тоттъ. Что себѣ позволяетъ этотъ господинъ?.. Или, можеть быть, ты привыкла къ такому безцеремонному отношенію?

Кристина. Я не знаю, что мнѣ дѣлать?

Тоттъ. Прикажешь мнѣ?

Хольмъ съ письмомъ къ Тотту. Отъ посланника Пиментелли.

Кристина, угадывая содержаніе письма, пытается вырвать его у Тотта. Не читай! Это ядъ!! Не читай!

Тоттъ. Ядъ? По мѣрѣ чтенія блѣднѣеть, взглядываетъ на Пиментелли и падаетъ навзничь.

Кристина бросаясь къ Тотту. Боже, помоги намъ! Къ Пиментелли. Полюбуйся! Убийца!

Тоттъ съ силой приподнимается. Пусти, правда я упалъ, но я поднимусь снова!.. Кристина, теперь все кончено!

Кристина. А я падаю все ниже и ниже съ тѣхъ поръ, какъ ты разбудилъ меня. Зачѣмъ ты разбудилъ сомнамбулу — она такъ свободно и легко блуждала по желобкамъ крыши, не падая, не задѣвая ни за что кончикомъ своей одежды?

Тоттъ. Все прекрасное — мгновенно, одно зло — постоянно!

Музыка замолкаетъ, лампы тухнутъ одна за другой. Слышится шумъ

у дверей и говоръ снаружи. На эстрадѣ появляется Уйт е л у к ъ, суровый, блѣдный, удивленно озирающійся.

К р и с т и н а. Дай мнѣ плащъ!.. Скорѣе! Мнѣ холодно
Вѣдь на мнѣ почти ничего нѣтъ!

Т о т т ъ. Пусти меня, Кристина!

К р и с т и н а. Тогда я умру!

Т о т т ъ. Ты!?..

К р и с т и н а. Да, на этотъ разъ я любила!

Т о т т ъ. Несчастная! Оба мы несчастные! Этого въ недѣлю не забудешь!

К р и с т и н а обнимаетъ его. Не уходи отъ меня... Не уходи!
Дрожить всѣмъ тѣломъ.

Т о т т ъ. Я долженъ уйти!.. Къ твоимъ ногамъ я бросилъ свою душу, а ты втоптала ее въ грязь. Ты толкнула меня въ водоворотъ невѣдомыхъ стремлений... Ты направила мои мысли на ложный путь... Чтобы избавиться отъ всей этой низости и освободить свою душу, мнѣ остается только покончить съ собою!

К р и с т и н а на колѣнахъ. Возьми меня съ собою! Съ собою на небо!

Т о т т ъ. Нѣтъ, отъ тебя-то я и бѣгу! Пандора! Что тамъ еще въ твоемъ ящичкѣ? Ты сказала надежда, а оказался обманъ! Я не могъ не повѣрить — ты была такъ прекрасна тогда!

К р и с т и н а. Несчастные мы! Боги забавляются, а люди плачутъ!

Т о т т ъ. Видишь ты, что наша любовь стала общимъ достоянiемъ?

К р и с т и н а. Вижу — и вижу также, что ни для кого болѣе мои слова ничего не значатъ! Всѣмъ извѣстно, что

я болѣе не королева... О! Зачѣмъ я это сдѣлала! О, дай мнѣ мой плащъ! Вѣдь я совсѣмъ голая! Мой плащъ! Старается закутаться своими волосами. Окно распаивается, и оттуда выглядываетъ голова Бурдло.

Тоттѣ. Что за отвратительная безцеремонность!.. Нѣтъ, я больше не въ силахъ... Прощай, моя невѣста, моя единственная любовь! Царица моя! Прощай!—Навсегда! Уходитъ направо.

Кристина падаетъ на колѣни.

Штейнбергъ поспѣшно входитъ съ горностаевой мантией въ рукахъ, ища королеву. Ваше Величество! Шепчетъ на ухо.

Кристина. Штейнбергъ, я — неблагодарная, но не покидай меня! Уйдемъ вмѣстѣ!

Штейнбергъ. Куда будетъ угодно Вашему Величеству! Хоть на край свѣта!

Кристина. Иди со мной!.. Но не требуй отъ меня награды!.. какъ всѣ.

Штейнбергъ. Всюду слѣдовать за вами — вотъ моя награда!

Хольмъ входитъ. Его Величество, король!

Кристина. Король!.. А здѣсь королева! Хольму, теперь Лейонкрона. Хольмъ! Лейонкрона! — завтра я уѣзжаю — мой долгъ ты получишь изъ казначейства!

Хольмъ. Такъ, такъ! Если вы... Ваше Величество, собираетесь путешествовать... я бы попросилъ что-нибудь въ родѣ документа!

Кристина. Стыдись! Вѣдь я дала тебѣ слово!

Хольмъ. Слово-то словомъ, а документъ — деньги.

Кристина. Онъ говоритъ о деньгахъ... Въ такую минуту... я должна думать о деньгахъ? Вѣдь я тебя изъ

ничтожества сдѣлала дворяниномъ!.. Убирайся вонъ, холопъ!

Хольмъ пытается возразить, но Штейнбергъ выталкиваетъ его вонъ.

Карлъ-Густавъ входитъ въ полномъ вооруженіи гордый и величественный.

Кристина садится на тронъ.

Одно мгновеніе они молча оглядываютъ другъ друга. Потомъ Карлъ-Густавъ дѣлаетъ знакъ Штейнбергу, чтобы онъ ихъ оставилъ.

Карлъ-Густавъ. Кристина!

Кристина. Карлъ-Густавъ! Карлъ десятый!

Карлъ-Густавъ. Да, съ завтрашняго дня!

Кристина. Ты въ этомъ увѣренъ?

Карлъ-Густавъ. Конечно; разъ ты отказалась отъ престола...

Кристина. Но вѣдь есть другіе претенденты.

Карлъ-Густавъ. Вотъ какъ?!..

Кристина. Вазы изъ Польши, напримѣръ!

Карлъ-Густавъ. Я пришелъ говорить не объ этомъ.

Кристина. А о чемъ же?

Карлъ-Густавъ. Я намѣренъ... свести съ тобой счеты, прежде чѣмъ...

Кристина. Вступить во владѣніе! Съ этимъ обратись къ инспектору!

Карлъ-Густавъ. Къ де-ла-Гарди? По-твоему, — къ казначею! Да, вы съ нимъ похозяйничали недурно!

Кристина. Что это за тонъ?

Карлъ-Густавъ. Тонъ короля!

Кристина. Не забывай, что ты сдѣлался имъ благодаря мнѣ!

Карль Г. Не тебѣ, а обстоятельствамъ — и моему законному праву престолонаслѣдія. Да, я племянникъ Густава Адольфа и послѣ тебя прямой наслѣдникъ престола!

Кристина. Это для меня новость! Развѣ Швеція избирательное государство?

Карль Г. Должно быть такъ, если Густавъ Адольфъ наслѣдовалъ престолъ вмѣсто законнаго наслѣдника герцога Юганна, сына Юганна III.

Кристина. Откуда это тебѣ извѣстно?

Карль Г. Изъ завѣщанія Карла IX главнымъ образомъ, въ которомъ онъ указываетъ на него какъ на своего законнаго наслѣдника! Молчаніе. Да, слѣдовало бы тебѣ поближе познакомиться съ исторіей Швеціи, прежде чѣмъ помѣщать свое имя на ея страницы.

Кристина. Тебѣ не стыдно?

Карль Г. Всѣ документы, подписанные тобою, должны быть уничтожены... они свидѣтельствуютъ о царившихъ беззаконіяхъ: воровствѣ, расточительности и любовникахъ!

Кристина. И ты смѣешь мнѣ это говорить?

Карль Г. Да, смѣю! Да, еще добавлю, что вся твоя политика — политика дѣтской, и что она окончательно разорила страну, которую я долженъ наслѣдовать... Твое сумасбродство относительно Бремена подняло всю Голландію во главѣ съ королемъ!

Кристина. Развѣ Оксеншерна не поправилъ дѣла?

Карль Г. Пока еще нѣтъ. Ты выслала изъ Сток-

голма португальскаго посланника въ угоду Испаніи и испанскому послу, въ угоду твоему любовнику Пиментелли! Неприятности, которымъ ты подвергаешь свою страну, ты упустила изъ виду. Упустила изъ виду, что шведскія грузовыя суда, стоявшія на якорѣ въ гавани Португаліи, могутъ быть конфискованы. Ты обращалась со Швеціей, какъ съ вражеской страной, все разоряла, уничтожала, наконецъ, довела до полного разоренія.. Въ Стокгольмскомъ замкѣ исчезли даже ковры. Упсальскій замокъ такъ разграбленъ, что въ немъ нѣтъ кровати для короля. Казначейство ты опустошила до такой степени, что служащіе не могутъ получить жалованье.

Кристина. Немезида!

Карль Г. Почему Немезида?

Кристина. Да потому, что вы такимъ же образомъ поступили съ моей страной. Ты находился при Торстенсонѣ?

Карль Г. Съ твоей страной?

Кристина. Да, представь себѣ! Я такая же нѣмка, какъ моя мать, такая же бранденбургка, какъ ты пфальцеръ. Но будучи пфальцеромъ, ты поднялъ оружіе противъ родной страны. Я же никогда не чувствовала себя шведкой, я всегда ненавидѣла шведовъ такъ же, какъ и моя мать. Я хотѣла положить конецъ тридцатилѣтней войнѣ потому, что Швеціи нечего было тамъ дѣлать — и лѣтъ черезъ пятнадцать, повѣрь, не останется и признака вашихъ владѣній въ Германіи. Такимъ образомъ я стремилась мою новую отчизну сдѣлать могущественной совсѣмъ на иныхъ началахъ, доставить ей славу величайшую въ мірѣ и не временную, а вѣчную. Я стремилась

пересоздать эту дикую націю и пробудить въ ней интересъ къ чему-либо помимо войны. Но тебѣ не понять этого! Ты говоришь, я разоряла страну! Это неправда! Я не осталась въ долгу! Сколько сокровищъ вывезла на моихъ глазахъ Швеція изъ Германіи, сокровищъ искусства, которыми изобиловала эта страна литературы, о которой не имѣли представленія чужестранцы... безграничные планы созрѣвали въ моей головѣ... я думала... думала когда-нибудь сдѣлаться женою великаго Курфюрста-Бранденбургскаго и стать, наконецъ, самой собою... Я знаю, что будущее принадлежитъ странѣ на берегахъ Шпре, а не Стокголму.

Карлъ Г. Неужели же на самомъ дѣлѣ имѣло какую-нибудь опредѣленную цѣль твое безсмысленное царствование? Или ты импровизируешь?

Кристина. Возможно, что только теперь, когда я принуждена защищаться, мысли мои проясняются и озаряютъ внезапнымъ свѣтомъ всю мою бессознательную до сихъ поръ дѣятельность.

Карлъ Г. Можетъ быть эта дѣятельность требовала большаго простора?

Кристина. Можетъ быть! Какъ знать?

Карлъ Г. Что же ты думаешь дѣлать?

Кристина. Это тебя не касается! Не касается никого на свѣтѣ!.. Можетъ быть ты желаешь еще что-нибудь сказать?

Карлъ Г. Очень многое, но все это придется сложить въ своемъ сердцѣ!

Кристина. Это уже неизбежно при вступленіи на

пристоль! Какъ мнѣ приходилось считаться съ ошибками моего предшественника — такъ теперь тебѣ!

Карль Г. Не объ этомъ я хотѣлъ говорить съ тобою!..

Кристина. Нѣтъ? Ну, такъ о другомъ я не желаю говорить и ты не долженъ.

Пауза.

Штвйнбергъ. Государственный канцлеръ!

Кристина. Вотъ какъ! Въ первый разъ, наконецъ, онъ является кстати!.. Садись, Карль Густавъ. Это прощальный визитъ.

Карль Г. Неохотно садится.

Оксеншерна. Входитъ, озираясь, замѣчаетъ сначала Кристину, потомъ Карла Густава.

Кристина. Чѣмъ могу служить?

Оксеншерна. Только прямымъ отвѣтомъ на такой же вопросъ!

Кристина. Спрашивайте!

Оксеншерна. Я посланъ верхней и нижней палатой... Это касается нѣкоторыхъ подробностей акта отреченья королевы... Хотятъ выяснить условія... Мнѣ поручили...

Кристина. Я не желаю!

Оксеншерна. Какъ же такъ: носятя слухи, что Ваше Величество... приняли католическую вѣру! Правда это?

Кристина. Нѣтъ, неправда!

Оксеншерна. Слава Всевышнему!

Кристина. Подождите! Сейчасъ это неправда, но

III
7634
можетъ оказаться правдой... Никто не знаетъ, чѣмъ онъ кончитъ!

Оксеншерна. Неужели же дочь Густава Адольфа можетъ измѣнить вѣрѣ своего отца?

Кристина. Очень возможно, что она вернется къ вѣрѣ своего отца, къ вѣрѣ Святого Эрика Энгельбрехта Стура и перваго Вазы — къ этой вѣрѣ, которой вы измѣнили! Пауза.

Оксеншерна. Вотъ что мнѣ приходится слышать, прежде чѣмъ сомкнуть свои усталые глаза... Но пока еще не поздно — я готовъ на колѣняхъ умолять васъ!

Кристина. Напрасно! Моя вѣра не подкупна, и не продажна.

Оксеншерна. Тогда я долженъ говорить иначе!

Кристина. То-есть, угрожать? Въ такомъ случаѣ я также съ своей стороны обращаюсь къ духу моего дѣда, вся жизнь котораго протекла въ борьбѣ за свободу, за терпимость.

Оксеншерна и Карлъ Г. Молча
склоняють головы.

Кристина. Желаете вы еще что-нибудь сказать?

Оксеншерна. Нѣтъ!

Кристина. Выпрямляется. Тогда простимся.

Оксеншерна. Прошайте.

Кристина. Уходитъ.

ЗАНАВѢСЪ.

Книгоиздательство В. М. САБЛИНА.

МОСКВА,

Петровка, д. Обидиной (ходъ съ Крапивенскаго пер.).

Телефонъ 131-34.

І ОТДѢЛЪ.

Политическая библіотека.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учреждений. М. 1906 г. Цѣна 3 р. 75 к.

Предисловіе Максима Ковалевскаго. Переводъ подъ редакціей А. С. Яценко, съ приложеніемъ текста конституціонныхъ актовъ.

Ольстонъ. Краткій очеркъ современныхъ конституцій, съ приложеніемъ очерка конституціи Англии. М. 1905 г. Ц. 15 к.

Георгъ Мейеръ. Избирательное право, въ 2-хъ част. Историческая и общая части. Съ предисловіемъ Георга Йеллинека. М. 1905 г. Цѣна 3 руб.

Собрание конституцій. 19 конституціонныхъ актовъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Собрание конституцій. Выпускъ I. Конституціи: Франціи, Германіи, Пруссіи, Швейцаріи. Декларация правъ. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собрание конституцій. Выпускъ II. Конституціи: Австро-Венгерской имперіи, Австріи, Венгрии и Соединенныхъ Штатовъ. М. 1905 г. Цѣна 30 коп.

Собрание конституцій. Выпускъ III. Конституціи: Швеціи, Норвегіи. Актъ Уніи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собрание конституцій. Выпускъ IV. Конституціи: Болгаріи, Греціи, Румыніи и Сербіи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собрание конституцій. Выпускъ V. Конституціи: Австраліи, Японіи и Бельгіи. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Г. Брандесъ. Великій человекъ. (Начало и цѣль цивилизаціи.)

Лекція, читанная въ Высшей Русской школѣ въ Парижѣ. Переводъ Н. Эфроса. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

Тардъ. Отрывки изъ исторіи будущаго. Переводъ Н. Н. Полянского. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Г. Иеллинекъ. Право меньшинства. Докладъ, читанный въ юридическомъ Обществѣ, въ Вѣнѣ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к.

А. А. Титовъ. Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи. Москва въ 1901 г. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Декабристы и тайныя общества въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. Слѣдствіе. Судъ. Приговоръ. Амнистія. Офіціальныя документы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

М. Ковалевскій. Ученіе о личныхъ правахъ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 40 к.

Н. Полянскій. Свобода стачекъ. Исторія завоеванія коалиціонной свободы во Франціи. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Мильо. Тактика социализма въ рѣшеніяхъ международныхъ конгрессовъ. М. 1906 г. Цѣна 75 к.

Рѣчь Робеспьера о свободѣ печати, произнесенная въ якобинскомъ клубѣ 11 мая 1807 г. и повторенная въ Национальномъ Собраніи 2 августа того же года. М. 1906 г. Цѣна 10 к.

А. И. Герценъ. Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 50 к.

Бebelъ. Женщина и социализмъ. Полный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 193-хъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 50-ти. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Симагинъ. Отвѣтственность министровъ. М. 1906 г. Цѣна 10 коп.

Хроника социалистическаго движенія. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 35 к.

Ольшевскій. Бюрократія. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Науманъ. Демократія и императорская власть. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

К. Диль. Социализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Полный переводъ съ нѣм. изд. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

Рѣчи и біографіи участниковъ процесса 193-хъ и 50-ти. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Дамашке. Земельная реформа. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

П. Луи. Рабочій и государство. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Орландо. Принципы конституціоннаго права. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

III

- И. И. Поповъ.** Дума народныхъ надеждъ. М. 1907 г. Ц. 85 к.
- Викторъ Обнинскій.** Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 1-й. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Викторъ Обнинскій.** Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 2-й. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Петрашевы.** Процессы Николаевской эпохи. М. 1907 г. Ц. 1 р.
- Декабристы.** Процессы Николаевской эпохи. М. 1907. Ц. 1 р.
- М. Штирнеръ.** Единственный и его достояніе. М. 1907 г. Цѣна 75 к
- А. А. Лопухинъ** (бывш. директоръ департамента полиціи). Изъ итоговъ служебнаго опыта. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
- Проф. Оршанскій.** Первый шагъ (мысли о еврейскомъ вопросѣ). М. 1907 г. Цѣна 25 коп.

II ОТДѢЛЪ.

Научная библіотека.

- Бельше.** Происхожденіе челоуѣка. Пер. подъ ред. Синицкаго. М. 1908 г. Цѣна 50 к.
- Д-ръ Котикъ.** Эманация психо-физической энергіи. М. 1907 г. Цѣна 60 к. (Распродано).
- А. Риги.** Современная теорія физическихъ явленій (радіоактивность, іоны, электроны). М. 1906 г. Цѣна 80 к.
- Э. Жаваль.** Среди слѣпыхъ. Практическіе совѣты для лицъ, потерявшихъ зрѣніе. Переводъ Г. Г. Оршанскаго. М. 1905 г. Цѣна 60 к.
- В. Оствальдъ.** Школа химіи. Первая часть, переводъ Евг. Раковскаго. М. 1904 г. Цѣна 1 р.
- В. Оствальдъ.** Школа химіи. Вторая часть. М. 1905 г. Ц. 1р.
- Сельско-хозяйственный анализъ.** Составили: пр. Сельско-хозяйственнаго Института Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 1-я. Почва. М. 1907 г. Цѣна 2 руб.
- Сельско-хозяйственный анализъ.** Составили: проф. Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. Часть 2-я. Удобреніе и кормовыя вещества. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 коп.
- Штарке.** Опытное ученіе о физикѣ. М. 1907 г. Цѣна 2 руб.
- Э. Ферри.** Уголовная социологія. Редакція проф. Познышева.
- Проф. П. И. Новгородцевъ.** Философія права. Конспектъ лекцій. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

III ОТДѢЛЪ.

Библіотека художественной литературы.

- Князь С. Д. Урусовъ.** Записки губернатора. М. 1907 г. 1 р. 50 к.
- Н. А. Морозовъ.** Въ началѣ жизни. (Какъ изъ меня вышелъ революціонеръ вмѣсто ученаго). М. 1908 г. Цѣна 80 коп.
- Н. А. Морозовъ.** Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. 2-е изданіе, значительно дополненное. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 1-й. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 2-й. М. 1907 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. (Итоги художественной литературы въ XIX вѣкѣ.) 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Д. Овсяннико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. Часть вторая. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Люблинскій. Итоги современнаго искусства и литературы. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. 2-ое изд. съ портретомъ автора и критической статьей Г. Брандеса. М. 1906 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Сказка, драма.—Смерть, новелла.—Мгновенія жизни, драма.—Литература, комедія.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изд. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Завѣщаніе, драма.—Поручикъ Густель, новелла.—Анатоль, діалоги.—Роковой вопросъ. Рождественскій подарокъ. Эпизодъ. Сувениръ. Прощальный ужинъ. Агонія. Утро Анатоля передъ свадьбой. Жена философа. Послѣднее свиданіе. Бенефисъ. Цвѣты. Мертвые молчатъ.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. III. 2-е изданіе М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Трилогія: Парацельсъ. Подруга. Зеленый по-пугай.—Покрывало Беатриче.—Одинокой тропой.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Берта Гарланъ. Храбрый Касьянъ. Канунъ Но-ваго года. Общая добыча.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Забава, драма.—Интермеццо, драма.—Разсказы.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. 6-ой. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Хороводъ. Новеллы. Крикъ жизни. Маріонетки.

Артуръ Шницлеръ. Забава, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1899 г. Цѣна 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Общая добыча (Пощечина), драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ Н. Е. Эфроса. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. I. Драмъ, съ портретомъ и предисловіемъ автора. 2-е изданіе. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Принцесса Малень. Вторженіе смерти. Аглавена и Селизета. Слѣпые. Аріана и Синяя Борода. Intérieur

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Драмы: Пеллеасъ и Мелизанда. Смерть Тентажиля. Алладина и Паломидъ. Семь принцессъ. Сестра Беатриса. Монна Ванна. Жуазель.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій томъ III. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сокровище смиренныхъ. Мудрость и Судьба.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сокровенный храмъ. Правосудіе. Эволюція тайны. Царство матеріи. Прошлое. Счастье. Будущее. Жизнь пчель.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Разумъ цвѣтовъ. Двойной садъ.

Морисъ Метерлинкъ. Слѣпые, драма. Переводъ В. М. Саблина. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. М. 1905 г. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Вторженіе, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Внутри, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Двѣнадцать пѣсенъ. Переводъ Георгія Чулкова. Обложка, рисунки, заставки работы Дудлэ. Нумерованные экземпляры 5 р., нумерованные—3 р.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Съ предисловіемъ автора и его портретомъ 2-ое изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Поэмы (Аметисты. Въ долинѣ слезъ. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Introïbo. Рапсодія 1. Eripsychildion. Рапсодія 2. Свѣтлыя ночи. Рапсодія 3. У моря). Сиріо Dissolvi.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-ое изд. Съ предисловіемъ автора. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сыны земли (Малярія. Сумерки. Ultima Thule).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. III. 2-ое изд. Съ портретомъ автора. М. 1908 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Ното Sapiens.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Съ критической статьей автора „О драмѣ и сценѣ“. М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Драмы (Пляска любви и смерти. Золотое руно. Счастье. Мать. Гости. Снѣгъ).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. V. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Критика (Къ психологіи индивидуума: Шопенъ и Ницше. Ола Ганссонъ. Пути души. Вступленіе. Афоризмы и Прелюдіи. Эдвардъ Мунхъ. Густавъ Вигеландъ. Шопенъ. Пламенный. Памяти Юлія Словацкаго. Съ Куявскихъ полей).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VI. М. 1906 г.
Цѣна 2 р.

Содержаніе: Дѣти сатаны. De profundis.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г.
Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Заупокойная месса. Стихотворенія въ прозѣ.

Вѣчная сказка.

Ст. Пшибышевскій. Полное собран. сочиненій, т. VIII. М. 1908 г.
Цѣна 1 р.

Содержаніе: Синагога сатаны. Обрученіе.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Повѣсти и рассказы. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Рабы любви. Сынъ солнца. Закхей. По ту сторону океана. Отъявленный плутъ. Отецъ и сынъ. Царица Савская. Дама изъ Тиволи. Тайное горе. Кольцо. На улицѣ. Енъ Тру. Почтовая лошадь. Рождественская пирушка. Сочельникъ въ горной хижинѣ. Шкиперъ Рейерсенъ. На отмели близъ Нью-Фаундленда. Парижскіе этюды.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изд. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Редакторъ Линге, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. Повѣсти и рассказы. 2-е изд. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голозь жизни. Маленькія приключенія: (Страхъ смерти. Уличная революція. Въ преріи. Привидѣніе. Гастроль Завоеватель. Викторія).

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. 2-е изд. Повѣсти и рассказы. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голодь. У царскихъ вратъ,—драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ V. 2-е изд. Повѣсти и рассказы. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Панъ,—романъ. Вечерняя заря,—драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ VI. М. 1907 г.
Цѣна 1 р.

Содержаніе: Въ сказочной странѣ—романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г.
Цѣна 1 р.

Содержаніе. Новь—романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ VIII. М. 1907 г.
Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Фантазеръ. Въ странѣ полумѣсяца.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ IX. М. 1907 г.
Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Загадки и тайны.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. X. М. 1908.
Цѣна 1 р.

Содержаніе: Драма жизни. Царица Тамара.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. 2-е изд.
М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки и рассказы.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе.
М. 1907 г. Цѣна въ переплетѣ 2 р., безъ переплета—1 р. 50 к.

Содержаніе: Портретъ Доріана Грея, романъ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. 2-е изд.
М. 1908 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки. Стихотворенія въ прозѣ. Саломея. De profundis (тюрьма).

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. М. 1907 г.
Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: О социализмѣ. Герцогиня Падуанская. Вѣрь
леди Уайндермеръ.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, переводъ съ польскаго В. Ту-
чапской. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Отрывки. Гимнъ Аполлону. Триумфъ. Двойная
смерть. Заколдованная княжна. Карьера попугая. Гробы. Дождь.
Недоразумѣніе. Гордость. Изъ афоризмовъ. Ледяная вершина. Мо-
нархъ. Кукла. Изъ воспоминаній художника. Къ небу. Стихо-
творенія въ прозѣ. Воспоминаніе. Судъ. Тѣнь. Любовь. Роза.
На Везувіѣ. Черный мотылекъ. Надъ потокомъ. Счастье. Журавли.
Ель. Къ женщинѣ. Тяжелое будущее. Къ смерти. За стеклянн-
ой стѣной. Одна изъ сказокъ. **Бездна.**

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія. Переводъ А. Торскаго. М. 1907 г.
Цѣна 1 руб. (Конфисковано).

Содержаніе: Революція—драма.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія. М. 1908 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Содержаніе: На горныхъ уступахъ.

О. Мирбо. Собраніе сочиненій. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Садъ пытокъ—романъ.

О. Мирбо. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе. Себастьянъ Рокъ.

О. Мирбо. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Дневникъ горничной.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Таисъ. Кліо.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Господинъ Бержере въ Парижѣ.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Красная лилія.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Валтасаръ.

- Анатоль Франсъ.** Полное собраніе сочиненій. М. 1908 г. Ц. 1 р.
Содержаніе: Критическій очеркъ Г. Брандеса. Садъ Эпикура.
- Стриндбергъ.** Сочиненія. М. 1908 г. Цѣна 1 р.
- Германъ Зудерманъ.** Да здравствуетъ жизнь! — Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ, съ разрѣшенія автора, В. М. Саблина. 2-е изд. М. 1902 г. Цѣна 75 к.
- Гергартъ Гауптманъ.** Эльга, переводъ В. М. Саблина. Ц. 75 к.
- Гергартъ Гауптманъ.** Красный пѣтухъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 60 к.
- Максъ Гальбе.** Потокъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, литографированное изданіе для театровъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1904 г. Цѣна 50 к.
- Генрикъ Ибсенъ.** Женщина съ моря, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 40 к.
- Э. Лабишъ и Делакуръ.** Копилка, комедія - шутка въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1902 г. Цѣна 40 к.
- Роде.** Гауптманъ и Ницше. Критическій очеркъ. М. 1903 г. Ц. 40 к.
- Поль Эрвье.** Пессимизмъ и современный театръ. Критическій очеркъ. М. 1902 г. Цѣна 30 к.
- Треплевъ.** Фактъ и возможность. Этюдъ о М. Горькомъ, съ портретомъ М. Горькаго. М. 1904 г. Цѣна 30 к.
- Треплевъ.** Молодое сознание, этюдъ о Вл. Г. Короленко, съ портретомъ В. Г. Короленко. М. 1904 г. Цѣна 40 к.
- Треплевъ.** Три этюда. М. 1904 г. Цѣна 50 к.
Содержаніе: Радость земли. Механизмъ. Бѣгство отъ земли
- Георгій Чулковъ.** Кремнистый путь, стихотворенія и поэмы. М. 1904 г. Цѣна 1 р.
- С. Выспанскій.** Варшавянка, — драма. Переводъ В. А. Высоцкаго. М. 1906 г. Цѣна 40 к.
- Э. Кей.** Вѣкъ ребенка. Первый полный переводъ Е. К.—М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Э. Кей.** Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 р.
- Э. Кей.** Любовь и бракъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Танъ.** Мужики въ Государственной Думѣ. М. 1907 г. Цѣна 10 к.
- Танъ.** На тракту, — повѣсть. М. 1907 г. Цѣна 10 к.
- Танъ.** Красное и черное. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.
- Содержаніе:* Опять на родинѣ. Христосъ на землѣ, фантазія. Сонъ тайнаго совѣтника. На тракту, очерки изъ жизни петербургскихъ рабочихъ. Дни свободы, повѣсть изъ московскихъ событій. По губерніи безпокойной. Крестьянскій союзъ. Первый крестьянскій сѣздъ въ Москвѣ. Совѣщаніе въ Гельсингфорсѣ. Мужики въ Думѣ. Долго ли? Легенда о счастливомъ островѣ.
- Берентъ.** Гнилушки, — романъ. М. 1907 г. Цѣна 2 р.
- Ригеръ-Налковская.** Женщины — романъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р.
- Ола Ганссонъ.** *Sensitiva amorosa.* М. 1908 г. Цѣна 50 к.
- У. Патеръ.** Воображаемые портреты. М. 1908. Ц. 75 к.

Печатаются и скоро поступятъ въ продажу:

О. Мирбо. На автомобиль.
Рербергъ. Лекціи объ искусствѣ.
Тетмайеръ. Ангель смерти.
К. Гамсунъ. Сочиненія, XI томъ.

Сизеранъ.
Англійская живопись. М. 1908.
Цѣна 2 р. 75 к.
Iost. Физиологія растений.

IV ОТДѢЛЪ.

ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Бр. Гриммъ. Сказки и легенды, въ переводѣ А. Федорова-Давыдова. 2-е изданіе Уч. К. М. Н. П. одобрено въ средн. и низш. уч. зав. Тт. 1-й и 2-ой. Цѣна за два тома 3 руб., въ коленкор. пер. 4 руб.

Японскія сказки.

Переводъ В. Ф. Коршъ. М. 1906 г. Ц. 40 к.

С. Лагерлефъ.

Легенды о Христѣ. Ц. 2 р.

С. Лагерлефъ.

Сказки и легенды. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Сетонъ-Томпсонъ.

Мои дикіе знакомые. Ц. 2 р.

Э. Сетонъ-Томпсонъ.

Животныя герои. Ц. 2 р.

Э. Сетонъ-Томпсонъ.

По слѣдамъ оленя. Ц. 75 к.

Лонгъ.

Младшій братецъ медвѣдя. Ц. 1 р. 75 к.

Перри-Робинзонъ.

Черный медвѣдь. Цѣна 1 р. 75 к.

Р. Киплингъ.

Вотъ такъ сказки! Ц. 2 р.

Р. Киплингъ.

Джунгли, въ 2-хъ томахъ. По 1 р. 50 к.

Г. Кеннеди.

Индійскія сказки. Ц. 2 р.

Макманусъ.

Ирландскія сказки. Ц. 1 р. 25 к.

Волховской.

Дюжина сказокъ. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Готорнъ.

Книга чудесъ. Ц. 1 р.